ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ
В ФОТОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

М И Х А И Л
Б У Л Г А К О В

МЕМУАР-БИОГРАФИЯ

ЮМА - ПРЕСС
КИЕВ 2004

УДК 929 Булгаков 821.161.1-94
ББК 84,4 УКР=РОС-8
М 69

СЕРИЯ "ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ
В ФОТОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ"
ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

1
ВЫПУСК

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Составитель: Л.В.Губианури
При участии научных сотрудников Литературно-мемориального музея М.Булгакова: С.Л.Бурмистренко, В.В.Дерид, А.П.Кончаковского, К.Н.Питоевой, Т.А.Рогозовской.

ISBN 966-7908-10-0

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книги и дети рождаются из любви на любовь. Вдохновение рождения — залог жизни. Пусть эта книга будет счастливой, потому что родилась она из любви к удивительному мифотворцу и словотворцу, из любви к Мастеру. И родилась, несомненно, на любовь, всех поклонников, для которых каждый булгаковский отзвук, — это весь булгаковский миф.

Каждое обращение к Булгакову можно было бы начать так: “Дорогой, Мастер...” Потому что был он, и Мастером, и Бегемотом, и профессором Преображенским и... Он был всеми и никем, он был собою, — Магом литературы и Творцом мистерии. Говорить о Булгакове вне мистического — то же, что говорить о любви вне лирического или о красоте вне прекрасного. Поэтому — “Дорогой Мастер...”

“Ни тени тел, ни тени дел”, — сказал Михаил Афанасьевич об ушедших. Сказал и постарался остаться, чтобы тень его, тень великая — талантом, тень великая верой в жизнь осталась во вселенной навсегда. Может, поэтому, куда бы не ехал, брал и с удовольствием дарил свои фотокарточки — остаться в памяти, запечатлеться, закрепиться. Ну, не Воландовский ли юмор, творить из прошлого будущее!? Руководить временем? Не мистика ли связь всех времен, связь всех людей? Как будто знал, что однажды, в его любимом городе, в его родном доме, стены которого помнят, отыщется каждая его фотография, каждая его черта, мимолетность настроения, приходящесть момента, чтобы создать единый портрет, человека и творца, человека и гения.

Каким он был...— извечное потомков об ушедшем. Нет, не таким. Нет, и не таким... Любовь требовательна и придирчива. Для нее важно и слышать и видеть. Найти слово — дух и черты — плоть, чтобы любить бессмертно. Воспоминания — всегда субъективная правдивость, правда отношения, правда одного сознания и осознания. В них важна и правда — честность по отношению к действительности, и бережность — честность по отношению к человеку. Воссоздавать человека по крупицам — сложно. То черты превращаются в чертей, а то черти превращаются в ангелов. И в этой вакханалии интерпретаций человека другими, нужно отыскать ту середину, которая вне божественного или дьявольского, а только в рамках Человеческого. Ибо человек — это опрокинутая акваркль, в которой ни одного цвета — только оттенки. Найти человека необходимо, даже, если он — миф самому себе, как случилось это с Михаилом Булгаковым. Найти, чтобы любить. Это очевидно просто — слышать и видеть. А в этом — знать, постичь, понять, простить, принять — и только тогда и после любить. И уже навсегда, не страшась разочарований. Миф не блекнет, когда выходит из тени его Человек, со слабостями, с достоинствами, миф оживает. И поэтому в нашей книге мы поставили рядом М.Булгакова — творца своей биографии, своих произведений, своего фотопортрета и М.Булгакова — человека, во всей сложности характера, во всех ньюансах взаимоотношений его с окружающими людьми, и столкновений с действительностью. Залогом объективности при создании этой книги было восхищение гением и приятие человека. А также та уверенность, что все, собранное о Булгакове, будет сказано людям, заведомо любящим его.

1891

1907

1916

1920

Глава I

Киев:

семья, детство,
юность, женитьба,
медицина,
начало пути.

Семья

Роль родителей и семьи в формировании Михаила Булгакова была велика... Отец — Афанасий Иванович Булгаков (17 апреля 1859 г. - 14 марта 1907 г.), старший сын священника Ивана Абрамовича и Олимпиады Ферапонтовны Булгаковых. Уроженец города Орла (А.И.Булгаков родился в с.Бойтичи Жирятинского уезда Орловской губернии — *сост.*)

Окончил в 1885 году Киевскую Духовную Академию по церковному отделению со степенью кандидата богословия. С 1885-1887 гг. преподает греческий язык в Духовном училище в городе Новочеркасске; там же готовит свою магистерскую диссертацию. Защищает диссертацию осенью 1887 г. в Киевской Духовной Академии, получает ученую степень магистра; единогласно избран советом Академии на кафедру древней гражданской истории — со званием доцента.

С 17 января 1889 г. переходит на кафедру истории западных исповеданий. Афанасий Иванович кроме древних языков знал немецкий, французский, английский; читал в подлинниках славянские книги и журналы. В начале 90-х годов преподает, не оставляя Академии, историю в Киевском женском институте. 21 марта 1902 г. избран экстраординарным профессором. 11 декабря 1906 г. удостоен степени доктора богословия. 8 февраля 1907 г. утвержден в звании ординарного профессора. Умирает в Киеве от склероза почек 14 марта 1907 г., не дожив до 48 лет.

Е.А.Земская с.41-42 (15)

Скажу о питомцах Киевской Дух. Академии, студентах Орловской духовной семинарии в 80-х гг.

Афанасий Иванович Булгаков, 3-й ученик (вып. 81 г.), это — человек определенного характера и направления. Усидчивый, трудо-

любивый, довольно серьезный и ко всему тому искренно-религиозный, он производил выгодное впечатление. В церкви он всегда читал и пел на левом клиросе. В Академии он избрал себе тему "История и разбор западных вероисповеданий", и эту тему он разработал столь широко, что "на ней" он получил магистерский и докторский диплом.

Оставленный стипендистом при Академии, он постепенно достиг звания: доцента, экстраординарного и ординарного профессора Киев. Академии.

о.Павел Тихвинский (57)

Все его годичные сочинения, равно как и магистерские и докторские, трактовали именно о западных вероисповеданиях, их возникновении и развитии. Его сочинения по этому вопросу печатались даже в заграничных изданиях. Он отличался религиозной настроенностью, деловитостью и постоянством своих взглядов.

о.Павел Тихвинский (57)

Родители, и отец, и мать, оба были из Орловской губернии, из сердца России. Тургеневские места. И это тоже наложило отпечаток. Хотя мы жили на Украине (потом все уж говорили по-украински), но у нас все-таки было чисто русское воспитание. И мы очень чувствовали себя русскими. Но Украину любили.

Семьи и отца и матери были огромные. У отца было в семье десять человек детей, а у матери девять.

Н.А. Булгакова-Земская с.46-47 (15)

Отец обладал огромной трудоспособностью. Вот я помню. Он уезжал в Киев с дачи на экзамены. А с экзамена он приезжал, снимал

сюртук, надевал простую русскую рубаху-косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником они корчевали деревья, и уже один, без дворника, отец прокладывал на участке (большой участок — две десятины) дорожки, а братья помогали убирать снятый дерн, песок...

Отец с большой любовью устраивал домашнее гнездо, но, к сожалению, это продолжалось недолго. Мы начали жить в Буче в 1902 году, а отец умер в 1907-м.

Н.А. Булгакова-Земская с.48-49 (15)

Когда отец умер, мне было 13 лет. Мне казалось, что мы, дети, плохо его знали. Ну что же, он был профессором, он очень много писал, он очень много работал. Много времени проводил в своем кабинете. И тем не менее вот теперь, оглядываясь на прошлое, я должна сказать: только сейчас я поняла, что такое был наш отец. Это был очень интересный человек, интересный и высоких нравственных качеств... Над его гробом один из студентов, его учеников, сказал: "Ваш симпатичный, честный и высоконравственный облик". Действительно — честный, и чистый, и нравственный, как сказал его студент. Это повторяли и его сослуживцы. Отец проработал в академии 20 лет, и за эти 20 лет у него ни разу не было не только ссоры или каких-нибудь столкновений с сослуживцами, но даже размолвки. Это было в его характере. У него была довольно строгая наружность. Но он был добр к людям, добр по-настоящему, без всякой излишней сентиментальности. И эту ласку к людям, строгую ласку, требовательную, передал отец и нам. В доме была требовательность, была серьезность, но мне кажется, я могу с полным правом сказать, что основным методом воспитания детей у Афанасия Ивановича и Вар-

Н.А. Булгакова-Земская с.48-49 (15)

вары Михайловны Булгаковых были шутка, ласка и доброжелательность. Мы очень дружили детьми и дружили потом, когда у нас выросла семья до десяти человек. Ну, конечно, мы ссорились, было все что хотите, мальчишки и дрались, но доброжелательность, шутка и ласка — это то, что выковало наши характеры.

Древнюю гражданскую историю нашему курсу читал А.И.Булгаков. Он начал свою преподавательскую деятельность в годы нашего поступления в академию. Я был на его вступительной лекции, которая всем нам не понравилась ни по содержанию, ни по форме... Ораторские приемы у него отсутствовали. Вообще в наше время он успеха не имел. На кафедру он, как и многие другие, попал случайно и никакого тяготения к древней истории не имел. Поэтому уже на второй или, кажется, на третий год после занятия кафедры он бросил ее и перешел на кафедру истории Западных вероисповеданий к которой несколько был подготовлен работой над кандидатской, а затем магистерской диссертацией о секте методистов. В мои студенческие годы он и на этой кафедре слушателей не удовлетворял. Значительно позже, около 1905 г., А.И. приобрел если не авторитет, то симпатии у студентов. Этому благоприятствовало то, что он был человек в обращении простой и любил со студентами говорить по различным вопросам, преимущественно, конечно, богословского характера. В этом случае он был весьма удобным собеседником, так как отличался полной терпимостью к чужим мнениям, а сам иногда любил высказывать такие парадоксальные мысли, которые интриговали и вызывали на спор. Человек он был очень трудолюбивый и постоянно что-нибудь писал, возбуждаемый к этому в значительной мере своей многосемейностью и материальной нуждой. Эта нужда заставила его взять на себя так же должность киевского цензора по иностранной литературе.

В.П. Рыбинский. Воспоминания. Рукопись

Профессор Киевской Духовной Академии Афанасий Иванович Булгаков в мае прошлого года заболел гриппом. Не оправившись достаточно от болезни, приступил к экзаменационным работам, причем обнаружилось у него сильное недомогание и слабость, к сему присоединилось резкое понижение зрения настолько, что больной вынужден был прекратить всякие занятия и приступить к серьезному лечению. В это время оказалось, что вышеописанные явления были результатом заболевания почек, что подтвердилось химически-микроскопическим исследованием выделений.

Несмотря на самое строгое систематическое лечение соответствующей диетой, лекарствами и проч., болезнь подвигалась вперед и в настоящее время как последующее явление, наблюдается изменениями в деятельности сердца — порок.

Означенная болезнь — нефрит требует продолжительного систематического пользования диетой, ваннами и соответствующими климатическими условиями жизни.

1907 года, 15-го февраля. /Отзыв врача КДА о состоянии здоровья А.И.Булгакова/.

К. Лепинский. (57)

Афанасий Иванович по внешнему виду был очень крепкий человек и казался совершенно здоровым. Полною неожиданностью поэтому было для всех, когда он вдруг стал хиреть и слепнуть. Врачебное исследование констатировало у него смертельный нефрит.

Многосемейность Афанасия Ивановича и тяжелое положение, в которое попадала после его смерти его семья, побудили друзей его быстрым темпом присудить ему за две его работы (нужно сказать, очень слабые) степень доктора и, в видах увеличения пенсии, провести его в и.д. ординарного профессора. В 1907 г. Афанасий Иванович скончался. "В путь всея земли" провожали его с искренним сожалением и сослуживцы, и студенты.

В.П. Рыбинский. Воспоминания. Рукопись

Покойный профессор, может быть, не принадлежал к числу тех людей, которые с первого же взгляда, с первого слова останавливают на себе внимание; простой, не претенциозный, — Афанасий Иванович для многих, вероятно, мог пройти незамеченным. Но ближайшее знакомство с несомненностью показывало, что это был человек достойный большого уважения и симпатии. При частых беседах с Афанасием Ивановичем легко было убедиться в наличности у него одного чрезвычайно ценного для нашего мятущегося времени качества — именно в том, что почивший представлял собою типичную цельную натуру с довольно законченным миросозерцанием...

Основной чертой мировоззрения Афанасия Ивановича была его церковность. Он был церковным человеком в настоящем лучшем смысле этого слова. Идея Церкви была центральной в его теоретических построениях... почивший профессор был очень далек от того поверхностного либерализма, который с легкостью все критикует и отрицает, но в то же время он был противником и того неумеренного консерватизма, который не умеет различать между вечным и временным, между буквой и духом и ведет к косности церковной жизни и церковных форм.

В.П. Рыбинский (67)

Это был человек крепкой веры, твердого убеждения, широкой природной доброты и радушия, искренности, простоты и открытости нрава, готовности на всё доброе, отзывчивости к чужому страданию... Но выше всего, к общему нашему назиданию и утешению, поставим мы духовную зрелость почившего, ради которой он и мог быть преставлен Господом.

А.А. Глаголев (67)

Не послал тебе Господь богатства материального, но дал тебе то, что бесконечно выше и превосходнее такого рода приобретения, — послал тебе счастливейшую семейную жизнь. Хорошая семья всегда, а особенно в нынешнее время — это истинная святыня. И мы видели, и восторгались красотою почившего как семьянина. В твоей семье, этой поистине "малой церкви", среди твоих прекрасных детей, я всегда находил истинную отраду, освежение и ободрение...

Ты жил церковью, ты дышал её живительным воздухом, ты воспитывал своих детей в строго церковном духе...

Д.И. Богдашевский (67)

"Как хорошо было бы, — говорил ты, — если бы всё было мирно! Как хорошо было бы... Нужно всячески содействовать миру".

"Отпусти", — вот последнее твое предсмертное слово своей горячо любящей тебя и горячо любимой тобою супруге. Ты мог сказать: "Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром"

Д.И. Богдашевский (67)

Смерть отца для всей семьи была неожиданным и очень страшным ударом. Подумайте, семеро детей осталось на руках у матери, и тем не менее она сумела нам дать радостное детство. Сначала она (видно было это) растерялась, но потом нашла в себе силы. Она бы-

Н.А. Булгакова-Земская с.50 (15)

ла женщина энергичная, очень умная, жизнеспособная и радостная. У нас в доме все время звучал смех.

Мать — Варвара Михайловна Булгакова, урожденная Покровская, дочь соборного протоиерея г.Карачева, уроженка г.Карачева Орловской губернии. Родилась 5 сент. (ст. ст.) 1869 г., умерла от тифа 1 февраля (нов. стиля) 1922 г. в Киеве. Училась в г.Орле, окончила Орловскую женскую гимназию с программой мужских гимназий. До замужества два года была учительницей в 4-м классе Карачевской женской гимназии.

Свадьба А.И.Булгакова и В.М.Покровской состоялась 1 июля 1890 г. в Карачеве. Вся дальнейшая жизнь Варвары Михайловны прошла в Киеве.

Е.А. Земская с.42 (15)

Михаил Афанасьевич Булгаков, сын профессора-историка, родился в Киеве 15 мая 1891 г. Ему было около шестнадцати лет, когда умер его отец, Афанасий Иванович. В большой семье Булгаковых значительную роль для внутренней биографии сына сыграла мать писателя. Варвара Михайловна, рожд. Покровская,— человек выдающийся и незаурядный.

П.С. Попов с.535(5)

“Покровское” — то дорогое и родное, особый милый отпечаток, который лежит, несомненно, на всей маминой семье. Безусловно, что-то выдающееся есть во всех Покровских, начиная с бесконечно доброй и умной, такой простой и благородной бабушки Анфисы Ивановны...

Какая-то редкая общительность, сердечность, простота, доброта, идейность и несомненная талантливость — вот качества покровско-

го дома, разветвившегося из Карачева по всем концам России, от Москвы до Киева и Варшавы. ...Любовь к родным преданиям и воспоминаниям детства... ...связь между всеми родственниками — отпрысками этого дома, сердечная глубокая связь, какой нет в доме Булгаковых. Жизнерадостность и свет.

Н.А. Булгакова-Земская с.61 (15)

Отец был внимателен, заботлив, а мать — жизнерадостная и очень веселая женщина. Хохотунья.

Н.А. Булгакова-Земская с.44 (15)

Что интеллигентна — спору нет, в высшей степени интеллигентна, но мягкой — извините. Да и как бы она управлялась со всей этой оравой своей, будь она мягкой-то? Семеро ведь! Какой там семеро — девятеро!... Мягкая! На даче и то: сказано к одиннадцати в постелях быть, и тут уж — никаких разговоров. Сбегали, правда, иной раз. Оставят чучела под одеялами и — в лес. Но это под страхом смерти!

А когда Варвара Михайловна с головной болью просыпалась, спешили позавтракать и разбрестись кто куда. И тогда, если кому что понадобится, то — через Варюшку только. Одна Варюша могла уладить.

И.В. Кончаковская с.122 (77)

Вот еще пример Варвары-михайловниной "мягкости". Братец мой Виктор золотыми руками обладал и баритоном — слов нет каким!

Дефект у Виктора один имелся: гуллив был баритон этот, как тенор. Не преминул и Леле Булгаковой вскружить голову. У самого закружилась, и ей вскружил.

И не знаю, чем бы это кончилось, когда бы не вмешательство Варвары Михайловны. Мигом точку поставила! Не поглядела, что оба как в воду опущенные ходят.

И.В. Кончаковская с.123-124 (77)

Маме тогда, когда отец умер, шел 37-й год.

И вот эта женщина сумела нас сплотить, вырастить и дать нам всем образование. Это была ее основная идея. Она говорила нам потом, когда мы уже стали взрослыми: “Я хочу вам всем дать настоящее образование. Я не могу вам дать приданое или капитал. Но я могу вам дать единственный капитал, который у вас будет — образование”. И действительно. Она дала нам всем образование. А вторая ее идея, превосходная идея, была: нельзя допустить, чтобы дети бездельничали. И мама давала нам работу. Мы и сами работали, даже летом. Например, моя обязанность была заниматься до обеда с младшими братьями. А обязанность братьев была сначала помогать отцу в расчистке дорожек, а затем убирать мусор с участка. Братья собирали песок, дерн, листья.

Н.А. Булгакова-Земская с.50 (15)

Мать была, конечно, незаурядная женщина, очень способная. Вот сказки. Она рассказывала нам сказки, которые всегда сама сочиняла. Она вела нас твердой и умной рукой. Была требовательна... Мать не стесняла нашей свободы, доверяла нам. И мы со своей стороны были с нею очень откровенны. У нас не было того, что бывает в других семьях, — недоверия. Были товарищи братьев, были поклонники у нас. Меня спрашивали: “Надя, вам надо писать до востребования?” Я говорю: “Зачем? Пишите, если вы хотите мне писать, на нашу квартиру”. — “Как? А мама?” — “А что мама? Мама наших писем не читает”. И это правильно. Это было, подумайте, когда. В начале XX века. Мама наших писем не читала. А мы ей сами читали, если нам хотелось ей что-нибудь рассказать.

Конечно, наша компания причиняла ей немало забот, тревог и огорчений, иногда серьезных огорчений, но все-таки она нам не мешала жить радостно, и мы жили радостно.

Н.А. Булгакова-Земская с.51-52 (15)

Варвара Михайловна очень следила за собой. И детям не позволяла неряшливости.

Дом вела — поучиться надо!

Взять Рождество хотя бы, елки. Булгаковские елки я больше наших любила — так она умела устроить все: и стол и игры.

И.В. Кончаковская с.122-123 (77)

Варвара Михайловна была очень энергичная и строгая женщина, но меня не забывала приласкать. Гостили мы у них на даче в Буче. Нам, малышам, строго запрещалось шуметь и даже подходить к двери, где занимался Миша, мешать ему работать.

К.Н. Сынгаевская-Истомина Рукопись

Волевая была женщина, умная. Интересная. Вот не знаю, где она училась, но образование у нее было. У нее были ученики, даже жили у нее. Она их по гимназической программе что-то проверяла. До смерти мужа нигде, конечно, не работала, потому что чуть ли не каждый год был ребенок. А потом, вот, во Фребелевском институте. У них кухарка была и горничная, так что она понятия не имела готовить. Только скажет сделать то-то и то-то, и все делали. Но готовили невкусно. Мы старались у них не обедать.

Т.Н. Кисельгоф с.30 (51)

А насчет Варвары Михайловны — не было случая, чтоб у нее хоть одна слезинка упала.

Т.Н. Кисельгоф с.73 (51)

Преосвященный Владыка!

Все чаще повторяющиеся мои сердечные припадки заставляют меня подумать о возможности и внезапной кончины моей, каковые случаи уже были с моими братьями.

Все дорогое, что осталось мне в жизни, что привязывает меня к ней, — это мои дети. И мысль, что преждевременная кончина моя не даст мне выполнить мой земной долг перед ними, что они останутся круглыми сиротами в том возрасте, когда не в состоянии еще будут обеспечивать себе заработок, чтобы существовать, глубоко печалит и волнует меня. В бессонные ночи, когда сердечные припадки не давали мне заснуть, мое беспокойство было обращено на детей моих — и мысль моя обратилась к Вам, Преосвященный Владыка, как к человеку, который захочет и сможет помочь моим детям. Вспоминая Ваши дружеские чувства к покойному мужу моему и ко мне лично, я не сомневаюсь, что Вы откликнетесь своим добрым сердцем на мою предсмертную мольбу.

Прошу Вас и умоляю, в случае моей кончины, возбудить перед Святейшим Синодом ходатайство о продлении пенсии после совершеннолетия их двум моим сыновьям — Николаю и Ивану, — а также дочери Елене, до полного окончания ими высшего учебного заведения. И если мои старшие дочери при моей кончине не будут замужем, то просить Святейший Синод оставить за ними право на получение той части пенсии, которая причиталась при моей жизни на мою долю.

Преосвященный Владыка!

Сами, по своему усмотрению, сделайте, что возможно, чтобы бедные дети мои, лишенные покровительства родителей своих, не испытывали тяжести гнета материальной необеспеченности. А также не оставьте их и своим духовным покровительством.

Призываю благословение Божье на Вас и да хранит Вас Всевышний Создатель! И сама прошу молитв Ваших о упокоении грешной души моей! /Письмо епископу Василию, ректору Киевской Духовной академии Д.И.Богдашевскому, 2 мая 1914 г./

В.М. Булгакова
с.214-215 (8)

Он (М.А.Булгаков — *сост.*) жил в Буче и все время приезжал, чтобы идти со мной гулять. Часто оставался. Тетя Соня спрашивает: "Тебе нужно в Бучу ехать?" — "Не надо".— "Ну и оставайся ночевать. А завтра с утра снова пойдете гулять". Правда, у Булгаковых тогда еще был траур по отцу. А Ивана Павловича Воскресенского я уже тогда у них видела.

Т.Н. Кисельгоф
с.24 (51)

...Михаил тогда все возмущался, что Варвара Михайловна с Воскресенским... Михаила это очень раздражало, он выходил из себя. Конечно, дети не любят, когда у матери какая-то другая привязанность... Или они уходили гулять куда-то там на даче, он говорил: “Что это такое, парочка какая пошла”. Переживал. Он прямо говорил мне: “Я просто поражаюсь, как мама затеяла роман с доктором”. Очень был недоволен.

Т.Н. Кисельгоф
с.26 (51)

Варвара Михайловна вскоре (1918 г. — *сост.*) вышла замуж за Ивана Павловича Воскресенского и перешла с Лелей жить к нему, на Андреевский, 38.

Т.Н. Кисельгоф
с.58 (51)

Иван Павлович Воскресенский был отчимом моей мамы, ее сестер

и братьев. Скромный, не очень разговорчивый, но приветливый, мягкий и добрый человек. Он был врачом-терапевтом. К моей маме он относился с трогательной заботой и вниманием. В те годы, о которых я пишу, уже ушла из жизни Варвара Михайловна, которую, по словам мамы, он любил горячо и преданно. В Киеве жила только мама — единственная из большой и дорогой для него семьи Булгаковых, и всю свою любовь, предназначенную для всех дочерей и сыновей моей бабушки, он отдавал моей маме.

У Ивана Павловича мы бывали довольно часто. Жил он на Андреевском спуске, в доме № 38, на втором этаже в большой квартире. Мне запомнилась просторная столовая, в центре которой стоял большой резной дубовый стол, покрытый белой скатертью, а над ним висела бронзовая лампа. Летом на этом столе появлялся лежащий на блюде огромный арбуз. Это было фирменное блюдо Ивана Павловича.

И.Л. Карум
с.109 (29)

Иван Павлович был очень тихим благорасположенным человеком, очень любил как Варвару Михайловну, так и всю семью... он был высокого роста, стройный, не очень разговорчивый, но приветливый, мягкий, добрый человек... очень ловко выслушивал, умел быстро и умело осмотреть воспаленное горло, с собою всегда приносил игрушки и конфеты, когда были голодные годы... помнится нежное прикосновение его рук и какой-то особенный докторский запах... его неизменно сравнивали с Чеховым.

Т.Л. Кавецкая
с. 64 (58)

С Вашим образом у меня связаны самые лучшие, самые светлые воспоминания как о человеке, приносившем нашему семейству утешение и хорошие идеи доброго русского сердца и примеры безукоризненного воспитания. На словах мне трудно выразить мою глубокую благодарность за все то, что Вы сделали маме в нашей трудной жизни, нашей семье и мне на заре моей учебной жизни. Бог поможет Вам, славный, дорогой Иван Павлович!

Н.А. Булгаков
с.176 (69)

И вот к нашему ужасу в 3-м часу ночи на 1 февраля по новому стилю наша дорогая мама, не просыпаясь, тихо скончалась. В момент смерти возле нее были Иван Павлович (Воскресенский, второй муж В.М.Булгаковой — *сост.*), Леля, Варя, Костя (племянник — *сост.*) и я. Только утром дали знать Наде и Андрюше, живущим теперь у Экземплярских. Тогда же Костя послал телеграммы о маминой смерти в Москву (Мише и дяде Коле)...

Л.С. Карум
Рукопись.

Однако сестер Мишиных повидала еще: на девятый день по Варваре Михайловне угодила, когда они съехались кто откуда. А братьев никого уже не было. И о них сестры помалкивали в тряпочку... Потом узнала, что они — и Коля и Ваня — с отступающей Добровольческой ушли...

А поминали Варвару Михайловну блинами. Помянули и разъехались опять.

В Киеве только Леля оставалась, младшая, с отчимом, доктором Воскресенским, известным в городе педиатром. "Ну-с, — скажет, бывало, присаживаясь к постели, — что с нами приключилось?" Вылитый Чехов. Так его и звали у нас: чеховский доктор. Едва ли не одним из первых выслали из города.

И.В. Кончаковская
с.107 (77)

Т.Н. Кисельгоф
с.32 (51)

Надя вышла замуж за Андрея Земского, и они поехали в Самарскую губернию, занимались там пропагандой, "в народе" были (Н. А. и А. М. Земские были филологами-славистами и работали там в области народного просвещения.— Л. П.). Потом приехали в Москву, и Надя по объявлению взяла заведование школой.

Л.Е. Белозерская
с.92 (4)

Сестра М. А., Надежда Афанасьевна Земская, приняла нас в лоно своей семьи, а была она директором школы и жила на антресолях здания бывшей гимназии. Получился "терем-теремок". А в теремке жили: сама она, муж ее Андрей Михайлович Земский, их маленькая дочь Оля, его сестра Катя и сестра Н. А. Вера. Это уже пять человек. Ждали приезда из Киева младшей сестры Елены Булгаковой. Тут еще появились и мы...

С кротостью удивительной, с завидным терпением — как будто так и надо и по-другому быть не может — принимала Надежда Афанасьевна всех своих родных. В ней особенно сильно было развито желание не растерять, объединить, укрепить булгаковскую семью.

Я никогда не видела столько филологов зараз в частном доме: сама Н. А., муж ее, сестра Елена и трое постоянных посетителей, один из которых — Михаил Васильевич Светлаев — стал вскоре мужем Елены Афанасьевны Булгаковой...

Ближе всех из сестер М. А. был с Надеждой. Существовал между ними какой-то общий духовный настрой, и общение с ней для него было легче, чем с другими...

Муж Надежды Афанасьевны Андрей Михайлович смотрел очень снисходительно на то, как разрасталось его семейство. Это был выдержанный и деликатный человек...

Л.С. Карум
с.51 (58)

Варя — была на редкость веселой: хорошо пела, играла на гитаре... Любимицей матери была Варя. Ее никто не называл Варя, все называли Варюшей. Она была из всей семьи самая изящная, самая хорошенькая... Если кому-то из молодых надо было что-либо попросить у матери, обращались к Варе: “Варя, похлопочи”.

Т.Н. Кисельгоф
с.32 (51)

Варя вышла замуж за Карума Леонида... Леонид Сергеевич Карум, военный. Он из Прибалтики... Закончил военную академию в Петербурге. Он был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных. Преподавал где-то... военную тактику, что ли.

Т.Н. Кисельгоф
с.60 (51)

Он вообще неприятный был. Его все недолюбливали.

— *Может быть, он совершил какой-нибудь плохой поступок?*

Нет, просто... Я как-то заняла у Вари денег. Потом мы сидели с Михаилом, пьем кофе, икры, что ли, купили... А он сказал кому-то, что вот, деликатесы едят, а денег не платят... Он ведь был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных... Ну, красные все равно узнали. Тогда он смылся и приехал в Москву к Наде. Тут его и арестовали... Но Варя его любила...

Моя мама в те годы была молодой, красивой, веселой и энергичной женщиной, всегда элегантно и с большим вкусом одета. Красивые, нарядные вещи ей часто покупал ее двоюродный брат Константин Петрович, работавший в то время в АРА /американо-российская ассоциация/. Я помню, он дарил ей французские духи "Лориган-де-Коти".

Это был период введения новой экономической политики — НЭПа. Киевские магазины того времени были шикарными и сверкаю-

И.Л. Карум с.108 (29)

щими… Иногда мы с мамой кутили: садились в пролетку одного из извозчиков, стоявших в большом количестве на нашей Львовской улице, и мчались в кондитерскую.

И.Л. Карум с.106 (29)

Мама, в отличие от своих сестер, была веруюшей и относилась к религии очень серьезно. О ней она имела собственное мнение, собственное суждение, свои философские взгляды. Она не была фанатичкой, она верила в Бога, если можно так сказать, интеллигентно.

Из Москвы каждое лето приезжали сестры мамы Вера, Надежда и Елена с мужьями, привозили и моих двоюродных сестер — Ольгу и Леночку Земских. Компания собиралась шумная и веселая. Сестры Булгаковы разговаривали громко и одновременно, перебивая друг друга, пересыпая любой рассказ шутками, остроумными сравнениями, восклицаниями. До конца своих дней буду помнить моих любимых, дорогих, родных тетей, дядю Андрюшу и дядю Мишу. Я закрываю глаза и вижу большой стол, стоящий на веранде дачи, за которым они все сидят, живые и ощутимые. Тогда мне казалось, что эта жизнь будет длиться вечно…

И.Л. Карум с.108 (29)

В каждый приезд сестер мамы в Киев мы ездили в дачное место Бучу, где когда-то стояла дача Булгаковых. Сама дача сгорела, осталась только кухня, превращенная кем-то в жилой дом.

Посетила нас и сестра М. А. Варвара, изображенная им в романе "Белая гвардия" (Елена), а оттуда перекочевавшая в пьесу "Дни Турбиных". Это была миловидная женщина с тяжелой нижней челюстью. Держалась она как разгневанная принцесса: она обиделась

Л.Е. Белозерская с.119 (4)

за своего мужа, обрисованного в отрицательном виде в романе под фамилией Тальберг. Не сказав со мной и двух слов, она уехала. М. А. был смущен…

И.Л. Карум с.53 (58)

…Был с Михаилом Афанасьевичем в натянутых отношениях и мой отец, который никак не мог ему простить то, что он наделил Тальберга чертами моего отца. Действительно, Тальберг описан как немец из Риги, является мужем Елены, прообразом которой была моя мама. Быть может, Михаил Афанасьевич и не имел в виду папу, но все родные и знакомые решили, что это именно так. Папа был очень порядочным человеком, любил мою маму и никак не мог смириться с тем, что его принимали за подлеца Тальберга! Тем более, что в Германию он не уезжал и маму в те годы никогда не оставлял одну!…

Н.А. Булгакова-Земская с. (3)

Сестру Лелю мы похоронили 5.V. (1954 — *сост.*) на кладбище. Из Новосибирска от сестры Вари идут грустные вести: она тяжело болеет склерозом головного мозга, катастрофически теряет память и сознание окружающего (при удовлетворительном физическом состоянии), нуждается в постоянном человеке при ней. А была самая энергичная из нас, веселая, хохотунья, музыкантша, любительница танцев и талантливый преподаватель при этом.Грустно.

Надежда Афанасьевна вспоминала уже в старости, какой всесторонне одаренный человек был Михаил: "рисовал, играл на рояле, карикатуры сочинял, писал стихи, давал нам всем стихотворные характеристики". По ее мнению, вторым таким, тоже всесторонне одаренным в семье, был пятый ребенок по счету, брат Николай. Он

увлекался фотографией, отличался большой наблюдательностью и любознательностью. Родные вспоминают, что бывали случаи, когда Коля не возвращался из гимназии (откуда он ходил пешком) вовремя, задерживаясь на несколько часов. Мать, естественно, очень волновалась и расспрашивала его: "Что случилось?" А он спокойно объяснял: "Я смотрел, как фонари зажигают". Ведь это было время газовых фонарей, и Николая уже в детстве отличала любовь к наблюдениям и размышлениям.

Е.А. Земская
с. 42-43 (66)

Но особенной любовью их пользовался Коля Булгаков. Колю попросить что-нибудь — все равно что одолжение ему сделать. Палец обрежешь, кто за йодом побежит? Коля. Мишиной жене корзину помочь нести с базара — Коля... И до чего же любознательный был — все его интересовало! Иначе как ученым и не представляю его себе.

И.В. Кончаковская
с.118-119 (77)

Годы революции и гражданской войны нарушили мирное течение семьи Булгаковых. Николай, окончив гимназию, поступает в Инженерное училище, об этом мать сообщает А.М.Земскому, мужу своей дочери Надежды... В письме от 27 октября 1917 г. Наде мать пишет: "Коля поступил в Инженерное (...) и стал там юнкером".

Юнкером Николай Булгаков был недолго. 30 декабря 1917 г. мать пишет дочери Надежде: "Коля зачислился в студенты медицинского факультета". ...Общественные события не дали Николаю возможности учиться долго. ...События гражданской войны вытолкнули младших братьев Булгаковых в эмиграцию. Иван не успел даже кончить гимназию (И.А.Булгаков окончил Киевскую Первую гимназию с серебряной медалью в 1918 г. — *сост.*), Николай — студент младшего курса медицинского факультета.

Е.А. Земская
с. 42-43 (66)

После Крымской эвакуации он попал в Югославию... Денег не было. Нужно было учиться, попасть в университет и кончить его. Николай Афанасьевич нанялся санитаром в барак черной оспы и провел там все время карантина. Работал и в бараке сыпно-тифозных. Затем он организовал студенческий оркестр балалаечников, стал его дирижером, запевалой и вдохновителем. Это — по вечерам. А утром — была анатомия и все те лаборатории, в которых приходится работать студенту-медику.

М.И. Собесский
с. 54 (66)

...После довольно бедственного года, проведенного мною в борьбе за существование, я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь. Но не так легко это было сделать: понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги... Это была очень тяжелая и упорная работа: так, например, я просидел взаперти 22 суток один-одинешенек с оспенными больными крестьянами, доставленными из пораженного эпидемией уезда. Работал в тифозном отделении с 50 больными, и Бог вынес меня целым и невредимым. Все это смягчилось сознанием, что близка намеченная цель...

Теперь я освобожден от платы за право учения, получаю от университета (Загребского — *сост.*) стипендию, равную 20-25 рублям мирного времени. Половину этого отнимает квартира, отопление и освещение, а остальное на прочие потребности жизни: еду и остальное! Жить приходится более чем скромно, но меня спасает то, что за время службы в госпитале я купил себе теплое пальто, 2 пары ботинок, кой-какой костюмчик... Есть даже какая-то посуда. Живу я на окраине города, в комнате с самой необходимой студенту обста-

новкой... Воду дают хозяева, которые очень хорошо ко мне относятся; ведь я не пью, не курю, не скандалю — тихий квартирант и платит аккуратно! Готовлю обычно сам, но иногда обедаю в столовках, что подешевле... Конечно не приходится думать о покупке нужных и дорогих пособий... А больше всего работаю в унивситетской библиотеке, в которой очень много хороших книг на немецком языке, который я изучил еще до поступления в университет, живя в госпитале... /Из письма матери, 16 января. 1922 г./

Н.А. Булгаков
с. 42 (6)

Славный и добрый Миша, мне хорошо известно, что ты принимаешь самое горячее участие в поддержке меня, так же, как ты всегда старался помогать в свое время Ване. Мне трудно в настоящий момент выразить тебе всю величину чувства к тебе, но верь, что оно велико... /Из письма М.А.Булгакову, декабрь 1927 г./

Н.А. Булгаков
с. 96 (6)

Научная судьба Николая Булгакова складывалась удачно. По окончании Загребского университета он был оставлен при кафедре бактериологии. Совместно с доктором Сертичем он сделал несколько научных работ, которые заинтересовали открывателя бактериофага профессора д'Эрреля (Felixe d'Herrelle), работавшего в Пастеровском институте в Париже.

Этот факт круто изменил жизнь Николая Афанасьевича. Проф. д'Эррель пригласил его в Париж для работы.

Летом 1929 г. Н.А.Булгаков переезжает в Париж и сразу же начинает работать у проф. д'Эрреля на весьма хороших условиях, о чем ликующе сообщает 17 августа 1929 г. брату Михаилу: "условия дают мне возможность скромно жить, ни от кого не завися, а этого давно не имел!"

Е.А. Земская
с. 49 (66)

Сертич был только ученым бактериологом, Булгаков же не только занимался выделением из природы новых рас бактериофага, но и всеми новыми научными аппаратами, схемы которых он сам придумывал и рисовал. Служили они для автоматического заполнения сразу нескольких сотен ампул без соприкосновения с воздухом, во избежание случайного заражения.

В одной из своих книг проф. д'Эррель описывает, как он прислал из Лондона в Париж культуры стрептококков с поручением найти разрушающий их бактериофаг. Через две недели этот бактериофаг был ему прислан, — "но, — добавляет проф. д'Эррель — для того, чтобы сделать подобную работу, нужно было быть Булгаковым, с его способностями и точность его "методики".

М.И. Собесский
с.54 (66)

В 1932 году Николай Афанасьевич женился на дочери киевского профессора Яхонтова, Ксении Александровне. Она окружила его заботой, создала домашний уют.

М.И. Собесский
с.54 (66)

Николай Афанасьевич прожил после смерти брата еще четверть века. Он жил вдвоем с женой Ксенией, тоже русской эмигранткой, урожденной Яхонтовой. Детей у них не было, но Николай постоянно помогал младшему брату Ване, судьба которого сложилась не столь удачно, и его семье.

Доктор Булгаков много работал, проводил эксперименты, писал и публиковал научные труды, во время войны участвовал в движении сопротивления.

Умер он в 1966 г. в Кламаре (предместье Парижа) в возрасте 68 лет.

Е.А. Земская
с.52 (66)

Вот теперь мы похоронили и самого "юнкера Николку Турбина" —

блестяще-талантливого, во всех отношениях выдающегося человека, не знавшего компромиссов с совестью, отрицавшего всякого рода "разрушительную работу", как он сам говорил, посвятившего себя всего "созиданию", будь это машина для заполнения ампул или спектакль Общества Врачей. Всюду и везде он работал больше всех.

И около могилы этого "Николки Турбина" несомненно можно сказать одно: Братья Турбины, братья Булгаковы, принадлежали к одной семье и духовной, национальной и всечеловеческой, границ которой нет, как нет ни физических, ни народных, ни политических границ для сердец подлинно-человеческих. Братья Булгаковы — "Турбины", как назвал их Михаил Афанасьевич, не угасили своего духа, ни на родной земле, ни в дальних краях. В их жизни торжествует человечность, разделенная географически, но единая в своем духе и в своей любви.

М.И. Собесский
с.250-251 (23)

Колька кончил в Киеве гимназию, а Ванька не успел. Иван замечательный был парнишка. Очень меня любил. Прихожу домой усталая, надо что-то готовить. Он тут же надевает фартук, раз-раз-раз... Помогал мне. Все просил: "Тася, ну сделай ребенка, я его нянчить буду". А потом, когда в 1919 году мы уехали во Владикавказ, они ушли с белыми. Николай попал в Загреб, учился там в университете на врача, дальше оба очутились в Париже.

Т.Н. Кисельгоф
с.35 (51)

Коля с Ваней "Шерлоком Холмсом" зачитывались до чертиков. Из ложи в антракте не выходили — читали. Поигрывали и в картишки, между прочим. Заберемся под куст сирени во дворе на горке и жарим в "очко". Бедные мамы, если бы они знали...

И.В. Кончаковская
с.120 (77)

Что такое "белая грудь", спрашиваю я у Коли, имея в виду известный в те годы романс "Черные очи, белая грудь". Это, объясняет Коля, гусарская форма такая была с белой вставкой на груди. Задай я этот вопрос Ване. О! Тот живо разъяснил бы мне что к чему! Ферт был. Со всеми задатками по дамской части!

И.В. Кончаковская
с.120 (77)

По рассказам сестры Надежды, он (И.А.Булгаков — *сост.)* одно время работал таксистом, потом участвовал в оркестре балалаечников. Не найдя для себя интересного дела, Иван Афанасьевич очень страдал на чужбине, писал стихи, проникнутые тоской по родине.

Е.А. Земская
с.56 (66)

...Я давно уже собираюсь тебе написать, но моя жизнь в последнее время очень мало дает утешения и радости. Я уже оправился, но очень устаю от жизненных передряг. Работы мало и трудно ее иметь сейчас. Как ты знаешь, я — музыкант, но в моей профессии сейчас кризис, да и годы уже не те, чтобы работать как прежде. Берусь за многое (всего не перечислить). не ленюсь, не боюсь ничего — все же толку мало. Сам виноват, что легко мне удавалось находить все, что было нужно, и не думал, что нет ничего "долговечного". Теперь приходится за легкомыслие платить. Берусь за многое, не боюсь трудной и тяжелой работы, лишь бы была возможность жить. /Из письма Н.А.Булгаковой-Земской. 19 марта 1961 г./

И.А. Булгаков
с. 47 (24)

Леля из всех сестер самая хорошенькая была. Когда мы с Михаилом обвенчались, она еще маленькая была, играла во дворе с дочкой Лисовича...

Т.Н. Кисельгоф
с.33 (51)

Леля приехала в Москву к Наде. За ней стал ухаживать товарищ

Миши по Киеву Николай Гладыревский. Но это отпадало, потому что он безбожно пил. Был у нее роман с Катаевым. Он в нее влюбился, ну, и она то же. Это в году в 23-м, в 24-м было, в Москве. Стала часто приходить к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лельку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал — в печати его, кажется, не было,— что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон. Еще он написал "Алмазный мой венец", и там про Лелю — "синеглазка".

Т.Н. Кисельгоф с.33-34 (51)

Она (Е.А.Булгакова — *сост.*) была сероглазая, с темно-русыми пышными волосами. Было что-то детски-милое в ее круглом, будто прочерченном циркулем лице.

Л.Е. Белозерская с.92 (4)

Самой любимой моей тетей была Елена Афанасьевна. Несмотря на разницу в годах, мы были с ней как подруги. Елена Афанасьевна была очень приветливой, доброй, милой, веселой и подвижной; с ней было легко, радостно, весело. Она постоянно что-нибудь напевала, "мурлыкала" себе под нос. У нее были красивые, густые темно-каштановые волосы и большие серые с голубизной глаза... Дом Светлаевых был очень гостеприимным, вечно в нем были гости. Когда мы с мамой приезжали в Москву, то останавливались у Светлаевых и туда съезжалась со всей Москвы родня с мужьями, женами и детьми.

Жили Светлаевы в Малом каретном переулке в большой коммунальной квартире; когда она наполнялась родными, всегда стоял невообразимый шум, гам и смех! Булгаковы были все очень шумные, остроумные, веселые. Лето мы проводили все вместе; либо московские сестры приезжали к нам в Киев (вместе с мужьями и детьми) и мы уезжали в деревню Сподарец ,в очень красивое место с живописной речкой Ирпень, на берегах которой рос орешник, и с густым сосновым бором, либо мы с мамой приезжали в Москву и отдыхали в Краснове, где все сестры снимали дачу, либо на станции "Сходня", где была своя дача у тетки М.В.Светлаева. На дачах жили очень весело; купались, ходили в лес, ставили спектакли, играли в крокет.

И.Л. Карум (28)

Детство

1891 год. Весна. В Киеве на Госпитальной улице, которая, подобно большинству киевских улиц, шла в гору, в доме № 4 у магистра Киевской Духовной Академии, доцента по кафедре древней гражданской истории родился первенец (М,А.Булгаков родился в доме №10 по ул.Воздвиженской — *сост.*). Отца звали Афанасий Иванович. Мальчик рос, окруженный заботой. Отец был внимателен, заботлив, а мать — жизнерадостная и очень веселая женщина... И вот в этой обстановке начинает расти смышленый, очень способный мальчик.

Н.А. Булгакова-Земская с.44 (15)

Михаил рос не одиноко. Появились братья и сестры. Всего в семье было семеро детей: четыре сестры и три брата. Родители сумели сдружить и сплотить эту большую и разнохарактерную компанию. По характерам дети были разные. Конечно, были общие черты, но дети были интересны именно каждый своими индивидуальными способностями. Вывозить такую ораву на наемные дачи было не-

возможно, и решили купить дачу. В девятисотом году они купили участок в поселке Буча в 30 километрах от Киева — две десятины леса, парк, можно сказать. И на этом участке под наблюдением отца была выстроена добротная дача в пять комнат и две большие веранды. Это была целая эпоха в семье Булгаковых. Действительно дача дала нам простор, прежде всего простор, зелень, природу. Отец (он был хорошим семьянином) старался дать жене и детям полноценный летний отдых. Роскоши никакой не было. Было все очень просто. Ребята спали на так называемых дачках (знаете, теперь раскладушки). Но роскошь была: роскошь была в природе. В зелени. Роскошь была в цветнике, который развела мать, очень любившая цветы.

Н.А. Булгакова-Земская с.46 (15)

Родители, между прочим, как-то умело нас воспитывали, нас не смущали: "Ах, что ты читаешь? Ах, что ты взял?" У нас были разные книги. И классики русской литературы, которых мы жадно читали. Были детские книги... И была иностррнная литература. И вот эта свобода, которую нам давали родители, тоже способствовала нашему развитию, она не повлияла на нас плохо.

Н.А. Булгакова-Земская с.47-48 (15)

Если сравнить отношения в семье Булгаковых с вашей семьей... Отличалась обстановка?

— Очень даже отличалась. У них очень хорошая обстановка была. Они дружно жили. Потом... Ну, совсем другая обстановка была. Мы были очень противные. Дрались всегда. Как-то ни о чем не думали... там же, вообще, совсем другая была обстановка. У них была очень хорошая обстановка. Это я знаю. Все вместе что-то делали... Соберутся, устроят оркестр или разыгрывают что-нибудь.

Т.Н. Кисельгоф с.35 (51)

Этот наш дружный детский, а потом юношеский коллектив, эта кипучая, деятельная жизнь семьи, наша семейная спайка не могли не наложить свой отпечаток на наши характеры, не могли не оставить след на всю жизнь. Семья воспитала в нас чувство дружбы и долга, научила работать, научила сочувствию, научила ценить человека.

Н.А. Булгаков-Земская с.60 (15)

Посреди Андреевского спуска стоит небольшой дом, из окон постоянно слышится музыка. То ли кто-то играет гаммы, то ли разучивает легкую детскую пьесу. Часто слышно было пение — дуэт детских голосов: "Ванька Таньку полюбил, ей колечко подарил", — это поют дети Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых.

Л.Н. Сынгаевская-Васнецова. Рукопись

...Все дети в семье Булгаковых отличались музыкальностью. Михаил играл на рояле, учился играть на скрипке, пел, даже мечтал стать оперным певцом. Сестра Варя училась в Киевской консерватории (рояль), сестра Вера тоже мечтала о профессии певицы, до старости пела в хоре. Любили музыку, увлекались игрой на разных инструментах и младшие братья. Ваня хорошо пел, у него был нежный тенор.

Е.А. Земская с. 42 (66)

Когда мы жили в Буче, то Миша собирал компанию и постоянно рассказывал интересные и страшные истории.

Он сочинял, что где-то находится какой-то клад, и в записке написано, как найти этот клад. У него была огромная фантазия. Он учил нас, как можно поджечь сухие ветки и деревья, которых там было очень много. Он внушал другим детям, что они убивают разбойников. Мы как будто ловили драконов, а драконами были сухие ветки которые валялись во рву на дне...

В.Н. Сынгаевская-Немировская. Рукопись

Михаил Булгаков был человеком яркой индивидуальности, разносторонне одаренным, очень сложным и своеобразным. Это знают многие. Но мало кто знает, какую роль в формировании его личности сыграла наша большая семья... Мы все были очень дружны... Мы много работали: хорошо учились; все старшие рано начали “давать уроки” (репетиторствовать), чтобы облегчить мамины материальные тяготы; мы много помогали по хозяйству, особенно летом; старшие помогали младшим и отвечали за них. Мы знали трудности (ведь отец умер рано), но жили мы радостно. Это сделала наша мать — энергичная, жизнерадостная незаурядная женщина. В доме у нас все время звучали музыка и пение и — смех, смех, смех. Много танцевали. Ставили шарады и спектакли. Михаил Афанасьевич был режиссером шарадных постановок и блистал как актер в шарадах и любительских спектаклях. Весной и летом ездили на лодках по Днепру. А зимой — каток. Гимназист Булгаков, в кругу зрителей, демонстрировал “пистолет” и “испанскую звезду”. Летом у нас на даче процветал крокет: играли со страшным азартом, играли, бывало, до темноты, кончая при лампах. Мама принимала участие в этих крокетных турнирах наравне с нами; играла она хорошо. Затем крокет отошел на задний план, пришло общее увлечение теннисом. Это была дорогая игра. Ракетки и мячи покупали мы, старшие дети, на заработанные нами деньги. Стали постарше, не бросая крокета и тенниса, увлеклись игрой в винт. Играли и в шахматы, и в шашки; в доме процветали “блошки” — настольная игра.

В старших классах гимназии Михаил Афанасьевич увлекся горячо, как он умел, новой игрой — футболом, тогда впервые появившимся в Киеве; а вслед за ним и младшие братья стали отчаянными футболистами. А мы, сестры и наши подруги, “болельщицами”.

Н.А. Булгакова-Земская с.56-57 (15)

Но преобладали интеллектуальные интересы. Мы увлекались литературой и поэзией.

Мы увлекались оперой, серьезной музыкой и пением. С детства мы привыкли засыпать под музыку Шопена: уложив детей спать, мама садилась за пианино. Отец играл на скрипке и пел (у отца был мягкий красивый бас). Часто он пел “Нелюдимо наше море” — эту вещь мы все полюбили. В старших классах гимназии мы стали постоянными посетителями симфонических концертов зимой и летом; с нетерпением ждали открытия летнего сезона в Купеческом саду. В доме все играли на пианино. Сестра Варя училась в Киевской консерватории (рояль), сестра Вера пела; кончив гимназию, она стала участницей известного киевского хора Кошица. Да и вся семья пела; у нас образовался свой домашний хор с участием близких друзей...

У Михаила Афанасьевича был мягкий красивый баритон. Брат мечтал стать оперным артистом. На столе у него, гимназиста, стояла фотографическая карточка артиста Киевской оперы Льва Сибирякова — с надписью, которую брат с гордостью дал мне прочесть: “Мечты иногда претворяются в действительность”.

Михаил Афанасьевич взял у преподавательницы музыки, которая ходила к сестрам, всего несколько уроков, научился читать ноты; потом он уже играл самостоятельно самые сложные вещи — конечно, любительски... Играл на пианино увертюры и сцены из всех своих любимых опер: “Фауст”, “Кармен”, “Руслан и Людмила”, “Севильский цирюльник”, “Травиата”, “Тангейзер”, “Аи-

Н.А. Булгакова-Земская с.58-59 (15)

да". Пел арии из опер. Особенно часто он пел все мужские арии из "Севильского цирюльника" и арию Валентина из "Фауста", эпиталаму из "Нерона".

Н.А. Булгакова-Земская с.59 (15)

Мы любили шутить друг над другом (тон задавал старший брат), а шутки бывали острые и задевающие.

Миша привык играть особую роль в семье. Он был старший брат и главенствовал в играх. То в сумерках он отведет своих сестричек в темный угол сада и рассказав какую-нибудь страшную историю вскрикнет и бросится бежать, а за ним бегут, не поспевая друг за другом, с плачем и криком, его маленькие перепуганные сестры. То, когда уже подрос, получив на третье блюдо сладкое, уговаривал своих маленьких братьев Колю и Ваню, съесть всем вместе все порции, а когда порции Коли и Вани бывали сообща съедены, Миша восклицал: "А теперь каждый ест свою!". Коля и Ваня в слезы.

Л.С. Карум. Рукопись

В доме Булгаковых также постоянно ставились "туманные картины". Постоянная игра в шарады давала возможность для проявления его (Михаила Булгакова — *сост.*) актерского и режиссерского таланта. Осталась в памяти одна: нужно узнать слово "селедка" — заставили найти девицу, худую, тощую с длинным шлейфом вместо хвоста. Зрители разгадали, а девица обиделась.

В.Н. Сынгаевская-Немировская. Рукопись

В семье все очень много читали. Все, начиная с матери, прекрасно знали русскую литературу.

Н.А. Булгакова-Земская с.57 (15)

Читатель он был страстный , с младенческих же лет. Читал очень много, и при его совершенно исключительной памяти он многое помнил из прочитанного и все впитывал в себя. Это становилось его жизненным опытом — то, что он читал

Н.А. Булгакова-Земская с.47 (15)

Девяти лет Булгаков зачитывается Гоголем, — писателем, которого он неизменно ставил себе за образец и наряду с Салтыковым-Щедриным любил наибольше из всех классиков русской литературы. Мальчиком Михаил Афанасьевич особенно увлекался "Мертвыми душами", эту поэму он впоследствии инсценировал для Художественного театра. Гимназистом Михаил Афанасьевич читал самых разнообразных авторов: интерес к Салтыкову-Щедрину сочетался с увлечением Купером.

П.С. Попов с.535 (5)

"Босявка" — южнорусское и излюбленное булгаковское словечко. У них в семье вообще бытовало немало своих словечек и поговорок. Когда кому-нибудь (а их было семь человек детей) доводилось выйти из-за стола, а на столе было что-нибудь вкусное, выходящий обращался к соседу с просьбой: "Постереги".

Вся эта команда (дружная, надо сказать) росла, училась, выдумывала, ссорилась, мирилась, смеялась...

Взрослела команда, менялось и озорство, "расширялась" тематика. В юношеском возрасте они добрались и до подражания поэту Никитину:

Помоляся Богу, улеглася мать.
Дети понемногу сели в винт играть...

Юмор, остроумие, умение поддержать, стойкость — все это за-

Л.Е. Белозерская с.121 (4)

кваска крепкой семьи. Закваска в период особенно острой травли оказала писателю Булгакову немалую поддержку...

Юность.

Кто мог знать, что получится из нас, "господ гимназистов", как называл нас Бодянский? Что получится из этих юношей в выгоревших фуражках, всегда готовых ко всяческим выходкам, насмешкам и спорам? Что, например, получится из Булгакова? Никто этого не мог знать.

Булгаков был старше меня, но я хорошо помню стремительную его живость, беспощадный язык, которого боялись все, и ощущение определенности и силы — оно чувствовалось в каждом его, даже незначителном слове.

Булгаков был полон выдумок, шуток, мистификаций. Он превращал изученный нами до косточки гимназический обиход в мир невероятных случаев и персонажей.

Какой-нибудь выцветший надзиратель "Шпонька", попадая в круг булгаковских выдумок и "розыгрышей", вырастал до размеров Собакевича или Тартарена. Он начинал жить второй, таинственной жизнью уже не как "Шпонька" с опухшим, пропитым носом, а как герой смехотворных и чудовищных событий.

Своими выдумками Булгаков чуть смещал окружающее из мира вполне реального на самый краешек мира преувеличенного, почти фантастического.

Мы встретились с Булгаковым после гимназии только в 1924 году, когда он был уже писателем. Он не изменил Киеву. В пьесе его "Дни Турбиных" я узнал вестибюль нашей гимназии и сторожа Максим Холодная Вода — честного и прилипчивого старика. За кулисами театра зашелестели осенние киевские каштаны.

К. Паустовский с. 175 (52)

Первую гимназию теперь широко знают благодаря Художественному театру. Она является местом действия “Дней Турбиных” (сцена гибели Алексея Турбина). Ворчащий на юнкеров школьный сторож — наш Максим. Вестибюль с лестницей и хорами, и вдали портрет основателя гимназии Александра I — все это схематически представленный на сцене интерьер моей школы.

Она считалась в те годы лучшей в Киеве. Помещалась на перекрестке Бибиковского бульвара и Владимирской улицей (две главнейшие артерии города, не считая Крещатика и Фундуклеевской). На противоположном углу находилась Вторая гимназия (сохранившая греческий язык), а на другой стороне бульвара — Университет. Все три здания в строгом классическом стиле.

В Первой гимназии учились дети киевской интеллигенции и вместе с тем — знати. В моем классе обучался князь Дмитрий Репнин (во 2-м отделении) и князь Сергей Трубецкой (в 1-м отделении) — сын философа Евгения Трубецкого. К чести гимназистов нужно сказать, что аристократы ума расценивались в классе выше, чем родовые аристократы. Одновременно со мной в разных классах обучались: Павлищев (И.Н.Берсенев), Паустовский (Г.К.), Булгаков (автор “Дней Турбиных”). Некоторое время здесь обучался Вертинский. Из учеников моего класса вышел будущий министр иностранных дел Украинской Рады, ее представитель на конгрессе в Версале, сын учителя русского языка А.Шульгин.

Н.П. Анциферов с.82 (1)

...Я хорошо его помню! Живого, насмешливого блондинчика! Ни одна проделка не обходилась в гимназии без него! А клички преподавателям — как припаяет — так и в могилу сходили с кличкой

Миши Булгакова. Тот — Маслобой, тот — Шпонька... Помню его всего, от ясной голубизны глаз до бледно-лиловых прыщиков на лбу, под челкой. Насмешник, драчун, добряк — любимец всех гимназистов, даже малышни. Уже тогда личность чувствовалась в нем! Он, знаете, один из лучших наших прозаиков! А что не издают — это время; заминка ему, то есть его имени и творчеству, только на пользу пойдет!..

К. Паустовский с.138 (37)

Увлечение театром было одно из главных в жизни семьи и Миши — гимназиста и студента. Об этом свидетельствуют прежде всего любительские спектакли, в которых принимали участие все молодые Булгаковы. Спектакли ставились чаще летом, в Буче. Первая пьеса, в которой играл Миша, — детская сказка "Царевна Горошина" (текст ее сохранился). В ней 12-летний Миша играл лешего и атамана разбойников. Это был благотворительный спектакль для богаделок, как вспоминает сестра Вера.

Е.А. Земская с.61 (15)

Студентом М. А. участвовал в любительских платных спектаклях, которые ставились в дачном поселке Буча летом 1910 г., под фамилией Агарина. Он исполнял роли: начальника станции — в комедии "На рельсах", дядюшки молодоженов в комедии Григорьева "Разлука та же наука", Арлекина — в одноактной пьесе "Коломбина" ("роль первого любовника — не его амплуа", — замечает впоследствии Н. А.). Вот как пишет об этом Н. А. к двоюродной сестре Иларии Михайловне Булгаковой (1891-1982) (Лиле): "В Бучанском парке подвизаются на подмостках артисты императорских театров Агарин и Неверова (Миша и Вера) под режиссерством Жоржа Семенцова... [друг семьи] ...В воскресенье вечером мы были в парке, где Миша удивлял всех игрою (играл он действительно хорошо)" (13 июля 1910). И на следующий день запись в дневнике: "Миша великолепно играл 11-го" (14 июля 1910).

Е.А. Земская с.62 (15)

...Любовь к драматургии процветала, но наше основное увлечение была все-таки опера. Например, Михаил, который умел увлекаться, видел “Фауст”, свою любимую оперу, 41 раз — гимназистом и студентом. Это точно. Он приносил билетики и накалывал, а потом сестра Вера, она любила дотошность, сосчитала...

Н.А. Булгакова-Земская с.53 (15)

В 1909 г. Михаил кончает гимназию (8 классов) и поступает в университет. Это для него годы решения многих мировоззренческих вопросов. К их числу относится вопрос: вера — неверие, который затрагивает всех молодых Булгаковых и окружающую молодежь.

Е.А. Земская с.67-68 (15)

18 дек. 1912 г. Смех, смех, смех, шумный, несмолкаемый, шутки, шум, музыка и калейдоскоп милых лиц: мама, сестры и братья. Старые разговоры, "ночная жизнь" со всегдашним маминым желанием уложить нас спать... и смех, смех, которым я три месяца не смеялась...

22 дек. Суббота. Ночь. Мама меня не гонит спать, т. к. думает, что я давно сплю. ... Долго говорила сегодня с Сашей (Гдешинским) и Мишей и натолкнулась на массу интересного... Конечно, они значительно интересней людей, с которыми я сталкивалась в Москве, и я бесконечно рада, что могу снова с ними говорить, спорить, что тут воскресают старые вопросы, которые надо выяснять, в новом ярком освещении.

Н.А. Булгакова-Земская с.69-70 (15)

Миша недавно в разговоре поразил меня широтой и глубиной своего выработанного мировоззрения — он в первый раз так разоткро-

венничался, — своей эрудицией, не оригинальностью взглядов, — многое из того, что он говорил, дойдя собственным умом, для меня было довольно старо, — но оригинальностью всей их компановки и определенностью мировоззрения. Правда, с моим "юродивым" благодушием (соединяю два Мишиных термина) я не могу согласиться с ним, но это не оттого, что я понимаю: нет, но он "дерзнул" (хоть на словах пока, — он бесконечный теоретик, как правильно заметил Саша (Гдешинский) , а у меня не хватает силы даже дерзнуть подумать, и я молчу, и это мое бессилие мне не больно, а нудно — скучно и тяжело ложится на душу (...) Плохо мне и потому, что благодаря моей дряблости, может быть, у меня такая широкая, такая с некоторых точек зрения преступная терпимость к чужим мнениям и верованиям, такая податливость и гибкость в их понимании. (...) У Миши этого нет совершенно, да и у других ни у кого я этого не замечала. У Миши есть вера в свою правоту или желание этой веры, а отсюда невозможность или нежелание понять окончательно другого и отнестись терпимо к его мнению. Необузданная сатанинская гордость, развивавшаяся в мыслях все в одном направлении за папиросой у себя в углу, за односторонним подбором книг, гордость, поднимаемая сознанием собственной недюжинности, отвращение к обычному строю жизни — мещанскому и отсюда "право на эгоизм" и вместе рядом такая привязанность к жизненному внешнему комфорту, любовь, сознательная и оправданная самим, к тому, что для меня давно утратило свою силу и перестало интересовать. Если б я нашла в себе силы позволить себе дойти до конца своих мыслей, не прикрываясь другими и всосанными нежеланием открыться перед чужим мнением, то вышло бы, я думаю, нечто похожее на Мишу по

"дерзновению", противоположное в некоторых пунктах и очень сходное во многом; — но не могу: не чувствую за собой силы и права, что главней всего. И безумно хочется приобрести это право, и его я начну добиваться. (...) И конечно, если выбирать людей, с которыми у меня могло бы быть понимание серьезное, то первый, кому я должна протянуть руку, — это Миша. Но он меня не понимает, и я не хочу идти к нему, да и пока я не чувствую потребности, гордость обуяла... Одна справлюсь, справлюсь, справлюсь. И добьюсь права перед собой, прежде всего, потом перед другими... Правда, Мишка откровенней всех со мною, но все равно...

Миша стал терпимее к маме — дай Бог. Но принять его эгоизма я не могу, может быть, не смею, не чувствую за собою прав. А выйдет ли из меня что-нибудь — Бог весть? ...Во всяком случае я начну действовать, но опять-таки не могу, как Миша, в ожидании заняться только самим собой, не чувствую за собой прав (эх, опыта бы мне побольше!), а поэтому получится "и хлеб пекти, по телята идти..." /Из дневника, декабрь 1912 г./

Н.А. Булгакова-Земская с.70-71 (15)

Он увлекался опытами, экспериментировал. Ловил жуков. У него есть сравнение в “Театральном романе”: “иссушаемый любовью к независимому театру, прикованный к нему, как жук на пробке”. Да, он имел эти коробки, там он препарировал жуков или их высушивал, мариновал ужей. Были случаи, когда уж, пойманный младшим братом Колей для Михаила, уходил, и одного такого ужа мать обнаружила вечером (хорошо, что она зажгла лампу перед этим) у себя, свернувшимся клубочком под подушкой. Михаил ловил и бабочек. И конечно, при горячем участии братьев он увлекся энтомологией, со-

брал очень хорошую коллекцию бабочек... Потом, уезжая из Киева, я спросила у мамы: “А где же Мишины коробки с энтомологической коллекцией?” Она говорит: “Он отдал ее Киевскому университету, уезжая из Киева”. Это уже было в 1919 году.

Н.А. Булгакова-Земская с.53 (15)

Миша был учеником 1-й гимназии. Он всегда мечтал быть писателем, но по настоянию родителей, окончив гимназию, поступил на медицинский факультет университета, окончив его в 1916 г., стал врачом. С увлечением работал в этой профессии.

Л.Н. Сынгаевская-Васнецова. Рукопись

Женитьба.

На второй день моего приезда к тетке пришла ее коллега по Фребелевскому педагогическому обществу — Варвара Михайловна Булгакова в сопровождении своего старшего сына-гимназиста. Тогда меня и познакомили с Михаилом. Это был симпатичный юноша, светловолосый, с голубыми глазами, очень подвижный, как и я, очень любивший музыку. Тетка попросила Михаила показать мне Киев.

Т.Н. Кисельгоф с.278 (9)

Когда Булгаковы были на даче в Буче, а дети задерживались в гимназии, они оставались ночевать у тети Сони. Михаил как раз пришел с экзамена. Очень довольный. Пятерку, кажется, получил. И вот тетя Соня нас познакомила и говорит: "Миша, ты покажи Тане город". Она меня "Таней" называла, а все остальные — "Тасей"

Т.Н. Кисельгоф с.23 (51)

Целыми днями, не ведая усталости, мы бродили по киевским улицам и паркам, ходили в Печерскую лавру, посещали музеи. Часто были на Владимирской горке — любимом месте Михаила. А вечерами шли в оперный театр слушать “Севильского цирюльника”, “Кармен”, “Аиду”, “Фауста” или на концерты в Купеческий сад. В Купеческий шли, как правило, пешком через Владимирскую горку по крутым, выложенным кирпичом, прогулочным дорожкам.

Т.Н. Кисельгоф с.279 (9)

И в Купеческий парк часто ходили. Там играл оркестр, а он очень любил симфонические концерты. Из "Руслана и Людмилы" часто играли, "Вторую венгерскую рапсодию" Листа. Он потом играл ее на рояле, хотя никогда не учился музыке.!

Т.Н. Кисельгоф с.23-24 (51)

Он как раз кончил гимназию, и дядя Коля (Николай Михайлович Покровский, брат Варвары Михайловны — *сост.*) подарил ему 25 рублей. Он написал, чтобы я только вышла к поезду, и он сразу уедет обратно. А это письмо перехватила моя мать, и меня заперли на ключ. И Михаила из Киева не отпустили.

Т.Н. Кисельгоф с.25 (51)

Я должна была приехать на Рождество, но родители не пустили почему-то — в Киев послали брата Женю, а меня в Москву, к бабушке. А в это время Мишин друг Саша Гдешинский прислал телеграмму: “Телеграфируйте обманом приезд Миша стреляется”. Отец сложил телеграмму и отослал в письме сестре: “Передай телеграмму своей приятельнице Варе (В.М.Булгаковой — *сост.*)... Приехала я в Киев только в 1911 году, в августе, после окончания гимназии — и уехала уже после убийства Столыпина, в начале сентября. Михаил в это время был студентом...

Т.Н. Кисельгоф с.110 (15)

На Рождество Булгаков приехал в Саратов... Была елка, мы танцевали, но больше сидели, болтали... В 1912 году он курса не кончил, остался на второй год — и снова приехал летом в Саратов.

Т.Н. Кисельгоф с.111 (15)

За мной Михаил приехал. ...Как летние каникулы начались, так он и приехал. Привез бабушку Лизу. Мы как раз собирались выезжать на дачу. Михаил пока занимался с кем-то из братьев по математике, мама его попросила. Потом он купил где-то медное обручальное кольцо и нацепил его. А мама заволновалась: "Вы что, обвенчались?" — "Нет,— говорю.— Это он просто попробовать, как будет...

Т.Н. Кисельгоф с.28 (51)

Потом мы вместе уехали в Киев — под предлогом моего поступления на историко-филологические курсы... В прошлое лето отец не разрешил мне остаться в Киеве — “Поработай год — тогда поедешь в Киев!”, и я год была в училище классной дамой, там девушки были в два раза крупнее меня... В Киеве я поступила на историко-филологические курсы, на романо-германское отделение, но некогда было учиться — все гуляли...

Т.Н. Кисельгоф с.111 (15)

Летом 1912 г. М.А. служит контролером на дачных поездах (студенческий приработок). Бывает у Лаппа в Саратове. К записи от 11 авг. 1912 г.: "Разъехалась наша дача на это лето (...) Жорж давно вычеркнут из нашей компании, Миша и говорить нечего..." сделана приписка в 1940 г.: "Мишино увлечение Тасей и его решение жениться на ней. Он все время стремится в Саратов, где она живет, забросил занятия в университете, не перешел на 3-й курс". 20 авг. 1912 г.: "Миша вернулся — en deux с Тасей; она поступает на курсы в Киеве. Как они оба подходят друг к другу по безалаберности натур! (В 1940 г. исправлено: по стилю и по вкусам). Любят они друг друга очень, вернее — не знаю про Тасю — но Миша ее очень любит... (16 окт. 1916 г. сделано примечание: "Теперь я бы написала наоборот". И в 1940 г. дано пояснение: "Мишин отъезд врачом в Николаевское — Тася едет с ним").

Н.А. Булгакова-Земская с.74-75 (15)

Мы обвенчались в 1913 году, после Пасхи. Сначала надо было идти в церковь, говеть (поститься, готовиться к исповеди и причастию — *сост.*). И мы последнюю неделю ходили с Михаилом в церковь, причащались, исповедовались. Приехала мама из Саратова. Ничего торжественного не было, все было очень просто. Во-первых, у меня не было белого платья...

Т.Н. Кисельгоф с.36 (51)

Событие: Миша женился, пришел к нам на Мало-Подвальную с женой, которая всем очень понравилась.

К.Н. Сынгаевская-Истомина. Рукопись

После окончания гимназии некоторое время мне пришлось работать в женском ремесленном училище. Но там мне очень не понравилось. Сразу после ухода из училища я отправилась в Киев. Там подала документы на женские историко-филологические курсы. Меня приняли, но училась я недолго: в апреле 1913 года мы с Михаилом Булгаковым, тогда еще студентом-третьекурсником, обвенчались. Родственники жениха наш союз не очень одобряли. Мать Михаила говорила мне: “Ему рано, он еще учится”. Кроме того, в семье Булгаковых считали: для супруги будущего врача я недостаточно образованна — я ведь закончила только гимназию. Однако мы не послушались. Подвенечного платья у меня не было. Все деньги, которые выслали мне родные из Саратова, я накануне истратила. И когда моя мать приехала на свадьбу, то не находила слов, чтобы как следует отругать меня. Она срочно купила белую блузку, и я пош-

ла под венец. Венчал нас известный всему городу священник, коллега Афанасия Ивановича Булгакова по Киевской Духовной академии, отец Александр Глаголев в церкви Николы Доброго на Подоле.

Т.Н. Кисельгоф
с.281 (9)

Теперь самое главное: Мишина свадьба будет 26 апр. (пятница). Будут только Давидовичи (родные Таси — *сост.*), Булгаковы, Богдановы, Гдешинские, больше в церкви никого не будет, чтобы было потише и поскромнее, а на дом пригласят только Сынгаевских (друзья дома — *сост.*), которых эта свадьба страшно интересует, а поэтому их нельзя не позвать, потому что они сами бы пришли в церковь, а мама не хочет толпы и помпы. К свадьбе приедет мать Таси, Евгения Викторовна. Тасе уже выслали образ из Саратова, а мать приедет благословить. Мама купила и Мише такой же образ, как у Таси, почти точь-в-точь. Оба образа очень хороши. Кольца заказали под руководством мамы, говорят, очень хороши, я их еще не видела. Вся молодежь, конечно, очень довольна и подшучивают над Тасей и Мишей. Тасе к свадьбе из дома прислали 100 руб., и бабушка, тетя Соня, Катя и отчасти мама все наперерыв советовали, что нужно купить к свадьбе. Бабушке особенно хотелось фату купить, но Тася наотрез отказалась. Бабушка теперь утешается тем, что оденет ту же наколку, что на Сонину свадьбу одевала. Мы же, молодежь, над всем этим хохотали и даже хотели заказать тебе поэму к их свадьбе: " Таську замуж выдают". Я рада в конце концов за них, а то они совершенно издергались, избеспокоились, изволновались и изверились. Теперь же пока наступает некоторое успокоение. Мама шьет Мише простыни и наволочки, а Маша и Груня их метят. После церкви у нас будет чай, фрукты и конфеты, а затем сторонних отправят по домам (образное выражение), а молодежь, верно, еще останется. После свадьбы Миша и Тася поселятся в Тасиной комнате, до Бучи, а в Буче будут вместе с нами..." /Из письма Веры Булгаковой к сестре Наде, 20 апреля 1913 г./

В.А. Булгакова
с.77 (15)

Моя милая Надя! Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе эту эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня (...) В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к о. Александру Александровичу (можешь представить, как Миша и Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что "Бог устроит все к лучшему". ...Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренне сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним, (...) Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело...

Теперь Мише нужно хлопотать о всяких бумагах; и я хочу еще, чтобы в матрикуле был зачтен его переход на 3-й курс, а тогда уже венчаться можно. Свадьба будет, конечно, самая скромная и тихая.

Я посоветовала им [Мише и Тасе] написать Ник(олаю) Николаевичу (отцу Таси — *сост.*) письмо с извещением о переходе на 3-й курс и с просьбой о позволении венчаться. Вчера они отослали это письмо.

Ты, конечно, можешь себе представить, какой скандал шел всю зиму и на Мар(иинско)-Благ(овещенской). Бабушка и сейчас не хочет слышать об этой свадьбе, Сонечка же старается принимать самое активное участие. Но самая симпатичная роль была Кати. Она старалась всячески привести все к благополучному концу, и все время ее симпатии были на стороне "безумцев"... /Из письма матери к Надежде Булгаковой, 30 марта 1913 г./

В.М. Булгакова с.76 (15)

Сегодня я и сама собиралась писать тебе (...) Хотела сделать это раньше, но (...) только что поднялась с одра болезни, куда меня уложила Мишина свадьба. У меня еще хватило сил с честью проводить их к венцу и встретить с хлебом-солью и вообще не испортить семейного торжества. Свадьба вышла очень приличная. Приехала мать Таси, были бабушка, Сонечка, Катя с Ирочкой (тетки Таси и ее двоюродная сестра — *сост.*), Иван Павлович, 2 брата Богдановых, 2 брата Гдешинских (Богдановы и Гдешинские — близкие друзья Михаила Булгакова — *сост.*) и Миша Книппович, который попал случайно, и вся наша фамилия в торжественном виде. Встретили цветами и хлебом-солью, потом выпили шампанского (конечно, донского), читали телеграммы (которых с обеих сторон оказалось штук 15), а потом пошли пить чай. Я и молодые благодарим тебя и Колю за телеграмму. А потом у меня поднялась t° до 39°, и я уж не помню, как упала в постель, где пролежала 3 дня, а потом понемножку стала отходить. Сейчас у меня сильная слабость деятельности сердца, утром t° - 36°, и я шатаюсь, когда хожу". /Из письма матери к Н.А.Булгаковой, 2 мая 1913 г./

В.М. Булгакова с.77-78 (15)

До конца месяца нам никогда не хватало. Всегда какие-то вещи в ломбард шли. И вот, мама купила мне маркизетовую кофточку, туфли, я пошла в парикмахерскую, сделала себе прическу. Михаил нацепил мою золотую браслетку. Карета была. Две иконы было. Мать нас благословляла.

Т.Н. Кисельгоф с.36 (51)

Александр Глаголев нас венчал. Мы все время хохотали. Все время смеялись. Там были Сашка Гдешинский с братом, Борис Богданов был, еще кто-то был. А родителей не было, они там где-то ждали. Вот, не помню, сестры были или нет. Потом мы сели в карету и поехали на Андреевский спуск. Ванька с нами ехал, а все остальные шли пешком.

Т.Н. Кисельгоф с.36 (51)

После венчания мы сели в белую карету и укатили на свою квартиру. Ее для нас сняли родители в доме № 25 по Рейтарской улице, а Варвара Михайловна с младшими детьми осталась в доме № 13 на Андреевском спуске.

Т.Н. Кисельгоф с.281 (9)

...Лето мы пробыли на даче — нас туда Варвара Михайловна пригласила. А когда вернулись в город, то комнату уже не снимали. У Ивана Павловича Воскресенского освободилась комната, и он предложил нам снимать у него. Мы переехали на Андреевский, 38. Там устроились. Обедали... когда были деньги, обедали в ресторане, когда не было — в студенческой столовой. Между прочим, там непло-

Т.Н. Кисельгоф
с.37 (51)

хие обеды были. Потом я обзавелась спиртовкой и дома жарила бифштексы, варила кофе. Господи! тогда я ничего не умела.

Лето 1913 года провели в Буче (под Киевом), на их даче... На Рождество в Саратов в тот год я поехала одна, а Михаил сказал, что бриться без меня не будет — то есть ходить не будет никуда. Я приехала — он весь оброс бородой... Чем жили? Отец присылал мне деньги, а Михаил давал уроки... Мы все сразу тратили... Киев тогда был веселый город, кафе прямо на улицах, открытые, много людей... Мы ходили в кафе на углу Фундуклеевской, в ресторан "Ротце". Вообще к деньгам он так относился: если есть деньги — надо их сразу использовать. Если последний рубль и стоит тут лихач — сядем и поедем!... Мать (В.М.Булгакова — *сост.*) ругала за легкомыслие. Придем к ней обедать, она видит — ни колец, ни цепи моей. "Ну, значит, все в ломбарде!" — "Зато мы никому не должны!"

Т.Н. Кисельгоф
с.112 (15)

Медицина.

Е.А. Земская
с.47 (15)

...Я опровергаю здесь мнение, что Михаил Афанасьевич случайно выбрал эту профессию. Совсем не случайно. Это было как-то в воздухе нашей семьи — и Михаил выбрал свою профессию, свою медицину обдуманно и сознательно. И он любил свою медицину.

П.С. Попов
с.536 (5)

По окончании гимназии в 1909 году Михаил Афанасьевич, после известного колебания, избирает медицинский факультет; его интересовали также юридические науки. Он предпочел карьеру врача. Работа медика ему казалась блестящей и привлекательной.

Т.Н. Кисельгоф
с.28 (51)

Михаил теперь серьезно взялся за медицину, потому что, пока мы были врозь, он совсем забросил учебу. Третий год на втором курсе сидел.

Т.Н. Кисельгоф
с.37 (51)

Михаил стал очень серьезно заниматься. Интересовался всеми медицинскими вопросами, много книг разных брал, все время ходил в библиотеку.

Т.Н. Кисельгоф
с.38 (51)

Михаил посещал все занятия, все вот эти... в анатомическом театре. Очень аккуратно посещал. Я следила, чтобы он не пропускал. Когда он там где-то дежурил, приносила ему еду. Дома занималась хозяйством, покупала продукты, готовила, убирала. Надо было все-таки о нем как-то заботиться.

Т.Н. Кисельгоф
с.112 (15)

...В 1914 году поехали на лето в Саратов. Там застала война. Мама организовала госпиталь при Казенной палате, и Михаил поработал там до начала университетских занятий. Это была его первая, может быть, медицинская практика... Потом он доучивался, а я пошла работать в госпиталь — к своей тетке. Таскала обеды раненым на пятый этаж... Потом, весной 1916 года, он поступил в Киевский госпиталь, госпиталь перевели в Черновицы, в Каменец-Подольский.

Михаил Афанасьевич Булгаков окончил Киевский университет, медицинский факультет, в апреле 1916 г. Шла война с Германией. Все окончившие после сдачи государственных экзаменов получили звание ратники ополчения второго разряда. Это было сделано с целью использования молодых врачей не на фронте, а в тылу, в земских больницах, откуда опытные врачи были сняты и отправлены в

полевые военные госпитали. Назначение в военный госпиталь получил и прекрасный земский врач — предшественник Мих. Булгакова в Никольской земской больнице, о котором в "Рассказах юного врача" автор упоминает с уважением и благодарностью, называя его именем Леопольда Леопольдовича (или "Липонтия", как называли его крестьяне).

Киевский выпуск 1916 года был призван не сразу. Немедленно после окончания Мих. Булгаков поступил в Красный Крест и добровольно уехал на юго-западный фронт, где работал в военном госпитале в городах Западной Украины: в Каменец-Подольске и Черновицах.

Н.А. Булгакова-Земская с.82(15)

После университета он в Красный Крест пошел и на фронт уехал, а частной практикой начал заниматься уже после возвращения из земства, через два года.

Т.Н. Кисельгоф с.65 (51)

Потом надо было куда-то устраиваться. Ведь надо жить на что-то. На 50 рублей не очень-то... Он пошел в Красный Крест, чтобы его направили в какой-нибудь киевский госпиталь, но ему дали направление в Каменец-Подольский.

Т.Н. Кисельгоф с.42 (51)

После сдачи выпускных экзаменов Михаил добровольцем поступил на службу в Киевский военный госпиталь. Вскоре его перевели поближе к фронту — в город Каменец-Подольский. Я поехала за мужем, пробыла недолго там — всех офицерских жен отправляли в тыл, и я вернулась в Киев. Однако сразу же после моего отъезда Михаил стал хлопотать, чтобы ему разрешили выписать к себе жену как сестру милосердия. Ему удалось получить добро, и он сразу дал телеграмму. Получив известие, я взяла билет и в тот же день отправилась к Михаилу.

Т.Н. Кисельгоф с.283 (9)

Михаил устроил меня в госпиталь работать... Там очень много гангренозных больных было, и он все время ноги пилил. Ампутировал. А я эти ноги держала... Ой! Так дурно становилось, думала, сейчас упаду. Потом отойду в сторонку, нашатырного спирта понюхаю и опять. Потом привыкла. Очень много работы было. С утра, потом маленький перерыв и до вечера. Он так эти ноги резать научился, что я не успевала... Держу одну, а он уже другую пилит. Даже пожилые хирурги удивлялись. Он их опережал.

Т.Н. Кисельгоф с.40 (51)

...Меня зачислили в санитарный отряд, и я стала учиться и помогать Михаилу в операционной. В госпитале мне приходилось тяжело: там я работала и санитаркой, и сестрой милосердия. Обычно стерилизовала и подавала инструмент, помогала при операциях; работать приходилось много. Михаил часто дежурил ночью, а под утро приходил физически и морально разбитым; спал несколько часов, а потом опять госпиталь... И так почти каждый день. К своим обязанностям Михаил относился ответственно, старался помочь больным облегчить их страдания. Это было замечено, и несколько раз медицинское начальство в присутствии медперсонала объявляло ему благодарности.

Т.Н. Кисельгоф с.283 (9)

Осенью (1916 г. — *сост.*) Михаила вызвали в Москву. В штабе решили, что на фронте нужны опытные тыловые врачи, а молодежь должна занять их место. Так мы попали в Смоленскую губернию. Сначала в Никольскую больницу Сычевского уезда...

Т.Н. Кисельгоф с.284 (9)

В первую же ночь, как мы приехали, Михаила к роженице вызвали. Я сказала, что тоже пойду, не останусь одна в доме. Он говорит: "Забирай книги, и пойдем вместе". Только расположились и пошли ночью в больницу. А муж этой увидел Булгакова и говорит: "Смотри, если ты ее убьешь, я тебя зарежу". Вот, думаю, здорово. Первое приветствие. Михаил посадил меня в приемной, "Акушерство" дал и сказал, где раскрывать. И вот, прибежит, глянет, прочтет и опять туда. Хорошо, акушерка опытная была. Справились, в общем. Принимал он очень много. Знаете, как пойдет утром... не помню, с которого часа, не помню даже, чай ли пили, ели ли чего... И, значит, идет принимать. Потом я что-то готовила, какой-то обед, он приходил, наскоро обедал и до самого вечера принимал, покамест не примет всех. Вызовов тоже много было. Если от больного приезжали, Михаил с ними уезжает, а потом его привозят. А если ему нужно было куда-то ехать, лошадей ему приводили, бричка или там сани подъезжали к дому, он садился и ехал. Диагнозы он замечательно ставил. Прекрасно ориентировался.

Т.Н. Кисельгоф с.45-46 (51)

Однажды, не то в 1913, не то в 1914 году, Михаил принес кокаин. Говорит: "Надо попробовать. Давай попробуем"... У меня от кокаина появилось отвратительное чувство. Отвратительное. Тошнить стало. Спрашиваю: "А ты как?" — "Да спать я хочу..." В общем, не понравилось нам.

Т.Н. Кисельгоф с.40 (51)

Как-то, когда мы уже собирались уезжать из Никольского, привезли мальчика, больного дифтерией. Михаил осмотрел его и враз принял решение, что для спасения жизни ребенка необходимо отсосать дифтерийные пленки. Ему показалось, что при этой операции он заразился. Тогда он велел ввести себе противодифтерийную сыворотку. Через некоторое время у него начался сильный зуд, долго не прекращающийся, распухло лицо, и тогда Михаил попросил меня ввести ему морфий. После инъекции ему стало легче, и, боясь повторения только что перенесенного состояния, попросил повторить инъекцию. Так постепенно началось его привыкание к наркотику. Я не знала, что мне делать. Чувствовала, что это добром не кончится. Но он регулярно требовал от меня морфий. Ценой неимоверных усилий я все же заставила его уехать в Киев, надеясь на помощь близких. Я пригрозила, что в противном случае мне придется покончить с собой. Это только и подействовало на него.

Т.Н. Кисельгоф с.287 (9)

И как часто он делал уколы? Раз в неделю?

Какой черт раз в неделю! Два раза в день... Потом он сам уже начал доставать, ездил куда-то. И остальные уже заметили. Он видит, здесь уже больше оставаться нельзя. Надо сматываться отсюда. Он пошел — его не отпускают. Он говорит: "Я не могу там больше, я болен",— и все такое. А тут как раз в Вязьме врач требовался, и его перевели туда.

Т.Н. Кисельгоф с.50 (51)

М.А. *В начале декабря я ездил в Москву по своим делам, и с чем приехал, с тем и уехал... И вновь тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей. Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве... Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим уте-*

шением является для меня работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов (что попадется, т.к. книг здесь мало) и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад...
Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...
Придет ли старое время?
Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!
Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.
Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица... Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло... /Из письма сестре Надежде, 31 декабря 1917 г./

Вязьма — такой захолустный город. Дали нам там комнату. Как только проснулись — "иди ищи аптеку". Я пошла, нашла аптеку,

приношу ему. Кончилось это — опять надо. Очень быстро он его использовал. Ну, печать у него есть — "Иди в другую аптеку, ищи". И вот я в Вязьме там искала, где-то на краю города еще аптека какая-то. Чуть ли не три часа ходила. А он прямо на улице стоит, меня ждет. Он тогда такой страшный был... Вот, помните, его снимок перед смертью? Вот такое у него лицо было. Такой он был жалкий, такой несчастный. И одно меня просил: "Ты только не отдавай меня в больницу" Господи, сколько я его уговаривала, увещевала, развлекала... Хотела все бросить и уехать. Но как посмотрю на него, какой он — "Как же я его оставлю? Кому он нужен?" Да, это ужасная полоса была.

Т.Н. Кисельгоф
с.51 (51)

Ездила я из Вязьмы в Москву на неделю к Николаю Михайловичу... Страшно волновалась, как там Михаил. Потом приехала и говорю: "Знаешь что, надо уезжать отсюда в Киев". Ведь и в больнице уже заметили. А он: "А мне тут нравится". Я ему говорю: "Сообщат из аптеки, отнимут у тебя печать, что ты тогда будешь делать?" В общем, скандалили, скандалили, он поехал, похлопотал, и его освободили по болезни, сказали: "Хорошо, поезжайте в Киев". И в феврале (1918 года — *сост.*) мы уехали!

Т.Н. Кисельгоф
с.52 (51)

Варвара Михайловна сразу заметила: "Что это какой-то Михаил?" Я ей рассказала, что он больной и поэтому мы и приехали.
— *А как Иван Павлович?*
Я не сразу ему рассказала. Он сам заметил и спрашивает как-то: "Что ж это такое?" — "Да вот,— я говорю,— так получилось."— "Надо, конечно, действовать". Сначала я тоже все ходила по аптекам, в одну, в другую, пробовала раз принести вместо морфия дис-

тиллированную воду, так он этот шприц швырнул в меня... горящую лампу однажды бросил. "Браунинг" я у него украла, когда он спал, отдала Кольке с Ванькой: "Куда хотите девайте".

— А почему вам пришла эта мысль?

А он несколько раз наставлял его на меня и на себя. И вообще, нельзя, чтобы оружие было в доме, когда такое дело. Вот. А потом я сказала: "Знаешь что, больше я в аптеку ходить не буду. Они записали твой адрес, звонили в другую аптеку и спрашивали: „У вас морфий брали?" — „Брали". Это я ему наврала, конечно. А он страшно боялся, что придут и заберут у него печать. Ужасно этого боялся. Он же тогда не смог бы практиковать. Он говорит: "Тогда принеси мне опиум". Его тогда в аптеке без рецепта продавали, и можно было несколько пузырьков в разных местах взять. Он сразу весь пузырек, оп! И потом очень мучился с желудком. И вот так постепенно он осознал, что нельзя больше никакие наркотики применять.

— Он где-нибудь лечился?

Нет. Он знал, что это неизлечимо. Вот так это постепенно, постепенно и прошло. В общем, веселенькая была жизнь. Я чуть с ума не сошла тогда.

Т.Н. Кисельгоф с.57 (51)

И все было бы относительно спокойно, если бы ночью не случалось странное волнение и шум.

Вставала Тася, одевалась, бежала в аптеку.

Просыпались сестры, бежали в комнату к Михаилу.

Почему?

Оказалось, что Михаил был морфистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал. К утру он выздоравливал, но чувствовал себя до вечера плохо.

Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась.

Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастической.

Л.С.Карум. Рукопись

Он по-прежнему принимал морфий, вынуждая меня часто бегать в аптеку, находившуюся на Владимирской улице у пожарной каланчи. Тут уже начали интересоваться, почему это доктор так часто выписывает морфий. Я об этом сказала Михаилу, и он, кажется, испугался и стал посылать меня в другие аптеки города. А когда я наотрез отказалась идти в очередной раз в аптеку за этим ужасным зельем, Михаил устроил мне грандиозный скандал... Видя, что ему не справиться с этим недугом, я обратилась за помощью к Ивану Павловичу Воскресенскому. Все рассказала ему, и он посоветовал вместо морфия вводить Михаилу дистиллированную воду. Тогда же Иван Павлович передал мне несколько ампул, которые по внешнему виду ничем не отличались от тех, которые я приносила из аптеки. Я сделала все так, как говорил Иван Павлович. Я уверена, что Михаил понял, в чем дело, но не подал виду и принял “игру”. Постепенно он бросил эту страшную привычку. И с тех пор никогда больше не только не употреблял морфий, но и никогда словом не обмолвился об этом.

Т.Н. Кисельгоф с.287 (9)

В Киеве было неспокойно, часто менялись правительства. В городе орудовали банды, выдававшие себя за законную власть. И для нас встал вопрос: как жить дальше? Где и к чему приложить руки, чтобы существовать? Так как средств у нас не было никаких, пришлось продать подаренное нам моими родителями столовое серебро,

а на вырученные деньги приобрести инструментарий для врачебного кабинета. Михаил хорошо оборудовал его в доме № 13 по Андреевскому спуску в угловой комнате с балконом. В застекленном белом шкафу сверкали никелированные медицинские инструменты и виднелись разные баночки и пузырьки со всевозможными лекарственными препаратами. На двери была табличка, по которой можно было узнать, что здесь принимает доктор М.А.Булгаков. Больных приходило много, и почти вся клиентура — военные. Я и здесь помогала ему на приемах.

Т.Н. Кисельгоф с.287-288 (9)

Варвара Михайловна отдала нам свою спальню, а в той комнате, где тетя Ириша с Лелей раньше жили, над входом, там Михаил свой кабинет устроил для частной практики — он стал практиковать как венеролог. Тети Ириши уже не было. То ли она умерла, то ли уехала куда-то. Нади тоже не было, она куда-то с мужем уехала, Андреем Земским. Вера была, Колька с Иваном были, Костя. Потом Варя приехала. Карум где-то пропадал, потом тоже приехал.

Т.Н. Кисельгоф с.58 (51)

Работа венерического врача шла успешно. Только в последний месяц, когда большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то “в нетях” на даче под Киевом. Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу. И булгаковская коммуна распалась. Миша хотел ехать со мной.

Л.С.Карум. Рукопись

Иногда у Михаила возникали конфликты с хозяином дома, Василием Павловичем Листовничим, чаще всего из-за наших пациентов,

которых он не хотел видеть в своем доме. Наверное, он в первую очередь переживал за свою единственную дочь, Инну. Кроме того, в нашем доме по нечетным субботам устраивались молодежные вечеринки, которые заканчивались далеко за полночь. Теперь я знаю, что и это раздражало хозяина — он занимал под нами этаж. Но частная практика продолжалась недолго.

Т.Н. Кисельгоф с.288 (9)

Осенью 1919 года белые мобилизовали Михаила, выдали ему обмундирование, оружие, удостоверение и отправили на юг России для прохождения службы. Некоторое время я находилась в Киеве, потом получила от него телеграмму и сразу же отправилась на Кавказ. С большим трудом осилила дорогу, но благополучно добралась до места назначения. Михаил уже работал во Владикавказском госпитале и, как всегда, был занят.

Т.Н. Кисельгоф с.288 (9)

Вскоре его направили в город Грозный, и я также последовала за ним. Там мы долго не задержались, так как часть, где служил Михаил, перебросили в Беслан, а затем снова во Владикавказ. Кажется, там он и начал писать по ночам рассказы и фельетоны для местных газет.

Т.Н. Кисельгоф с.288 (9)

Это еще зима 1919-го была. Поселили нас очень плохо: недалеко от госпиталя в Слободке, холодная очень комната, рядом еще комната — большая армянская семья жила. Потом в школе какой-то поселили — громадное пустое здание деревянное, одноэтажное... В общем, неуютно было. Тут мы где-то познакомились с генералом Гавриловым и его женой Ларисой. Михаил, конечно, тут же стал за ней ухаживать... Новый год мы у них встречали, 1920-й. Много офицеров

Т.Н. Кисельгоф с.77 (51)

было, много очень пили... "кизлярское" там было, водка или разведенный спирт, не помню я уже. Но на этот раз я не напилась.

Зимой 1920 года его направили в Пятигорск, откуда он вернулся еле живой — поднялась температура, мучили боли, ничего не ел. В его нижней рубахе я обнаружила вошь и сразу поняла, что это тиф. Я бегала по городу в поисках помощи, с большим трудом нашла врача, который согласился его лечить. В это время белые под натиском большевиков начали отступать из города. Несколько раз к нам врывались вооруженные люди, требуя доктора и предлагая для его эвакуации комфортабельный транспорт. Но лечивший его врач сказал, что его пациент очень болен и не вынесет переезда. Поэтому я не позволила увезти тяжело больного Михаила, хотя рисковала и его, и своей жизнью. Через какое-то время пришли красные. Михаил тяжело переносил болезнь и очень медленно поправлялся. В первое время он с моей помощью передвигался на костылях. А еще через неделю под руку со мной уже начал ходить.

Т.Н. Кисельгоф с.288-289 (9)

Было туго с продуктами. Нас выручала моя золотая цепочка, которую я получила в подарок от матери. Цепочка была витой, в мизинец толщиной. Мы от нее "отщипывали" кусочки и покупали на них продукты.

Т.Н. Кисельгоф с.79 (51)

Один раз у него глаза закатились, я думала — умер. Но потом прошел кризис, и он медленно-медленно стал выздоравливать. Это уже когда красные стали.

М.А. *...Ты спрашиваешь, как я поживаю. Хорошенькое слово. Именно я поживаю, а не живу...*

Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом, и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал...
Тася служит на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали, и она без дела. Я живу в скверной комнате...
Как одет, что ем... не стоит писать...
Что дальше?
Уеду из Владикавказа весной или летом.
Куда?
Маловероятно, но возможно, что летом буду в Москве.
Стремлюсь далеко... /Из письма двоюродному брату К.П.Булгакову, 1 февраля 1921 г./

Начало пути

С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 г. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента. Когда я заболел сыпным тифом, его привели ко мне в качестве доктора. Он долго не мог определить моего заболевания, а когда узнал, что у меня тиф — испугался... и сказал, что не уверен в себе, позвали другого.

По выздоровлении я узнал, что Булгаков болен паратифом. Тотчас же, еще едва держась на ногах, пошел к нему с тем, чтобы ободрить его и что-нибудь придумать на будущее. Все это описано у Булгакова в его "Записках на манжетах".

Ю.Л. Слезкин с.38-39 (5)

...Надо опровергнуть еще одно мнение. Во многих биографиях мне пришлось прочитать о том, что Булгаков определился как писатель к 30 годам, уже в зрелом возрасте. Это неверно. Он начал писать очень рано.

Е.А. Земская с.47 (15)

М.А. *...В 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.*
Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось. /Из автобиографии, октябрь 1924 г./

П.С. Попов с.535 (5)

Михаил Афанасьевич с младенческих лет отдавался чтению и писательству. Первый рассказ “Похождения Светлана” был им написан, когда автору исполнилось всего семь лет.

В той же записи от 24 дек. 1912 г. содержится свидетельство о том, что уже тогда у М.А. созрело решение стать писателем. Н.А. пишет: "Хорошую мне вещь показывал сегодня Миша (свои литературные наброски-замыслы) — хорошо и удивительно интересно!" И через страницу снова: "Миша хорошо пишет" (примечание 1960 г: "Это о его рассказах"). В примечании 8 дек. 1960 г. Н.А. поясняет: "В этот вечер старший брат прочел сестре свои первые литературные наброски-замыслы и сказал: "Вот увидишь, я буду писателем". В

конце этой длинной записи Н.А. в 1958 г. дает итог: "Меня, в сущности девчонку (19 лет), поразило то, что Миша уже определил себя. И я заметалась в смятении, что еще ничего определенного о своем будущем не решила и в жизни не сделала".

Итак, 1912 г. — М.А. на пороге литературной деятельности и женитьбы: "Миша жаждет личной жизни и осуществления своей цели" (8 янв. 1913).

Н.А. Булгакова-Земская с.72 (15)

Уверенность в себе как в будущем писателе была свойственна большинству из нас; когда, например, мне было лет девять, я разграфил школьную тетрадку на две колонки, подобно однотомному собранию сочинений Пушкина, и с места в карьер стал писать полное собрание своих сочинений, придумывая их тут же все подряд: элегии, стансы, эпиграммы, повести, рассказы и романы. У меня никогда не было ни малейшего сомнения в том, что я родился писателем.

Хотя синеглазый был по образованию медик, но однажды он признался мне, что всегда мыслил себя писателем вроде Гоголя. Одна из его сатирических книг по аналогии с гофманиадой так и называлась "Дьяволиада", что в прошлом веке, вероятно, было бы названо более по-русски "Чертовщина": история о двух братьях Кальсонерах в дебрях громадного учреждения с непомерно раздутыми штатами читалась как некая "гофманиада", обильно посыпанная гоголевским перцем.

В.П.Катаев с.219-221 (30)

Когда осенью 1917 года после Никольского мы перебрались в Вязьму, я заметила, что Михаил часто по ночам вставал и садился за стол писать. Сначала я думала, что он пишет письма родным в Киев и

Москву. Я осторожно спросила, чем он занимается, на что он ответил уклончиво и тогда ничего мне толком не объяснил. А когда я стала настаивать на том, чтобы он поделился со мною, Михаил ответил примерно так: “Я пишу рассказ об одном враче, который тяжело болен. А так как ты человек слишком впечатлительный, то когда я прочту это, к тебе придет мысль, что в рассказе идет речь обо мне”. И, конечно же, не стал знакомить меня с написанным, несмотря на то, что я очень его просила. А название этого рассказа я запомнила — “Зеленый змий”.

Т.Н. Кисельгоф с.287 (9)

Он уже выздоровел, но еще очень слабый был. Начал вставать понемногу. А во Владикавказе уже красные были. Так вот мы у них и оказались. Он меня потом столько раз пилил за то, что я не увезла его с белыми: "Ну как ты не могла меня увезть!" Я говорю: "Интересно, как я могла тебя увезть, когда у тебя температура сорок, и ты почти без сознания, бредишь, и я повезу тебя на арбе. Чтобы похоронить по дороге?" И вот уже решили выйти погулять. Он так с трудом... на руку мою опирается и на палочку. Идем, и я слышу: "Вон, белый идет. В газете ихней писал". Я говорю: "Идем скорей отсюда". И вот пришли, и какой-то страх на нас напал, что должны прийти и нас арестовать. Кое-кого уже арестовали. Но как-то нас это миновало, не вызывали даже никуда. Врачом он больше, сказал, не будет. Будет писать.

Т.Н. Кисельгоф с.81 (51)

Белые ушли — организовался ревком, мне поручили заведование подотделом искусств. Булгакова я пригласил в качестве зав. литературной секцией. Там же, во Владикавказе, он поставил при моем со-

действии свои пьесы “Самооборона” — в одном акте, “Братья Турбины” — бледный намек на теперешние “Дни Турбиных”. Действие происходит в революционные дни 1905 г. в семье Турбиных — один из братьев был эфироманом, другой революционером. Все это звучало весьма слабо. Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово.

По приезде в Москву мы опять встретились с Булгаковым, как старые приятели, хотя последнее время во Владикавказе между нами пробежала черная кошка...

Ю.Л. Слезкин с.39 (5)

...Еще он там в газете писал... “Зори Кавказа”, что ли... не помню.

Т.Н. Кисельгоф с.77 (51)

Его литературный дебют относится к 19 ноября 1919 года... По собственному свидетельству, Михаил Афанасьевич пережил душевный перелом 15 февраля 1920 г., когда навсегда бросил медицину и отдался литературе. К творчеству Михаила Афанасьевича приложима характеристика, данная профессором А. Б. Фохтом в отношении А. П. Чехова,— Чехов был учеником Фохта по медицинскому факультету: "Немало дала писателю медицина, которая много берет из жизни и цель которой прекрасно отмечена у Гёте: "Цель медицины, как науки, постигнуть жизни сложный ход". Действительно, врачу, как никому другому, близки интересы жизни, ему легче ориентироваться в типах, легче проникать в тайники человеческой жизни".

1920 год Михаил Афанасьевич проводит во Владикавказе (Орджоникидзе), там он пишет и ставит первые свои три пьесы, впоследствии им уничтоженные: "Самооборона", "Сыновья муллы" (из ингушской жизни) и "Братья Турбины" (не смешивать с известными "Днями

П.С. Попов
с.536 (5)

Турбиных"). Во Владикавказе Булгаков читает курсы по истории литературы в Народном университете и Драматической студии

М.А. *Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах... Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска "Самооборона", затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма "Братья Турбины"...*
Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда "Турбины" шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать... Судьба — насмешница...
И так я поживаю.
За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напкчатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?
Я упорно работаю.
Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь.
Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое.
Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые друзья и приятели, черт бы их всех взял!
Тася служила на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали и она без дела.

Я живу в скверной комнате на слепцовской улице д.№ 9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе.
Как одет, что ем... не стоит писать...
Что дальше?
Уеду из Владикавказа весной или летом.
Куда?
Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко... /Из письма К.П.Булгакову, 1 февраля 1921 г./

1921

1924

1926

1928

Глава II

Москва:

новая жизнь,
театральный роман,
Любовь Белозерская.

Новая жизнь

С 1921 года Михаил Афанасьевич поселяется в Москве; испытывая большие материальные затруднения, он принужден отдавать свои силы мелкой газетной и журнальной работе. Одно время он — конферансье в театре, то он — заведующий издательской частью научно-технического комитета. В качестве хроникера и фельетониста Булгаков работает в Торгово-промышленном вестнике и в газете "Гудок", печатается также в "Рупоре", "Красном журнале для всех", "Красной газете", "Красной панораме" и берлинской газете "Накануне".

П.С. Попов с.537 (5)

М.А. *...Очень жалею, что в маленьком письме не могу Вам передать подробно, что из себя представляет сейчас Москва. Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни. Въехав полтора месяца тому назад в Москву, в чем был, я, как мне кажется, добился maximum'а того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. Правда, пока еще в ничтожном масштабе. Но все же в этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т.д.*
Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день. /Из письма матери, 17 ноября 1921 г./

В 21-м году он переехал в Москву. Это были тяжкие годы для всех и для него. Энергичен он был беспредельно. Есть одно свидетельство его дальнего родственника и начальника по работе, что

Е.С. Булгакова с. 385 (15)

энергия Миши не поддается описанию. "Этот человек сумеет схватить свою судьбу", — написал Б. М. Земский. Булгаков был невероятный. Он мог выйти утром и бегать по всей Москве, добывая какой-то жалкий кусок хлеба. Но, поставив перед собой большие задачи, шел к этому очень твердыми шагами...

М.А. *...Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, потому что вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно... Бедной Таське приходится изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыба об лед. Самое главное, — лишь бы была крыша...*
...Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам...
...Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою idee-fixe. А заключается она в том, чтоб в три года восстановить норму — квартиру, одежду, пищу и книги. Удастся ли — увидим. /Из письма матери, 17 ноября 1921 г./

...22-й год был. Он нигде не работал, я нигде не работала, одними вещами жили, и те уж на исходе были. Бывало так, что

Т.Н. Кисельгоф с.107 (51)

у нас ничего не было — ни картошки, ни хлеба, ничего. Михаил бегал голодный.

М.А. *9-го февраля. Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки. У Бориса миллион. Обегал всю Москву — нет места.*
Валенки рассыпались.
15 февраля. Погода испортилась. Сегодня морозец. Хожу в остатках подметок. Валенки пришли в негодность. Живем впроголодь. Кругом должен. /Из дневниковых записей, 1922 г./

Он шел мне навстречу в длинной, на доху похожей, мехом наружу шубе, в глубоко надвинутой на лоб шапке. Слишком ли мохнатое, невиданно длинношерстное облачение его или безучастное, какое-то отрешенное выражение лица было тому причиной, но только многие прохожие останавливались и с любопытством смотрели ему вслед.

Я окликнул его. Мы не виделись два месяца и очень обрадовались друг другу.

— Что нового? Как поживаете, Михаил Афанасьевич? Где работаете?

— Да так... перебиваюсь случайным заработком. Удается иной раз пристроить то фельетончик, то очеркишко... Постоянной работы нет.

Потом он сказал, что начал было писать роман „Белая гвардия", но кроме заголовка сочинил всего несколько страничек. Не идет дело. Куда там, если мысли заняты поисками хлеба насущного! А хочется. Ах, как хочется ему писать!

— Ладно, хватит про себя... Что у вас-то слышно?

Мне почему-то было неловко перед бедствующим товарищем, и, пробормотав нечто уклончивое, я спросил:

— Михаил Афанасьевич, а вам никогда не случалось работать в газете?

— Говорю же вам: пробавляюсь помаленьку. А где? В газетах, конечно. Только редко удается, а сил и времени приходится тратить на это бездну.

— Нет, я спрашиваю — в самом аппарате редакции вы никогда не работали?

— Нет, не случалось... А про наше „Лито" вспоминаете? — вдруг рассмеялся он. — Вот еще тоже темочка, — так и чешутся руки!.. Дьяволиада...

— Как вы сказали?

— Дьяволиада, — повторил он оживленнее прежнего. — Да, мне только сейчас это пришло в голову. Но я, пожалуй, так и назову повесть, если когда-нибудь напишу ее: „Дьяволиада".

Слово это на короткий миг побудило меня как бы оглянуться, мысленно обозреть все, чему мы вместе были свидетелями: от первой встречи перед столом зябкого старика до великолепного, лакированно сверкающего, украшенного призывными надписями агитационного поезда на Курском вокзале. Нет, в моем сердце минувшие дни оставили совсем иной след, — светлый и лишь немного окрашенный сожалением по той единственной причине, что мы не успели развернуть настоящей деятельности. Возглас Булгакова огорчил меня. Должно быть, это нашло свое отражение в тоне моего голоса, и Михаил Афанасьевич шуткой поспешил смягчить навеянное им впечатление.

Мы долго бродили в тот вечер вместе по московским улицам. Расставаясь, М. А. Булгаков откровенно позавидовал моему прочному благополучию.

— Хотите у нас работать?.. Я постараюсь устроить, — предложил я. — Конечно, литературный правщик — это не ахти какое счастье. Но почему бы временно не пойти на это? Обработка корреспонденции не отнимет у вас слишком много сил, но даст верный, постоянный заработок и позволит по вечерам спокойно заниматься своим настоящим делом.

— Не возьмут.

— Почему вы так думаете?

— Пробовал, просился. Не берут.

— Приходите завтра к нам в редакцию.

Посмотрим...

А.И. Эрлих
с.35-38 (76)

Булгаковых мы очень полюбили и видимся почти каждый день. Миша меня поражает своей энергией, работоспособностью, предприимчивостью и бодростью духа. Мы с ним большие друзья и неразлучные собеседники. Он служит в газете и у меня в Научно-Технич. Комитете. Можно с уверенностью сказать, что он поймает свою судьбу, — она от него не уйдет... Мы долго грустили и печалились с Булгаковыми по Варваре Михайл. И радовались, что Коля и Ваня живы и здоровы...

Вовочка значительно вырос... Они большие приятели с "дядей Мишей" — играют в свои игры — "бой подушками", "гуляние по потолку" и т.д. /Из письма от 9 апреля 1922 г./

Б.М. Земский
с.44 (6)

Одет он был, конечно, прескверно, шапчонка эта военная прескверная, без кокарды, конечно, и вот этот похабень. Еще во Владикавказе ему

сшили толстовку из сурового льняного полотна — с карманами накладными, с поясом. Дома у него была пижама — Костя подарил ему заграничную — ему родители часто присылали посылки из Японии. Пижама была коричневая, в среднюю клетку, кажется, синюю с красным — как бывают шотландские юбки. И он всегда ходил дома в этой пижаме, и потом один знакомый — Леонид Саянский — даже изобразил его на карикатуре в этой пижаме...

Т.Н. Кисельгоф
с.239-240 (69)

Миша очень мерз, и я ему отдал полушубок романовский.— Меня в нем в редакции не впускают — так он мне говорил вместо благодарности... А мне он отдал взамен пальто, в котором он приехал, черное, — как у немецких военнопленных. Этот полушубок мне достался в 15-м году: мы с одним товарищем — тогда мы были в лазарете, в Красном Кресте,— пошли в Офицерское экономическое общество и купили себе полушубки... Мне товарищ прислал потом в Москву, а я его Мише отдал, а он мне пальто, ветром подбитое. Когда я, знаете, зимой носил это пальто, у меня было впечатление, что я иду просто без пальто.

Н.Л. Гладыревский
с.239 (69)

Начало двадцатых годов...

Мы с Булгаковым работаем в "Гудке". Я заведую бытовой "четвертой полосой", он литературный сотрудник профсоюзного отдела. Сидит Булгаков в соседней комнате, но свой тулупчик он почему-то каждое утро приносит на нашу вешалку. Тулупчик единственный в своем роде: он без застежек и без пояса. Сунул руки в рукава — и можешь считать себя одетым.

Сам Михаил Афанасьевич аттестует тулупчик так:

— Русский охабень. Мода конца XVII столетия. В летописи в первый раз упоминается под 1377 годом. Сейчас у Мейерхольда в таких охабнях думные бояре со второго этажа падают. Пострадавших актеров и зрителей рынды отвозят в институт Склифосовского. Рекомендую посмотреть...

И.С. Овчинников
с.131 (15)

Вечером Михаил Афанасьевич опять появляется в нашей комнате — взять тулупчик. Ну, а раз зашел — сейчас же бесконечные споры и разговоры, а при случае — даже легкая эстрадная импровизация, какая-нибудь наша злободневная небылица в лицах. И главный заводила и исполнитель, как всегда, Булгаков.

Ага, вот и он! Переступил порог и сейчас же начинается лицедейство. В булгаковском варианте разыгрывается пародийный скетч "Смерть чиновника"...

Без всяких вступлений импровизируется сцена извинения. Тулупчик переброшен через левый локоть. Правая рука у сердца. Корпус в полупоклоне. Так, не разгибаясь, расшаркиваясь то левой, то правой, Булгаков отступает задом до самой двери.

Но вот он остановился и выпрямился. Дернул головой снизу вверх, как бы сбрасывая с себя чужую личину, которую только что донес до этого места...

Варьируясь в деталях, подобные встречи у нас с Михаилом Афанасьевичем бывали чуть не ежедневно. Взять тулупчик и молча шмыгнуть из комнаты он считал неприличным. Поэтому по пути от вешалки к двери он всегда успевал что-нибудь рассказать. Рассказы эти назывались у нас квартплатой за вешалку...

И.С. Овчинников
с.131-132 (15)

Шел 1921 год.

Он работал в "Гудке" вместе с группой молодых литераторов — Юрием Слешей, Катаевым, Ильфом и Петровым. Веселое время молодости! Знаменитая четвертая полоса! Озорные фельетоны! Не редакция, а клуб безудержных остряков! Было ли все это такой безоблачной идиллией? Конечно, нет. Булгакову жилось нелегко. Надо было тянуть газетную поденщину, зарабатывая на жизнь, перебегая из "Гудка" в другую, третью редакцию какого-нибудь профсоюзного или ведомственного журнальчика, благо их развелось в ту пору множество. И к вечеру, освободившись от этой беготни, можно было забраться в свою комнату, примерно такую, как она описана им в "Записках покойника" ("Театральном романе"), комнату Максудова, и там, в этой максудовской комнате, всю ночь писать свой первый роман — "Белую гвардию". Жизнь сразу приобретала высокий смысл: писался роман! Появилась вера в себя, и честолюбивые писательские мечты будоражили воображение. Эту книгу, по его словам, он любил больше других своих вещей. Писал ее воспаленным пером, не остывшим от пережитого. Не потому ли роман этот до сих пор сохраняет живой нерв, живое чувство и, думаю, еще недооценен нашей критикой.

С.А. Ермолинский
с.433-434 (15)

Жил тогда Миша бедно, в темноватой, сырой комнате большого дома на Садовой, со своей первой женой Татьяной Николаевной. По стенам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи. Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, поднимал глаза к небу, воздевал руки, говорил: "когда же это кончится?"... припрятывал "золотые", рекомендовал делать то же. Работал в "Гудке" и проклинал редактора. Читал свой роман о каком-то наркомане и повесть о докторе — что-то очень скучное и растянутое. Ходил ко мне и Стонову чуть не каждый день. Любили мы его слушать — рассказывал он мастерски, зло, остроумно. Тогда же написал и свои "Записки на манжетах" — это было лучше. Вспоминал Кавказ со скрежетом зубовным... Его манера говорить схвачена у меня довольно верно в образе писателя в "Столовой горе"... Булгаков хвалил роман и очевидно вполне искренне относился с симпатией ко мне как писателю и человеку.

Ю.Л. Слезкин
с.38 (6)

М.А. *...В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишенные отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их и сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.*
В берлинской газете "Накануне" в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.
Не при свете свечки, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу "Записки на манжетах". Эту книгу у меня купило берлинское издательство "Накануне", обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.
Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.
Год писал роман "Белая гвардия". Роман этот я люблю больше всех других моих вещей. /Из автобиографии, октябрь 1924 г./

П.С. Попов
с.537 (5)

В 1922 г. умирает мать Булгакова. Это был громадный толчок во внутренней жизни Михаила Афанасьевича. Он задумывает большой роман. Роман писался в Москве в 1923-1924 гг. очень порывисто и стал печататься под заглавием "Белая гвардия" в журнале "Россия" в 1925 г. № 4 и 5. В романе отразилась жизнь Киева, как ее пережил сам автор в годы гражданской войны на Украине.

Ю.Л. Слезкин
с. 126 (6)

Вскоре появилась в Москве сменовеховская газета "Накануне" и открылось ее отделение в Гнездниковском переулке. Мы с Булгаковым начали сотрудничать там, приглашенные туда Дроздовым. Здесь Булгаков развернулся как фельетонист. На него обратили внимание, изд[ательство] "Накануне" купило его "Записки на манжетах", да так и не выпустило. Булгаков стал попивать красное винцо...

Булгаков (...) купил будуарную мебель, заказал брюки почему-то на шелковой подкладке. Об этом он рассказывает всем не без гордости.

М.А. *...Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг "Накануне". Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собою. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь "Накануне", никогда бы не увидали света ни "Записки на манжетах", ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой.*
Но мужества во мне теперь больше, о, гораздо больше, чем в 21-м году. /Из дневника, 26 октября 1923 г./

Э.Л. Миндлин
с.99, (44)

Литературный материал для "Накануне" отправлялся с "Деру-люфтом" в специальных пакетах. В мои обязанности входило не только самому написать очередную статью, очерк или обзор, но и подобрать, подготовить для пересылки один-два рассказа московских писателей, стихи двух-трех поэтов и непременно, непременно — фельетон или рассказ любимца редакции и читателей Михаила Булгакова.

Вот уж не помню, когда и как он впервые появился у нас в редакции. Но помню, что еще прежде, чем пришла газета с его первым напечатанным фельетоном, Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер.

Конторой и бухгалтерией московской редакции в те времена ведал некто С. Н. Калменс, некогда фармацевт, а позднее дипкурьер, ездивший несколько раз в Тегеран и потому считавший себя опытным дипломатом. Этому Калменсу невероятно импонировали светские манеры Булгакова. И так как Михаил Афанасьевич сразу зарекомендовал себя блистательным журналистом, то Калменс, беспощадный ко всем нам, Булгакову не отказывал ни в чем.

...Открылась первая сельскохозяйственная выставка на территории бывшей свалки, там, где сейчас Парк культуры и отдыха имени Горького.

Редакция "Накануне" заказала Булгакову очерк о выставке. Целую неделю Михаил Афанасьевич с редкостной добросовестностью ездил на выставку и проводил там по многу часов. Наконец изучение завершилось, и Булгаков принес заказанный материал. Это бып мастерски написанный, остроумнейший очерк о выставке. В нем говорилось обо всем — и о бывшей свалке, и об архитектуре павильонов, и о поведении публики. Но больше всего внимания автор уделил узбекскому и грузинскому павильонам, а также всевозможным экзотическим национальным блюдам. Я не сомневался в успехе булгаковского очерка в Берлине. И даже то, что Булгаков так много места отвел аппетитному описанию блюд и напитков, было вполне уместно. Ведь эмигрантская печать постоянно писала о голоде в наших национальных республиках.

Материал был отправлен в Берлин, и уже дня через три мы держали в руках газету с очерком Булгакова на самом видном месте.

Наступил день выплаты. Булгаков должен был получить гонорар. Великодушие Калменса не имело границ. Он сам предложил Булгакову возместить все "производственные" расходы: трамвай, входные билеты, "может быть, что-нибудь там еще, Михаил Афанасьевич?".

Счет на "производственные" расходы у Михаила Афанасьевича был уже заготовлен. Но что это был за счет! Расходы на ознакомление с национальными блюдами и напитками различных республик. Побелевший как снег скаредный наш Калменс, задыхаясь, спросил: почему же счет за недельное пиршество на две персоны? Не съедал же Михаил Афанасьевич каждого блюда по две порции?!

Булгаков невозмутимо ответил: — А извольте-с видеть, Семен Николаевич, без дамы я в ресторан не хожу. Как угодно-с, а

производственные расходы покорнейше прошу возместить.

Калменс едва на тот свет не отправился от волнения, Но возместил. Булгакову не посмел отказать.

На Булгакова мы, тогда еще юные, смотрели с этого дня восторженно. Он вообще дивил нас своими поступками.

Как-то появилась моя статья в "Накануне", — редакция напечатала ее двойным подвалом. Когда утром я пришел в редакцию, Булгаков уже дожидался меня в одной из кабин. При моем появлении поднялся и с церемонным поклоном поздравил с "очень удачной", по его мнению, статьей в "Накануне". Потом выяснилось, что я не первый, ради которого он специально приходил в редакцию, чтобы поздравить с удачей.

Сам он печатался в "Накануне" чаще других. Он и Катаев были любимыми авторами читателей "Накануне".

Э.Л. Миндлин
с.99-100 (44)

Первым произведением Михаила Булгакова, которое я прочитал, была его повесть "Роковые яйца", опубликованная в альманахе "Недра" — родоначальнике всех толстых советских журналов.

Повесть мне не просто понравилась — она меня восхитила. Чем? Своим буйным и остроумным озорством гоголевской закваски — вспомним "Нос", "Шинель", некоторые главы "Мертвых душ".

Писатель воспринимал жизнь как фантастику, а фантастику облекал в самые что ни на есть реальные формы и образы.

Я прочитал "Роковые яйца" и понял, что классическая линия русской литературы не прервалась, она продолжается, и вот ее продолжатель — Михаил Булгаков.

Л.С. Ленч
с.377 (15)

Он был для нас фельетонистом, и когда узнали, что он пишет роман, — это воспринималось как какое-то чудачество... Его дело было сатирические фельетоны... Помню, как он читал нам "Белую гвардию" — это не произвело впечатления... Мне это казалось на уровне Потапенки. И что это за выдуманные фамилии — Турбины!

В.П. Катаев
с.304 (69)

Тогда у нас собирался литературный кружок "Зеленая лампа" — организаторами его были я и Ауслендер, вернувшийся из Сибири. Ввел туда я и Булгакова. Он читал там свои рассказы "Роковые яйца" и "Собачье сердце". Последний так и не увидел свет — был запрещен. А рассказ хорош, но с большой примесью яда. Булгаков точно вырос в один-два месяца. Точно другой человек писал роман о наркомане. Появился свой язык, своя манера, свой стиль. Портрет Булгакова тех дней очень верно написан Вал[ентином] Катаевым в его рассказе "Зимой". Катаев был влюблен в сестру Булгакова (Леля, Елена — *сост.*), хотел на ней жениться — Миша возмущался. "Нужно иметь средства, чтобы жениться", — говорил он.

Вскоре он прочел нам первые главы своего романа "Белая гвардия". Я его от души поздравил и поцеловал — меня увлекла эта вещь, и я радовался за ее автора.

Ю.Л. Слезкин
с.131 (6)

Прошло еще около года, — Булгаков закончил роман „Белая гвардия" о политическом разброде среди сил контрреволюции и почти одновременно создал на том же материале с теми же действующими лицами пьесу „Дни Турбиных"...

Московский Художественный театр принял к постановке "Дни Турбиных".

И вот он, — автор пьесы, наш товарищ, Булгаков, работает вместе с нами, в одной с нами комнате. Он сидит за столом сразу при входе справа. Вот он раскрыл папку, — обыкновенную картонную папку с надписью "М. Булгакову", — в ней свежие, только сегодня доставленные почтой, рабкоровские корреспонденции.

А.И. Эрлих
с.66-67 (76)

М.А. *...Сегодня в "Гудке" в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу. "Это надругательство надо мной и над физиологией" /Из дневника, 5 января 1925 г./*

Он был старше нас всех — его товарищей по газете, — и мы его воспринимали почти как старика. По характеру своему Булгаков был хороший семьянин. А мы были богемой. Он умел хорошо и организованно работать. В определенные часы он садился за стол и писал свои вещи, которые потом прославились. Нас он подкармливал, но не унижая, а придавал этому характер милой шалости. Он нас затаскивал к себе и говорил: "Ну, конечно, вы уже давно обедали, индейку, наверное, кушали, но, может быть, вы все-таки что-нибудь съедите?"

У Булгаковых всегда были щи хорошие, которые его милая жена нам наливала по полной тарелке, и мы с Олешей с удовольствием ели эти щи, и тут же, конечно, начинался пир остроумия. Олеша и Булгаков перекрывали друг друга фантазией. Тут же Булгаков иногда читал нам свои вещи — уже не фельетоны, а отрывки из романа. Помню, как в один прекрасный день он сказал нам: "Знаете что, товарищи, я пишу роман, и если вы не возражаете, прочту несколь-

ко страничек", И он прочитал нам несколько отрывков очень хорошо написанного, живого, яркого произведения, которое потом постепенно превратилось в роман "Белая гвардия". Из этого романа Художественный театр с автором сделал пьесу, много десятилетий считавшуюся шедевром актерского исполнения, режиссерской работы и которую страшно любила публика.

В.П. Катаев с.124 (15)

В 1962 г. Н.А. записывает: "Татьяна Николаевна пережила с М.А. все трудности вступления в самостоятельную жизнь, годы первой империалистической войны (работа в Красном Кресте), затем скитания, жизнь в с. Никольском (в 40 км от г. Сычевки Смоленской губернии) и Вязьме, переезды, материальные недостатки, каторжную работу в начале литературной деятельности..." М.А. высоко оценивал помощь жены. В письме к матери от 17 ноября 1921 г. из Москвы в Киев он пишет: "Таськина помощь для меня не поддается учету..."

Михаил Афанасьевич и Татьяна Николаевна прожили вместе одиннадцать лет — до 1924 г.

Н.А. Булгакова-Земская с.80 (15)

Жена синеглазого Татьяна Николаевна была добрая женщина и нами воспринималась если не как мама, то, во всяком случае, как тетя. Она деликатно и незаметно подкармливала в трудные минуты нас, друзей ее мужа, безалаберных холостяков...

Не могу не вспомнить с благодарностью и нежностью милую Татьяну Николаевну, ее наваристый борщ, крепкий чай внакладку из семейного самовара, который мне выпадало счастье ставить в холодной, запущенной кухне вместе с приехавшей на зимние каникулы из Киева к своему старшему брату молоденькой курсисткой, кото-

рая, как и ее брат, тоже была синеглазой, синеглазкой.

Мы вместе, путаясь холодными руками, засовывали пучок пылающих лучин в самовар: из наставленной трубы валил зеленый дым, вызывавший у нас веселые слезы, а сквозняк нес по ногам из-под кухонной двери. Голая лампочка слабого накала свисала с темного потолка не ремонтировавшейся со времен первой мировой войны квартиры в доме "Эльпит-рабкоммуна".

У синеглазого был настоящий большой письменный стол, как полагается у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажные закладки.

Синеглазый немножко играл роль известного русского писателя, даже, может быть, классика, и дома ходил в полосатой байковой пижаме, стянутой сзади резинкой, что не скрывало его стройной фигуры, и, конечно, в растоптанных шлепанцах.

На стене перед столом были наклеены разные курьезы из иллюстрированных журналов, ругательные рецензии, а также заголовок газеты "Накануне" с переставленными буквами, так что получалось не "Накануне", а "Нуненака".

В.П. Катаев с.223-224 (30)

А как Булгаков относился к славе? Рвался к ней или просто писал себе и писал...

Очень даже рвался... Очень рвался. Он все рассчитывал, и со мной из-за этого разошелся. У меня же ничего не было больше. Я была пуста совершенно. А Белозерская приехала из-за границы, хорошо была одета, и вообще у нее что-то было, и знакомства его интересовали, и ее рассказы о Париже... Толстой так похлопывал его по пле-

Т.Н. Кисельгоф с.102 (51)

чу и говорил: "Жен менять надо, батенька. Жен менять надо". Чтобы быть писателем, надо три раза жениться, говорил.

...На Новый год гадали, воск топили и в мисочку такую выливали. Мне ничего не вышло — пустышка, а ему все кольца выходили. Я даже расстроилась, пришла домой, плакала, говорю: "Вот увидишь, мы разойдемся". А он: "Ну что ты в эту ерунду веришь!" А он тогда уже за этой Белозерской бегал. Она была замужем за Василевским и разошлась. И вот Михаил: "У нас большая комната, нельзя ли ей у нас переночевать?" — "Нет,— говорю,— нельзя". Он все жалел ее: "У нее сейчас такое положение, хоть травись". Вот и пожалел. В апреле, в 24-м году, говорит: "Давай разведемся, мне так удобнее будет, потому что по делам приходится с женщинами встречаться..." И всегда он это скрывал. Я ему раз высказала. Он говорит: "Чтобы ты не ревновала". Я не отрицаю — я ревнивая, но на это есть основания. Он говорит, что он писатель и ему нужно вдохновение, а я должна на все смотреть сквозь пальцы. Так что и скандалы получались, и по физиономии я ему раз свистнула. И мы развелись.

Т.Н. Кисельгоф с.107-108 (51)

После развода и переезда Михаил стал подыскивать где-нибудь помещение для жилья, потому что часто приходила Белозерская, ей даже пытались звонить по нашему телефону, и я запротестовала. Какое-то время он жил с ней у Нади на Большой Никитской. Она там по объявлению взяла заведывание школой, и там они с месяц жили. Потом там, наверно, нельзя было уже, и он вернулся в квартиру 34. А в ноябре уже совсем уехал. Приехал на подводе, взял только книги и теткины тоже... ну, какие-то там мелочи еще. Я ему

помогала все уложить, вниз относить, а потом он попросил у меня золотую браслетку. Но я не дала ему. Жена Артура Манасевича все удивлялась, что я ему помогаю и никакого скандала нет. Вот так мы и разъехались. Куда он поехал, где жил — ни звука мне не сказал, и я у него не спрашивала.

Т.Н. Кисельгоф с.110 (51)

Булгаков присылал мне деньги или сам приносил. Он довольно часто заходил. Однажды принес "Белую гвардию", когда напечатали. И вдруг я вижу — там посвящение Белозерской. Так я ему бросила эту книгу обратно. Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвятит... Он же когда писал, то даже знаком с ней не был. Часто с женщиной какой-нибудь заходил, так уже, по-дружески. Однажды пришел с Ларисой, женой генерала Гаврилова из Владикавказа, на "Дни Турбиных" ее водил. Но мне билет ни разу не предложил. Ну, хоть бы раз! Ведь знал, что билеты не достанешь...

Т.Н. Кисельгоф с.111 (51)

Татьяна Николаевна Лаппа знала о его болезни. "Н.Архипов сказал мне зимой 1939 года: "Тася, позвоните Булгакову — он ослеп". А я не стала".

Перед смертью Булгаков послал за ней свою младшую сестру. "Леля пришла за мной, ей сказали, что я здесь не живу — "Позвоните Крешковой". И Вера Федоровна ей сказала: "Она в Черемхове". Это под Иркутском, в ста километрах, — там мы жили с Крешковым. Пришла газета и Крешков сказал: "Твой Булгаков умер".

М.О. Чудакова с. 670 (69)

Без сомнения, он понимал, что с ним происходит, и готовился к последним физическим страданиям. Это подтверждалось и тем, что,

когда мозг его был еще светел, он вызвал свою любимую младшую сестру Лелю (Елену Афанасьевну, по мужу Светлаеву) и шепнул ей, чтобы она разыскала и попросила заехать к нему Татьяну Николаевну Лаппа. Это была его первая жена, с которой он разошелся давно, в 1925 году, уйдя к Л. Е. Белозерской.

Через несколько дней Леля сообщила ему, что Татьяны Николаевны в Москве нет, она, по-видимому, давно уехала и где живет — неизвестно. Зрение у него ухудшалось с каждым днем, и слушал он Лелю напряженно. Он знал, что где-то рядом стоит Лена, и невидящий взгляд его был виноватый, извиняющийся, выражал муку.

Лена спросила его с печальной укоризной:

— Миша, почему ты не сказал мне, что хочешь повидать ее?

Он ничего не ответил. Отвернулся к стене.

Должен сказать, что я не только никогда не видел Татьяну Николаевну, но и до сих пор очень мало знаю о ней. На мои расспросы Булгаков всегда отвечал коротко, даже как-то сердито, с недовольством, уходил от разговора. Естественно, пришлось молчать.

С.А. Ермолинский с.174-175 (25)

...В 1940 году я должна была поехать в Москву в марте, но установилась ужасная погода, решила ехать в апреле. И вдруг мне Крешков газету показывает — Булгаков скончался. Приехала, пришла к Леле. Она мне все рассказала, и что он меня звал перед смертью... Конечно, я пришла бы. Страшно переживала тогда. На могилу сходила. Потом мы собрались у Лели. Надя, Вера была, Варя приехала. Елены Сергеевны не было. У нее с Надей какие-то трения происходили. Посидели, помянули. В стороне там маска его посмертная лежала, совершенно на него не похожа... Вот и все.

Т.Н. Кисельгоф с.113 (51)

У восьмидесятитрехлетней Татьяны Николаевны — уже не Лаппа и не Булгаковой, а Кисельгоф — я побывала в апреле 1975 года и была первым исследователем, которому удалось ее разговорить. Это было трудно. Это было очень трудно. Но у нас были два полных дня — от поезда, который привез меня ранним утром в Туапсе, и до того позднего, вечернего, которым я уехала на следующий день.

Незадолго перед тем Т.Н. овдовела, была очень одинока и, пожалуй, в глубине души ей хотелось, чтобы я разговорила ее. А я не торопила. Мы пили чай, гуляли по набережной, посидели в ресторане, посплетничали об общих знакомых (время смешалось, и Юрий Олеша, с которым я и виделась-то раз в жизни, и Илья Ильф, которого я не видела никогда, уже казались нам совсем по-домашнему общими знакомыми). Напряжение медленно сходило с нее... И был момент, о котором я расскажу сейчас впервые.

Она сидела на своей тахте у стены. В маленькой, наполненной весенним светом однокомнатной квартире (маленькая, но отдельная квартира — мечта старости в советской России) это было ее спальное ложе, на день покрытое старым, красноватых тонов, уже поблекшим, но все еще тяжелым ковром. И горестно рассказывала, как в 1918 году она и Булгаков оставили свои вещи в Москве, у "дядьки" Николая Михайловича Покровского, а когда в 1921-м вернулись, оказалось, что "дядька" небрежно свалил узлы на чердаке и все погибло от сырости и от моли... Погибли одеяла с толстым ворсом... и две роскошные лисьи шкуры — ее отец, заядлый охотник, сам подстрелил этих двух лис... и старинные, прекрасные ковры, подаренные ей отцом... И только один ковер — Т.Н. всплескивала руками, радуясь, что догадалась тогда пересыпать его таба-

ком, — вот этот самый, покрывавший потом ее и Булгакова постель...

И вдруг с бессознательной нежностью, этим нечаянным движением женщины, гибким, поэтическим, непредсказуемым, провела ладонью... не по ковру, а чуть-чуть над ковром, по какому-то, ей одной видимому, свечению над ковром... И я, обомлев, поняла — нет, не поняла, увидела! — что она и теперь любит... что она всегда любила его, самоотверженно и страстно, от тех юных — не девичьих, девчоночьих — лет до нынешней восьмидесятитрехлетней старости... его, одного-единственного, и два ее последующих брака не имеют никакого значения... Любит, и поэтому — не просите! — никогда не простит. Любит, и поэтому же давно и всё простила...

И как-то сразу по-другому увидела ее решительные, суровые и сумрачные глаза. Это сейчас суровые и сумрачные, а тогда, в юности, прекрасные, сумрачно-синие и решительные... И дерзкие скулы, запечатленные на старой фотокарточке... Увидела, что спина ее и сейчас пряма и что тогда она, должно быть, была длинноногой и очень стройной... "Маргарита? — тихо ахнуло во мне. — Неужели она была его подлинной Маргаритой?"

И почти тут же, с беспощадной ясностью: нет! она не была Маргаритой. Она любила его, но не его творчество. Была равнодушна к его сочинениям. И всю жизнь жалела о том, что он оставил так успешно начатую карьеру врача.

Л.М. Яновская
с.278-279 (78)

Они разошлись после двенадцатилетней совместной жизни, и самое мучительное было то, что произошло это, когда все самое трудное, казалось, было уже позади, дела его пошли в гору.

Совершался первый волшебный взлет Булгакова! Его имя стано-

вилось популярным. И уже возникали шумные "Дни Турбиных". Молодой автор был в легком угаре от успеха. Москва времен нэпа распахнула перед ним все свои мнимые соблазны. Даже рулетку в казино на Триумфальной, где вертелось коварное колесо счастья! И все это доступно — после стольких лет тягостных будней!.. Но не это главное. Другое, гораздо более важное, околдовало его — то, что Герцен назвал "кружением сердца", когда отступает разум, умолкает совесть и не хочется оглядываться назад. В таких случаях не очень я верю в "объяснения", и все-таки можно было найти бережные, прямодушные слова, обращаясь к близкому человеку, с которым было так много пережито. Не можно было — надо было! И еще это "посвящение"! Подведена черта. Конец. На Большой Садовой номер журнала с посвящением выброшен в коридор...

Мой бедный Миша! Он как-то лишь мельком обмолвился об этом, уклоняясь от дальнейших расспросов о Татьяне Николаевне. Но я убежден, она продолжала жить в нем потаенно — где-то в глубине, на дне его совести — и как ушедшая первая любовь, очищенная в воспоминаниях, и как укор, который в предсмертные дни не мог не обостриться. Поэтому он и попросил Лелю найти ее (Тасю, как назвал он ее, как называл раньше). Он ждал ее, мучаясь и стыдясь, плохо скрывая это от нас.

Не знаю, пришла бы она, если бы была в эти дни в Москве? Она исчезла из его жизни незаметно и никогда, ни единым словом не напоминала о себе. Он так и не узнал, где она и что с ней.

С.А. Ермолинский
с.179-180 (25)

Вспоминая свою последующую жизнь, Татьяна Николаевна упоминала и о Булгакове — без гнева. — "...Он любил одеваться... ку-

пил потом себе лакированные ботинки, светлое пальто, цепочку... когда он заходил ко мне, соседка, которой я оставляла ключ, говорила: "Заходил Булгаков — собран очень хорошо: в пальто, при цепочке". У него уже после меня были карманные часы. ... Один раз мне Любовь Евгеньевна принесла деньги. "Вот Вам письмо от Михаила. Извините меня!.." Как-то он пришел и говорит: “Я не могу тебе сейчас дать денег, потому что дал 120 рублей Любе на аборт. Он совсем со мной не считался...”.

Без всякой аффектации Татьяна Николаевна рассказывала, как зарабатывала себе профсоюзный билет — без него нельзя было получить никакой службы. "В 1926 или 1927 году я вставала в 6 утра, ехала на трамвае "А" куда-то на Птичий рынок и там таскала камни на носилках — до зимы. Потом меня перебросили мыть полы после известки. А я не могу. И я наняла женщину, чтоб она мыла! Наконец догадались меня поставить на выдачу инструментов. Но женщины мне говорили:

— Ты не наша — ты не так пахнешь!

А я вся была пропахшая "Красной Москвой". ("Без пудры и духов я не могу", — говорила она и спустя полвека, в 1977 г. И в 88 лет ее интересовало, как она выглядит. Это было совсем другое, чем фабрика красоты, сопровождавшая всю жизнь Елену Сергеевну Булгакову; то был скромный, но неотменяемый набор женских привычек саратовской гимназистки; молодой веселой жительницы предреволюционного Киева; пребывающей в унынии, часто плачущей жены врача в глухом российском углу; актрисы-статистки во Владикавказе; одинокой и несчастной женщины, которую поздним летом 1921 г. сажает через окно в битком набитый поезд в Одессе незнаковый молодой человек — и оставляет себе ее багаж... И снова — мужней жены, "быстрой дамочки" дома на Большой Садовой, всегда бегущей на каблучках...)

...И добилась, наконец, профсоюзного билета — месяца три так работала и тогда поступила в Марьино-рощинскую амбулаторию — регистраторшей... А потом в поликлинику при Белорусско-Балтийской железной дороге — в справочном и регистраторшей...

(Никакой специальности у нее не было — "Булгаков ничего не давал делать. Я играла на пианино — "Ни к черту твоя музыка! Не надо этого совсем". Он считал — еще в Киеве говорил, — что жена ничем не должна заниматься — только быть при муже"). *М.О. Чудакова с. 661-662 (69)*

Ее обида была горше обыкновенной женской обиды, а гордость — выше всякого тщеславия. Впоследствии, когда возник шум вокруг его имени, он словно не коснулся ее. И о ней, о Т. Н. Лаппа, ровным счетом ничего не было известно. Лишь в начале 80-х годов я узнал, что она живет в Туапсе, у нее другая фамилия — Киссельгоф, она овдовела, живет одна, получает крохотную пенсию, ей 90 лет. Я написал ей письмо. В этом письме я рассказал о ее совместной жизни с Булгаковым так, как я ее "вычислил" — все двенадцать лет. Упомянул, что Миша мало и неохотно рассказывал о ней. Не забыл и о злосчастном посвящении "Белой гвардии" и, конечно же, написал о Леле, которую умирающий Миша просил во что бы то ни стало найти ее. Словом, я приложил к письму все, что было написано о ней в "Записках о Булгакове", включенных в готовящийся к печати мой однотомник. Я просил Татьяну Николаевну не стесняясь вычеркивать, что ей не нравится или покажется бестактным.

Она тотчас ответила мне. Письмо датировано 25-м июня 1981 года. Оно написано твердым, аккуратным почерком на листке бумаги в школьную клеточку.

"Уважаемый Сергей Александрович, — писала она, — спасибо за столь теплое письмо. Конечно, факты, изложенные Вами в письме, все верны. О том, что Миша хотел меня видеть, я знаю. Почему он обо мне мало рассказывал? Ясно почему. Вы поразительно и без моих объяснений догадались. Я у него была первая сильная и настоящая любовь (на склоне лет уже можно обо всем сказать). Нас с ним связывала удивительная юность. Но почему Вы столько лет не заинтересовались моей скромной личностью и только сейчас написали мне такое письмо? Может быть, если бы я такое послание получила раньше, я бы могла Вам многое рассказать. Теперь поздно. Посылаю Вам свое фото (такой я была в первые годы совместной, жизни с Мих. Аф.). Еще раз спасибо за письмо. С уважением — Т. Киссельгоф.

P. S. Ничего бестактного Вы не написали, так что напрасно беспокоитесь".

Затем я получил от нее еще два коротеньких письма. К одному из них была приложена фотография, на которой была изображена не молоденькая провинциальная девушка, а строгая, спокойная, красивая старуха. Повидать мне ее так и не удалось. Она умерла летом 1982 года.

С.А. Ермолинский
с.180-182 (25)

Татьяна Николаевна Кисельгоф говорила о Булгакове (мне и другим исследователям, побывавшим у нее позже): "Я была глиной в его руках". Но она ошибалась: терпеливая, преданная и — неподатливая, она не могла быть глиной ни в чьих руках.

Л.М. Яновская
с.281 (78)

Театральный роман

Булгаков не случайно стал одним из крупнейших драматургов. В этом в какой-то степени повинен тот же Киев — город театральных увлечений.

В Киеве была хорошая опера, украинский театр со знаменитой Заньковецкой и драматический русский театр Соловцова — любимый театр молодежи...

...В те времена в Соловецком театре играли такие актеры, как Кузнецов, Полевицкая, Радин, Юренева. Репертуар был разнообразным — от “Горя от ума” до “Ревности” Арцыбашева и от “Дворянского гнезда” до “Мадам Сан-Жен”. После тяжелых драм обязательно шел водевиль, чтобы рассеять у зрителей тяжелое настроение. В антрактах играл оркестр.

Я встречал Булгакова в Соловцовском театре. Зрительный зал был затянут сероватой дымкой. Сквозь нее поблескивали золоченые орнаменты и синел бархат кресел. Дымка эта была обыкновенной театральной пылью, но нам она казалась какой-то таинственной сверкающей эманацией волшебного театрального искусства.

Самый воздух театра действовал на нас опьяняюще...

К.Г. Паустовский
с.96-98 (15)

Увлечение театром было одно из главных в жизни семьи и Миши — гимназиста и студента.

Е.А. Земская
с.61 (15)

Студентом М. А. участвовал в любительских платных спектаклях, которые ставились в дачном поселке Буча летом 1910 г., под фамилией Агарина. Он исполнял роли: начальника станции — в комедии "На рельсах", дядюшки молоденов в комедии Григорьева "Разлука та же наука", Арлекина — в одноактной пьесе "Коломбина"

("роль первого любовника — не его амплуа", — замечает впоследствии Н. А.). Вот как пишет об этом Н. А. к двоюродной сестре Иларии Михайловне Булгаковой (1891-1982) (Лиле): "В Бучанском парке подвизаются на подмостках артисты императорских театров Агарин и Неверова (Миша и Вера) под режиссерством Жоржа Семенцова... [друг семьи] ...В воскресенье вечером мы были в парке, где Миша удивлял всех игрою (играл он действительно хорошо)" (13 июля 1910). И на следующий день запись в дневнике: "Миша великолепно играл 11-го" (14 июля 1910).

Е.А. Земская с.62 (15)

Михаил решил пойти устроиться на работу. Пошел в подотдел искусств, где Слезкин заведовал. То ли по объявлению он туда пошел, то ли еще как... Вот тут они и познакомились. Михаил сказал, что он профессиональный журналист, и его взяли на работу. Вообще, Слезкин много в подотдел внес. Через Владикавказ ведь масса народу ехала, много артистов, музыкантов... Он организовал всех, театр заработал, там хорошие спектакли шли: "Горе от ума", Островского вещи... концерты стали давать, потом опера неплохая была, да в таком небольшом городке.

Т.Н. Кисельгоф с.81 (51)

...Я стала работать в уголовном розыске, в конторе. Надо было письма записывать. Я там все перепутала. "Когда же вы научитесь?" Все запутала. Потом Слезкин узнал, говорит Михаилу: "Ты что? Давай ее в театр!" Предложили мне работать статисткой. Все время надо было в театре торчать. С утра репетиции, вечером спектакли. А потом так привыкла, что не могла уже жить без театра. Уроки танцев брала у... Деляр там такая была. Раз надо было на сцене "барыню" станцевать — я так волновалась! Но станцевала. В афишах у меня был псевдоним Михайлова.

Т.Н. Кисельгоф с.81 (51)

Организовался русский театр. Слезкин предложил Булгакову делать вступительное слово перед спектаклями. А я служила там статисткой. Театр денег не платил — только выдавали постное масло и огурцы... Подотдел ему тоже не платил... Только за пьесы платили... Когда "Братья Турбины" поставили — на банкет все деньги ушли... Жили на мою золотую цепь — отрубали по куску и продавали...

Летом 1921 года театр закрылся, артисты разъехались, подотдел искусств расформировался — Слезкин, который им руководил, уехал в Москву. И делать было нечего. Михаил поехал в Тифлис...

Т.Н. Кисельгоф с.120 (15)

В советском Владикавказе появился полунищий бродяжка-литератор. Он предложил свои услуги в редакции "Известий ревкома гор. Владикавказа". Ему сказали, что газеты, собственно, еще нет, издается всего лишь листок, и предложили обратиться в подотдел искусств Наробраза. Там его тотчас назначили заведующим литературной частью. ЛИТО, ИЗО, МУЗО, целое ведомство, расположившееся в помещении бывшего коммерческого клуба. Его еще пошатывало после недавно перенесенного тифа, но он уже действовал. В архивах сохранились протоколы с упоминанием его имени. Он организовывал лекции, театрализованные суды, литературные диспуты, на которые почему-то валом валил разношерстный народ.

Рассказывая об этом сумбурном времени, он с иронией вспоминал о своих первых драматургических опытах. Несколько написанных им агитационных пьес было поставлено во Владикавказском театре.

"Вполне достаточно, чтобы завязнуть и уже не выбраться никогда", — говорил он.

Пьес этих у него не сохранилось, и он вспоминал о них с кислой миной, как о предмете, раз и навсегда отбившем у него вкус к подобного рода сочинительству.

С.А. Ермолинский
с.432 (15)

Романом заинтересовываются руководители Художественного театра; в апреле 1925 года МХАТ обратился к автору с предложением инсценировать роман. Внешний толчок совпал с интимным желанием Михаила Афанасьевича: он мечтал написать драму об Алексее Турбине. Еще 2 июня 1921 года из Тифлиса он писал: "Турбиных переделываю в большую драму". Поэтому к предложению МХАТа Булгаков отнесся со всею серьезностью и дал глубокую творческую переработку сцен романа, значительно видоизменив образ героя. Вскоре после постановки пьесы Булгаков так отозвался на вопрос о предпочтении повествовательной или драматической формы: "Тут нет разницы, обе формы связаны так же, как левая и правая рука пианиста"... В первый раз пьеса, которой автор дал название "Дни Турбиных", была сыграна на сцене Художественного театра 5 октября 1926 года

П.С. Попов
с.537-538 (5)

Появление Булгакова в Художественном театре — это тоже некая комическая новелла из эпохи нашей работы в “Гудке”.

Представьте себе редакцию газеты — большую накуренную комнату, в которой 5, 6 или 10 небритых молодых людей, пишущих заметки, фельетоны, обрабатывающих письма с мест.

И вообразите себе, что вдруг выясняется, что один из них давно

написал пьесу, и она принята и пойдет в МХАТе, в лучшем театре мира. Страшно взбудоражен был весь “Гудок”. Булгаков стал ходить в хорошем костюме и в галстуке. Но вдруг оказалось, что через некоторое время появляется пьеса другого гудковца, потом появляется пьеса третья, тоже гудковца — мои “Растратчики” и “Три толстяка” Олеши...

Это было очень смешно и странно, что почему-то из железнодорожной газеты вышли авторы Художественного театра. Даже Станиславский был дезориентирован. И когда его спросили, работает ли театр с рабочими авторами, он не без гордости ответил: “Как же, как же, разве вы не знаете, что у нас идет пьеса железнодорожника Булгакова и готовятся еще две пьесы железнодорожников”.

Пьеса в первом варианте, которую Булгаков нам читал, была не той пьесой, которую потом увидели зрители в МХАТе. Это была пьеса и романтическая, и сатирическая, многокартинная. Там было много ярких сценических образов, которые выпали. Тогда Художественный театр стремился к простоте, к камерности, и он немного по-другому транспонировал пьесу Булгакова...

“Дни Турбиных” были громадной победой Булгакова. И Булгаков из прозаика превратился на некоторое время в знаменитого драматурга.

В.П. Катаев
с.124-126 (15)

"Дни Турбиных" имели шумный и устойчивый успех. Залог этого успеха лежал в жизненности и глубокой человечности главных действующих лиц: их судьбу Булгаков внутренне пережил и выстрадал. Превосходное исполнение пьесы группой молодых артистов, впервые получивших ответственные роли в пьесе Булгакова, составило эру в жизни театра и выдвинуло новые кадры первоклассных

актеров для всех последующих постановок в театре. Немалое значение для театра имела мастерская техника молодого драматурга: Булгаков сразу почувствовал актера на сцене и неизменно во всех последующих своих пьесах давал чрезвычайно выигрышный материал для исполнителей. Режиссерская и актерская работа увлекла писателя. Он принимал самое деятельное участие в режиссуре, мог показать и сыграть любую роль и пробовал собственные силы на сцене: так, он выступил в роли судьи в инсценировке "Пиквикского клуба" Диккенса.

"Дни Турбиных" прочно вошли в репертуар театра. За четырнадцать лет пьеса прошла 900 раз; с большим успехом она исполнялась также во время гастрольных поездок Художественного театра в Ленинграде, Киеве и Горьком. Ставилась она и за границей: в Париже, Риге, Нью-Хевене (США).

П.С. Попов
с.538 (5)

Мы наблюдаем за ним исподволь, присматриваемся к нему ласково, с надеждой и гордостью: мало ли что было прежде, а теперь — пьеса в Художественном театре!.. До тех пор из русских авторов удостаивались этой высокой чести только Чехов и Горький. А теперь репетируют пьесу нашего товарища, "гудковца" Булгакова. Рано поредевшие светлые волосы его тщательно приглажены, должно быть по утрам он долго их обрабатывает крепкой щеткой и туалетной водой. Галстук бабочкой. Парадный черный пиджак, брюки в полоску. Конечно, и сегодня прямо из редакции он отправится в театр на репетицию!..

А.И. Эрлих
с.67-68 (76)

Булгаков читал нам инсценировку романа "Белая гвардия", которая потом получила название "Дни Турбиных". Тогда пьеса была гораздо больше размером, громоздкой и композиционно несколько неуклюжей. Действие происходило на двух этажах, в двух разных квартирах, Персонажи соединялись, разъединялись, опять соединялись, и это создавало калейдоскопическую суматоху. Но роли были выписаны великолепно! Целая галерея образов киевлян, нам, москвичам, малоизвестных. Тем не менее Булгаков сумел двумя-тремя точными репликами, я бы даже сказал — интонациями, ввести нас в атмосферу этого дома, этого красавца города, поэтичного, героичного, святоши и забияки.

Да, дебют киевлянина Михаила Булгакова на московской сцене вышел блестящим. Предполагали ли мы это тогда, в комнате Липскерова, слушая первую редакцию пьесы? Булгаков, прощаясь с нами, выслушивая отрывистые похвалы, кое-какие замечания, улыбался гораздо увереннее. Он уже не дергался, не ежился, а из его светло-серых глаз струился теплый, мягкий и спокойный свет.

А.М. Файко
с. 348 (15)

К театру он относился страстно, со всем темпераментом искреннего, боевого и глубокого художника. Булгаков не просто писал роли — он до конца, исчерпывающе "проживал" образ. Каждую роль Булгаков мог сыграть и показать. Не удивительно, что он мечтал быть режиссером или актером. Но режиссерские или актерские качества Булгакова были иными, чем требовала сцена. Он был режиссером и актером *своих* произведений, хотя его фантазия вообще была неисчерпаема. Все встречавшиеся с ним знают, как он блестяще умел рассказывать, как несколькими словами воссоздавал образ человека, как метки и закончены были его определения людей. Действующие лица его пьес были для него совершенно конкретными,

физически осязаемыми людьми, существование которых простиралось за рамки сцены или за пределы страниц рукописи. Он знал все их привычки, желания, симпатии. Он мог подробно рассказать биографию каждого своего героя — что он любит, что ненавидит, в чем заключается его юмор. За пределами пьесы всегда существовал неисчерпаемый багаж того, что Булгаков оставлял как бы за занавесом, но что он разбросал отдельными намеками на страницах произведений, что скрывалось в самом ритме фразы. Пьесы его являлись как бы сгустком жизни, куском, вырванным из жизненного потока, и за этим куском мы узнавали прошлое и предчувствовали будущее.

Работа с ним была полна творческих споров и волнений. Для того, чтобы побудить Булгакова изменить какое-либо место в пьесе, мало было авторитета режиссеров или желания актеров. Для этого нужно было — даже если речь шла о внешне незначительном куске — прожить, подобно Булгакову, всю линию роли и почувствовать вместе с ним атмосферу сцены или характер переживания героев. Булгаков нелегко сдавался. Каждое слово было им написано потому, что так было внутренне необходимо созданному им образу. И изменить отдельные детали он мог, только окончательно поверив в необходимость этого изменения. Эта его принципиальность, страстность как художника сливались с горячей заинтересованностью темой пьесы, судьбой театра, воплощением на сцене замысленных им образов. Поэтому-то Булгаков всегда оказывал огромную помощь и актеру и режиссеру.

П.А. Марков
с.349-350 (41)

Вспоминая свою работу с Булгаковым, мы всегда думаем об этом времени, как об одном из прекрасных периодов дружбы Художественного театра с драматургом. Дружба Булгакова с Художественным театром была страстной и полной сложнейших переживаний. Сколько здесь было разрывов и уходов! И сколько все-таки в самом основном было принципиального, твердого отношения к искусству со стороны и Булгакова и театра. Булгакова никогда нельзя было заставить отказаться от того, во что он верил глубочайше и до конца. А он до конца и глубочайше верил в искусство и в то искусство, которое есть Художественный театр.

П.А. Марков
с.355 (41)

Все участники были буквально "влюблены" в пьесу и в свои роли. Работа шла с воодушевлением и очень дружно. Она была особенно дорога еще и потому, что это была первая самостоятельная работа молодой, обновленной в 1924 году труппы Художественного театра. Режиссером стал И.Я.Судаков. Центральные роли играли Соколова, Хмелев, Кудрявцев, Яншин, Добронравов, Вербицкий. Я получил роль Студзинского. Предполагалось, что из "стариков" будут заняты только В. Качалов в роли гетмана, Вишневский в роли немецкого майора фон Шратта и М.Тарханов в роли соседа Турбиных — обывателя Василисы. По ходу работы первые две роли окончательно перешли к Ершову и Станицыну, а третья была вычеркнута совсем.

На репетициях мы прежде всего удивлялись тому, что дельные советы, верные и тонкие замечания Булгакова были скорее замечаниями профессионального режиссера, а не автора.

Он умел выслушивать внимательно, благожелательно, без всякой "фанаберии". Тщательно обдумывал все советы по поводу отдельных кусков текста или толкования каких-нибудь сцен. Бывали споры,

Е.В. Калужский
с.244-245 (15)

расхождения во мнениях, но обычно брал верх никогда не покидавший Булгакова здравый смысл.

...Работа над пьесой "Дни Турбиных" шла своим чередом. Этот период в жизни Михаила Афанасьевича можно назвать зарей его общения с Художественным театром. И конечно, нельзя было предвидеть, что через какие-нибудь десять лет светлый роман с театром превратится в "Театральный роман". Был М. А. в то время упоен театром. И если Глинка говорил: "Музыка — душа моя!", то Булгаков мог сказать: "Театр — душа моя!"

Л.Е. Белозерская
с.119 (4)

Участниками спектакля "Дни Турбиных", начиная с центральных ролей и кончая народными сценами, стали актеры нового поколения мхатовцев.

С этого момента М. А. Булгаков становится нашим близким другом и товарищем по работе, он не пропускает почти ни одной репетиции. Редко можно встретить драматурга, который бы так полно, во всех мельчайших подробностях, увлекательно раскрывал перед нами созданные им человеческие характеры. Невозможно забыть его подсказ талантливой В.С.Соколовой, исполнительнице роли Елены Тальберг. Елена узнает, что ее брат Алексей Турбин убит, — Михаил Афанасьевич посоветовал этот кусок в сцене сыграть так: Елена услыхала о смерти брата, она начинает метаться из угла в угол, прижав пальцы рук к вискам и тихо и монотонно, как заученный урок, повторяя слова: "Алешу убили... Алешу убили..." Этот подсказ был снайперский, он попадал зрителю в самое сердце и, что называется, хватал за горло.

М.И. Прудкин
с.266 (15)

Пьеса сама по себе ничем бы не выделялась из ряда современных пьес и при нормальном к ней отношении прошла бы как обычная премьера. Но кому-то понадобилось, чтобы о ней заговорили на заводах, по окраинам, в самой гуще, и вот результат: билета на эту пьесу не достать. Неспроста молчали несколько дней после премьеры, а потом сразу начали такую бомбардировку, что заинтересовали всю Москву. Мало того, начали дискуссию в Доме печати, а отчет напечатали по всем газетам. Одним словом, все проведено так организованно, что не подточишь и булавки, а все это — вода на мельницу автора и МХАТа.

Сам Булгаков получает теперь с каждого представления 180 руб. (проценты), вторая его пьеса (“Зойкина квартира”) усиленным темпом готовится в студии им.Вахтангова, а третья (“Багровый остров”) уже начинает анонсироваться Камерным театром...

...Единогласное мнение лиц, бывших на пьесе, таково, что сама пьеса ничего особенного собою не представляет ни в чисто художественном, ни в политическом отношениях, и даже, будь она поставлена в каком-нибудь другом театре, на нее не обратили бы никакого внимания.

Всю шумиху подняли журналисты М.Левидов, Орлинский и др. и взбудоражили обывательские массы.

Около Художественного театра теперь стоит целая стена барышников, предлагающих билеты на “Дни Турбиных” по тройной цене, а на Столешниковом, у витрины фотографа, весь день не расходится толпа, рассматривающая снимки постановки “Дней Турбиных”...
/Из доноса в ОГПУ, 18 октября 1926 г./

с.158 (6)

А разве можно забыть Михаила Афанасьевича во время наших гастролей в Киеве, где протекали дни Турбиных? С увлечением водил он нас по городу, показывал места, улицы и дома, связанные с событиями из "Дней Турбиных". Особенно запомнился Михаил Афанасьевич в момент, когда мы пришли в здание бывшей Александровской гимназии, где теперь помещается одно из городских учреждений. И вот, не смущаясь присутствием сотрудников этого учреждения, он сыграл нам почти всю сцену "В гимназии" из "Турбиных". Он играл и за Алексея Турбина, и за его брата Николку, и за петлюровцев.

М.И. Прудкин
с.267 (15)

Безусловной злобой дня в нашем газетно-журнальном мире является постановка “Дней Турбиных” Михаила Булгакова.

Прежде чем говорить о самой пьесе, я остановлюсь на личности Михаила Булгакова. Что представляет он из себя? Да типичнейшего российского интеллигента, рыхлого, мечтательного и, конечно, в глубине души “оппозиционного”. Булгаков появился на московском горизонте летом 1922 года и начал работать в ряде журналов, а также московском отделении берлинской газеты “Накануне”. Ряд удачных бытовых фельетонов сделал ему имя (“Самогонное озеро”, “Записки на манжетах” и др.)

Позже Булгаков поступает правщиком материала и фельетонистом в “Гудок”. Паралельно с этим он пишет ряд рассказов и “Белую гвардию”. Он близок с Лежневым и Ал. Толстым. Успех “Белой гвардии” дает мысль Булгакову переделать рассказ в пьесу. Последняя удалась Булгакову с чисто технической, формальной стороны очень хорошо. Алексей Толстой говорит пишущему эти строки, что “Дни Турбиных” можно поставить на одну доску с чеховским “Вишневым садом”. При безусловных художественных достоинствах, пьеса Булгакова никчемна с чисто идеологической стороны. “Дни Турбиных” смело можно назвать апологией белогвардейцев... /Из доноса в ОГПУ, октябрь 1926 г./

с.157 (6)

Театральный хмель продолжается. "Турбины" идут с неизменным успехом. Актеры играют необыкновенно слаженно и поэтому сами называют спектакль "концертом"...

Л.Е. Белозерская
с.131 (4)

Говоря о "Днях Турбиных", уместно упомянуть и о первом критике пьесы. Однажды у нас появился незнакомый мрачный человек в очках — Левушка Остроумов (так назвали его потом у Ляминых) и отчитал М. А., сказав, что пьеса написана плохо, что в ней не соблюдены классические каноны. Он долго и недружелюбно бубнил, часто упоминая Аристотеля. М. А. не сказал ни слова. Потом критик ушел, обменяв галоши...

Несколько позже критик Садко в статье "Начало конца МХАТ" (журнал "Жизнь искусства", № 43, 1927 г.) неистовствует по поводу возобновления пьесы "Дни Турбиных". Он называет Булгакова "пророком и апостолом российской обывательщины", а самую пьесу "подлейшей из пьес десятилетия".

Критик пророчит гибель театру и добавляет зловеще: как веревка поддерживает повесившегося, так и успех пьесы, сборы, которые она делает, не спасут Московский Художественный театр от смерти.

Когда сейчас перечитываешь рецензии тех лет, поражаешься необыкновенной грубости. Даже тонкий эрудит Луначарский не удержался, чтобы не лягнуть Булгакова, написав, что в пьесе "Дни Тур-

биных" — атмосфера собачьей свадьбы (Известия, 8, октябрь 1926 г.). Михаил Афанасьевич мудро и сдержанно (пока!) относится ко всем этим выпадам.

Л.Е. Белозерская с.132-133 (4)

"Зойкина квартира" идет тоже с аншлагом. В ознаменование театральных успехов первенец нашей кошки Муки назван "Аншлаг".

Ю.Л. Слезкин с. 233 (5)

Присутствовавшие на первом после возобновления спектакля "Дни Турбиных" рассказывают, что после окончания спектакля занавес поднимали пятнадцать раз, так несмолкаемы были аплодисменты и вызовы автора. Булгаков благоразумно не выходил. Такой триумф не упомнят в Художественном театре со времен Чехова.

Л.Е. Белозерская с.149 (4)

Так совпало (1928 г.), что идут сразу все три пьесы: "Дни Турбиных", "Зойкина квартира" и "Багровый остров". Но братья-писатели и братья-журналисты "бдят". Наступит время (и оно уже не за горами), когда ничего не будет. А пока... пока к нам ходят разные люди. Из писателей вспоминаю Ильфа и Евгения Петрова, Николая Эрдмана, Юрия Олешу, Е. И. Замятина, актеров М. М. Яншина, Н. П. Хмелева, И. М. Кудрявцева, В. Я. Станицына. Случалось, мелькал острый профиль Савонаролы — художника Н. Э. Радлова, приезжавшего из Ленинграда.

С.А. Ермолинский с.436-437 (15)

Действительно, появление на сцене Художественного театра такой шумной премьеры, как "Дни Турбиных", вызвало еще зависть. Он оказался первым советским драматургом, появившимся на прославленной сцене МХАТа. Это было слишком заметно и громко. А в ту пору появилось немало молодых литераторов, еще неведомых по

весу и возможностям, но все они толпились и спешили занять места в литературном партере... Мхатовская афиша с именем Булгакова произвела такое же раздражающее впечатление, как в "Театральном романе" имя Максудова рядом с Софоклом и Эсхилом. И чем мельче встречались на пути люди, тем больше было зависти, а впереди его поджидали не менее крутые горки. Но он был не один, за его спиной стоял театр! МХАТ стал его крепостью и защитой от многих штурмов даже в годы, когда он поневоле притих как автор и лишь помогал сценическому воплощению очередного спектакля, работая как режиссер-ассистент, и редактировал пьесы, намеченные к постановке...

Конечно, он любил театр — темный зал во время репетиций, волнующее чувство соучастия в общем деле создания спектакля, в его невидимом, словно бы исподтишка прорастании и, наконец, публичное рождение своих собственных слов, зазвучавших вдруг с нестерпимой громкостью со сцены.

С.А. Ермолинский с.437 (15)

В первый раз я увидел его в конце 1927 или в начале 1928 года (точно не помню) на диспуте "Любовь Яровая" — "Дни Турбиных". Тогда часто противопоставляли эти пьесы: первую — как положительный пример революционного спектакля, вторую — как враждебную вылазку. Диспут происходил в Театре Мейерхольда.

На диспуте, о котором я рассказываю, одним из основных докладчиков был критик Орлинский, особенно крикливо выступавший против "Дней Турбиных". Он без обиняков обзывал автора внутренним эмигрантом и обвинял его в сочувствии белой гвардии.

Я не могу восстановить отповеди Булгакова, но помню, как на сцене появился светловолосый человек, с любопытством вглядывающийся в своего противника, которого увидел впервые, — торжествующего, победоносного. Пряча возбуждение и нервность, Булгаков старался говорить как можно спокойнее, но это ему удавалось с трудом.

— А! Вот вы какой! Наконец-то я вас вижу! — восклицал он. — Скажите мне, почему я должен слушать про себя и про свою пьесу черт знает что и нигде не могу ответить вам!

Он бился, как в ловушке, прекрасно понимая, что суждения Орлинского, как и всех его соратников, озлобленно-примитивны, что от него, Булгакова, требуют, чтобы он изобразил белых офицеров как сплошных негодяев, истязающих своих денщиков. ("Денщиков уже не было! И вы, Орлинский, представления не имеете, что происходило в Киеве тогда — при немцах, при Скоропадском, при Петлюре!" — уже кричал Булгаков.)

Это было трудное для него выступление. Не знаю, готовился ли он к нему или вышел на сцену внезапно, не выдержав. В зале царило молчание. У меня осталось впечатление, что настроены к нему были враждебно. На диспутах в Театре Мейерхольда преобладала "левая" молодежь, нападавшая на МХАТ, обожавшая Мейерхольда. В этой аудитории он не мог "пройти".

Булгаков был здесь одинок и неуместен, и он показался мне почему-то очень высоким, длинноруким, длинноногим, по-юношески горбившимся...

С.А. Ермолинский
с.437-438 (15)

В 1927 году здесь (в Театре Мейерхольда — *сост.*) происходил диспут по поводу постановок "Дни Турбиных" и "Любовь Яровая" Тренева. Из двух "воспоминателей" — Ермолинского и Миндлина — последний все же ближе к истине хотя бы потому, что отметил, как с достоинством держался М. А.; не задыхался, руками не размахивал, ничего не выкрикивал, как сообщает об этом Ермолинский...

М. А. выступил экспромтом и поэтому не очень гладко, но основная мысль его выступления ясна, и настойчивый преследователь Булгакова Орлинский получил по носу.

Л.Е. Белозерская
с.169-170 (4)

Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что *своих* пьес, годных для постановки, нехватает...

Что касается собственно пьесы “Дни Турбиных”, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителей от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: “если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь”. “Дни Турбиных” есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в коей мере “не повинен” в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?

И.В. Сталин
с.328 (64)

Вспоминаю, как постепенно распухал альбом вырезок с разносными отзывами и как постепенно истощалось стоическое к ним отношение со стороны М. А., а попутно истощалась и нервная система писателя: он становился раздражительней, подозрительней, стал плохо спать, начал дергать плечом и головой (нервный тик).

Надо только удивляться, что творческий запал (видно, были боль-

шие его запасы у писателя Булгакова!) не иссяк от этих непрерывных груборугательных статей. Я бы рада сказать критических статей, но не могу — язык не поворачивается...

Л.Е. Белозерская
с.174 (4)

Последующей пьесой Булгакова, в которой автор развил и углубил тему гражданской войны, в гораздо более ответственных и широких рамках, был "Бег". Писался "Бег" в 1926-1928 гг. Если тон первой драмы по преимуществу лирический, и тяжелые эпизоды гражданской войны сменяются картинами домашнего уюта, то в "Беге" преобладает драматизм, а фон пьесы суровый и мрачный.

П.С. Попов
с.538 (5)

На большом подъеме в эти годы была написана пьеса "Бег" (1928 г.), которую совершенно произвольно наши литературоведы называют продолжением "Дней Турбиных". Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал ее как продолжение "Дней Турбиных". Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям "Турбиных" и ему мечталось увидеть их на сцене в "Беге", все же драматургическое звучание этой вещи совершенно иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, вкус установился, диапазон писателя расширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В "Днях Турбиных" показано начало белого движения, в "Беге" — конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только по времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. "Бег" — моя любимая пьеса, и я считаю ее пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова.

К сожалению, я сейчас не вспомню, какими военными источниками, кроме воспоминаний генерала Слащова, пользовался М. А., работая над "Бегом". Помню, что на одной из карт были изображены все военные передвижения красных и белых войск и показаны, как это и полагается на военных картах, мельчайшие населенные пункты.

Карту мы раскладывали и, сверяя ее с текстом книги, прочерчивали путь наступления красных и отступления белых, поэтому в пьесе так много подлинных названий, связанных с историческими боями и передвижениями войск: Перекоп, Сиваш, Чонгар, Курчулан, Алманайка, Бабий Гай, Арабатская стрелка, Таганаш, Юшуть, Керман-Кемальчи...

Чтобы "надышаться" атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М. А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения.

Л.Е. Белозерская
с.175 (4)

Когда "Бег" готовился к постановке в Художественном театре, М.Горький, назвав пьесу "превосходной" и усматривая в ней "глубоко скрытое сатирическое содержание", высказывался так: "Твердо убежден, "Бегу" в постановке МХАТа предстоит триумф, анафемский успех" ("Красная газета" от 10 ноября 1928 г.) В работе над пьесой в деле установления данных для характеристики изображенного этапа гражданской войны значительную помощь оказала вторая жена Булгакова Любовь Евгеньевна Белозерская.

П.С. Попов
с.539 (5)

В ремарке, характеризующей Хлудова, автор пишет: "Хлудов курнос, как Павел". Это скорей относится к Хмелеву, который действительно был курнос, чем к прототипу Хлудова — Слащову. Видевшие генерала говорили, что он был статен и очень интересен.

Мы с М. А. заранее предвкушали радость, представляя себе, что сделает из этой роли Хмелев со своими неограниченными возможностями. Пьесу Московский Художественный театр принял и уже начал репетировать...

Ужасен был удар, когда ее запретили. Как будто в доме объявился покойник...

Л.Е. Белозерская
с.176-177 (4)

Он обладал даром великолепного рассказчика, смелого, неожиданного. Он пришел в театр с богатым жизненным опытом, который в его рассказах получал новую, порой парадоксальную образность. Он умел увлечь актеров. Он вносил в жизнь театра страстность, поиск и открывал все новые и новые качества в созданных им литературных образах.

Он не только потенциально, но фактически был великолепным актером. Может быть, именно это качество и определяет вообще подлинную сущность драматурга, ибо хороший драматург в потенции неизбежно является актером. Если бы его попросили сыграть сочиненную им пьесу, он сыграл бы ее всю и сделал бы это с совершенством. Так, в "Турбиных" он показывал почти все образы, охотно и щедро помогая актерам. Он не просто присутствовал на репетициях — он ставил пьесу.

П.А. Марков
с.240 (15)

Помню один забавный эпизод. Режиссер Виктор Станицын ставил "Пиквикский клуб" по Диккенсу. Ассистировал ему Михаил Булгаков, и он же попросил дать ему сыграть роль судьи. Его судья был и глупый, и яростный, и необычайно смешной. На генеральной репетиции Константин Сергеевич Станиславский принимал спектакль у Станицына. Мы, молодые актеры, тоже были в зале, но смотрели

больше не на сцену, а на Станиславского, как он воспринимает спектакль. И видим, что Константин Сергеевич не узнает Булгакова и спрашивает у Станицына: "Кто, кто?", потом громко шепчет: "Да это же талант!" и засмеялся счастливым детским смехом, а смех Станиславского был самой большой наградой для артиста.

С.С. Пилявская
(53)

Не помню, как он начал репетировать, не знаю, был ли текст его роли целиком сочинен Н.А.Венкстерн, или Михаил Афанасьевич сам приложил к этому руку, но в одном я уверен: образ Судьи создан им, это булгаковский образ, рожденный и сотворенный им...

Для картины "Суд" была построена черная пирамида, на ее первых этажах сидели "присяжные", вершина была пуста — она представляла собой кафедру, на которой стоял колокольчик с ручкой в виде бульдога. За этой кафедрой должен был в определенный момент "возникнуть" (это уже было по-булгаковски!) Судья. Сзади пирамиды была спрятана лестница, по которой присяжные и Судья еще до открытия занавеса должны были залезать на свои места. На репетициях Михаил Афанасьевич, чтобы не лишать себя возможности смотреть предыдущие картины, не прятался заранее за кафедрой, а взбегал из зрительного зала на сцену и поднимался по лестнице на наших глазах, чтобы потом "возникнуть". Так вот, из зала на сцену взбегал еще Булгаков, но, идя по сцене, он видоизменялся, и по лестнице лез уже Судья. И Судья этот был пауком. Михаил Афанасьевич придумал (может быть, это был подсказ Виктора Яковлевича Станицына), что Судья — паук. То ли тарантул, то ли крестовик, то ли краб, но что-то из паучьей породы. Таким он и выглядел — голова уходила в плечи, руки и ноги округлялись, глаза

делались белыми, неподвижными и злыми, рот кривился. Но почему Судья — паук? Оказывается, неспроста: так его прозвали еще в детстве, что-то в нем было такое, что напоминало людям это страшное и ненавистное всем насекомое, с тех еще пор он не может слышать ни о каких животных, птицах, зверях... Все зоологическое напоминает ему проклятие его прозвища, и поэтому он лишает слова всякого, упоминающего животное. В свое время он от злости, от ненависти к людям выбрал профессию судьи — искал возможности как можно больше навредить людям... Об этом Михаил Афанасьевич рассказывал во время поисков грима нашему старшему гримеру Михаилу Ивановичу Чернову.

В.В. Шверубович
с.278-280 (15)

На том же широком писательском дыхании, что и "Бег", была написана фантастическая пьеса "Адам и Ева" (1931 г.).

Пьесе своей автор предпослал цитату из произведения "Боевые годы": "Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова — смерть!" И тут же, чтобы смягчить тяжелое впечатление, привел и другую, мирную цитату из Библии: "... И не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся..."

...М. А. читал пьесу в Театре имени Вахтангова в том же году. Вахтанговцы, большие дипломаты, пригласили на чтение Я. И. Алксниса, начальника Военно-Воздушных Сил Союза... Он сказал, что ставить эту пьесу нельзя, так как по ходу действия погибает Ленинград.

Конечно, при желании можно было подойти к этому произведению с другими критериями. Во-первых, изменить название города, а во-вторых, не забывать, что это фантастика, которая создает и губит — на то она и фантастика — целые миры, малые планеты...

Л.Е. Белозерская
с.180-181 (4)

1931 год ознаменован главным образом работой над "Мертвыми душами", инсценировкой М. А. для Художественного театра. Конечно, будь воля драматурга, он подошел бы к произведению своего обожаемого писателя не так академично, как этого требовал театр. Да он и представил другой, свой любимый вариант или, вернее, план варианта: Гоголь в Риме. А затем Гоголь исполняет роль Первого — ведет спектакль. Писал М. А. с увлечением и мечтал, представляя себе, как это будет звучать и смотреться со сцены. Текст почти целиком взят из Гоголя: скомпонован он был виртуозно. Но Станиславский не согласился с Булгаковым и остановился на академическом варианте.

Мака очень огорчился и все приговаривал: "Как жаль Рима!", "Где мой Рим?"

Булгаков не только инсценировал "Мертвые души", но и принимал участие в выпуске спектакля в качестве режиссера-ассистента.

В 1932 году "Мертвые души" увидели свет рампы

Л.Е. Белозерская
с.170-171 (4)

Написать сценарий я решил предложить М.А.Булгакову. Его пьеса "Мертвые души" уже в то время шла во МХАТе...

Михаил Афанасьевич, вместе с женой Еленой Сергеевной и сыном Сергеем, жил тогда в Нащокинском переулке. Встретил он меня в узбекском халате, под халатом были только трусики. Церемонно поклонившись, он пригласил пройти в кабинет.

Войдя в небольшую комнату с книжными шкафами и полками, я с недоумением увидел висящие на стенах аккуратно окантованные, под стеклом, самые ругательные рецензии на спектакли Булгакова... Очевидно, хозяин хотел предупредить гостя

или посетителя, чтобы он знал, куда он попал и с кем ему придется иметь дело...

— Чем могу служить? — прервав мое обозрение рецензий, спросил, входя в кабинет, уже облачившийся в костюм хозяин.

— Я бы хотел, — назвав себя, смущенно начал я, — чтобы вы написали для меня сценарий "Мертвых душ"...

— Душ! — воскликнул Булгаков. — Каких вам нужно душ?.. А почем вы изволите их покупать? — лукаво улыбнувшись, заговорил он со мной языком Гоголя...

Одним словом, через три месяца сценарий был готов, его единодушно одобрили виднейшие литературоведы, и он был разрешен к постановке.

И.А. Пырьев с.515-516 (7)

Пришлось целиком погрузиться в "заказные" работы. Среди них были экранизации "Ревизора" и "Мертвых душ". Работа с кинорежиссерами ошеломила его. Они так шумели, кричали в его квартире, вмешивались в написанные им сцены, то и дело подкидывая ему необыкновенные выдумки, что только его юмор утихомиривал их буйный темперамент. После этих встреч у него болела голова. Он не привык к такой работе. Он привык работать в тишине, сосредоточенно. Иногда днем закрывал шторы, зажигал свечи. А тут... Он только разводил руками. "Ну, Сергей, не завидую тебе. Как это ты с ними управляешься?"

Я успокаивал его, говоря, что все, что происходит с его сценариями, — нормально, не выходит из обычных кинематографических мытарств. Он пишет варианты, их рассматривают, присылают стереотипные замечания и пожелания. Кроме того, режиссеры незаметно становятся соавторами сценария, и я объяснял ему, что это хотя слегка и бьет по карману, но зато вселяет надежду, что фильмы будут осуществлены.

"Мертвые души" должен был ставить в Москве И. А. Пырьев, "Ревизора" — М. С. Каростин в Киеве, и, казалось, оба сценария после всех "доделок" появятся на экране. Каростин даже снял несколько сцен, но просмотренный дирекцией материал вызвал резко отрицательную оценку ("формализм"), и работа над фильмом была приостановлена . А Пырьев вместо "Мертвых душ" начал работать над фильмом на современную тему.

На этом кинематографические дела Булгакова кончились. Пришлось заняться другим.

С.А. Ермолинский с.455-456 (15)

...Из всех пишущих для сцены я чувствую драматурга настоящего пока только в трех — Булгаков, Афиногенов и Олеша...

/Из письма О.С.Бокшанской, 8 декабря 1931 г./

Вл.И. Немирович-Данченко с.387 (48)

1929 год. Пишется пьеса "Мольер". Действует все тот же не убитый или еще не добитый творческий инстинкт. Перевожу с французского биографии Мольера. Помню длинное торжественное стихотворение, где творчество его отождествляется с силами и красотой природы...

М. А. ходит по кабинету, диктует текст, играя попутно то или иное действующее лицо. Это очень увлекательное действо...

Как сейчас вижу некрасивое талантливое лицо Михаила Афанасьевича, когда он немного в нос декламирует:

Муза, муза моя, о, лукавая Талия...

Но вот пьеса закончена. Первое чтение состоялось у Ляминых. На втором, у нас на Пироговской, присутствовали О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, В. Я. Станицын, М. М. Яншин, П. А. Марков и Лямины. На столе М. А. в канделябрах горели свечи. Читал он, как всегда, блистательно.

Премьера в МХАТе состоялась 15 февраля 1936 года.

Постановка Н. М. Горчакова. Режиссеры-ассистенты: М. А. Булгаков, Б. Н. Ливанов, Б. В. Протасевич. Музыка Р. М. Глиэра. Художник — П. В. Вильямс.

Л.Е. Белозерская с.177-178 (4)

Не повезло этому произведению М. А. После нескольких представлений пьеса была снята.

Известный драматург Михаил Афанасьевич Булгаков много лет работал над новой пьесой. О ней не раз появлялись заметки в газетах, было известно, что она включена в репертуарный план МХАТа. Пьеса о Мольере — "Кабала святош" — так тогда называлась новая пьеса Булгакова, возбуждала огромный интерес в литературно-театральных кругах. И вот автор "Дней Турбиных" перед заинтересованной аудиторией.

Комната в Управлении по охране авторских прав в Большом Гнездниковском переполнена. Председательствует Всеволод Иванов. Михаил Афанасьевич Булгаков читает своеобразно, не лицедействуя, по-писательски, но ярко и увлекательно. Великий комедиограф в пьесе проходит через сложные испытания, делается жертвой сложной интриги — вызывает симпатии аудитории. Но вот чтение закончено. Слушатели под впечатлением талантливой пьесы хранят молчание. Напрасно председательствующий приглашает высказаться. Никто не откликается. Неловкая пауза, наконец, нарушается. Со стула поднимается невысокий, седеющий, плотно скроенный человек. Аудитория словно проснулась, зашепталась: "Митя просит слова!"

Драматурга Дмитрия Федотыча Чижевского многие знали не столько по его пьесам, шедшим в середине 20-х годов в московских театрах, сколько по его выступлениям. Они всегда вызывали недоумение и частенько кончались неожиданным финалом. "Мне трудно говорить подробно о прочитанной пьесе, — начал свою речь Чижевский. — Я не решаюсь здесь анализировать ее содержание, давать ей оценку. Но кое-что из услышанного заставляет меня насторожиться. Пьеса о великом писателе — Мольере прежде всего обязывает автора, берущегося за столь ответственную задачу, изучить эпоху, изучить тщательно, глубоко, во всех деталях. Сделал ли это Булгаков? Сделал, но не совсем глубоко... И это не могло не сказаться на печальных, я бы сказал, возмутительных ошибках автора."

Аудитория загудела: "Доказательства!? Говори — какие ошибки? В чем они?" Выдержав паузу, седоголовый оппонент, уверенный, что его разъяснение свалит с ног автора и потрясет слушателей, медленно, подчеркивая каждое слово, выкладывает:

— Вы все слышали, что актеры обращаясь к Мольеру, говорят "метр". И так они обращаются к нему не раз и не два.

— Ну и что — воскликнул кто-то в зале.

— А то, что всем, кроме разве автора, известно, что метрическая система была введена во время Великой французской революции, а Мольер жил когда?

Аудитория ахнула, словно ее облили кипятком. Председатель застучал карандашом о графин. Автор стал спешно засовывать руко-

пись в портфель. Слушатели грохотали. Многие из них кричали:

— Давай, Митя! Давай!

П.Л. Жаткин. Рукопись

Чижевский улыбался и, видимо, не понимал причины всеобщего возбуждения. Обсуждение пьесы "Кабала святош" пришлось отменить.

П.С. Попов с.539 (5)

Наряду с основной линией своей драматургической работы М. А. Булгаков уделяет время культивированию иных жанров: трагического фарса или трагикомедии (такова его "Зойкина квартира", поставленная в 1926 году на сцене театра Вахтангова) и комедии-сатиры ("Багровый остров", сыгранный в Камерном театре в 1928 году).

Интерес к театру М. А. Булгакова получает практическое применение, когда в 1930 г. он был приглашен в качестве режиссера-консультанта в ТРАМ (Театр рабочей молодежи) и в Художественный театр. В 1934-1935 гг. Михаил Афанасьевич пишет пьесу "Александр Пушкин"; в ней драматург изображает предддуэльные дни и смерть Пушкина; оригинальность пьесы в том, что сам Пушкин на сцене не появляется... Работа в театре, порою будничная и черновая, увлекает Булгакова. В 1936 г. он переходит в Большой театр консультантом-либреттистом. По заказу театра он составляет либретто "Минин и Пожарский", "Петр Великий", "Черное море" и "Рашель" (по рассказу Мопассана "Мадемуазель Фифи"), а также консультирует по переработке текста "Ивана Сусанина".

Из инсценировок Михаила Афанасьевича, кроме упомянутых выше "Мертвых душ" (впервые поставленных на сцене МХАТа 9 декабря 1932 г.), назовем также "Войну и мир" (по роману Л. Н. Толстого). Опираясь на сюжет Сервантеса, Михаил Афанасьевич создает оригинальную пьесу "Дон Кихот".

П.С. Попов с.541 (5)

Вл.И. Немирович-Данченко (19)

Булгаков — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключителен.

К.С. Станиславский с.269 (65)

Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репитициях "Турбиных". Собственно — он поставил их, по крайней мере, дал те блестки, которые сверкали и создавали успех спектаклю.

М.А. *..."Такой Булгаков не нужен советскому театру", — написал нравоучительно один из критиков, когда меня запретили.*
Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен как воздух. /Из письма И.В.Сталину, 30 мая 1931 г./

Любовь Белозерская

Она (Л.Е.Белозерская — *сост.*) обладала незаурядными способностями и хорошо училась, закончив Демидовскую гимназию с серебряной медалью. У нее был небольшой голос, поставленный гимназическим церковным регентом. Она неплохо рисовала, обладала хорошими литературными способностями (как и ее сестры). Всю жизнь была окружена интересными и яркими людьми. К каждому человеку умела найти свой подход и, если нужно, оказать помощь. Инте-

ресно, что, разговаривая с разными людьми, она, как бы независимо от себя, поддавалась интонациям разговаривающего. Любила, очень хорошо понимала и чувствовала стихи.

После окончания гимназии и частной балетной школы в Петрограде она оказалась в самом центре литературно-театральной жизни того времени...

В четырнадцатом году разразилась империалистическая война. Любовь Евгеньевна, как истинная патриотка, оканчивает курсы сестер милосердия и принимает самое активное участие в организации благотворительных госпиталей, самозабвенно ухаживая за ранеными.

И.В. Белозерский с.210 (4)

В своих бесконечных странствиях по югу Любовь Евгеньевна встретилась с журналистом Ильей Марковичем Василевским (1883-1938). Она знала его еще по Петербургу. Это был известный литератор, сотрудничавший во многих журналах под псевдонимом Не-Буква. Вскоре после встречи она вышла за него замуж. Но быстро поняла, что у ее мужа очень тяжелый характер, он страшно ревнив и болезненно самолюбив. Она дала ему прозвище "Пума" и уже тогда начала раскаиваться в своем браке.

В период бесконечных смен властей Любовь Евгеньевна попадает в Киев, где в это же самое время находился и Михаил Афанасьевич Булгаков. Но по воле судеб они там не встретились.

И. М. Василевский был намного старше своей жены и очень любил ее. Согласно какому-то старинному поверью, чтобы удержать жену, он носил три тонких обручальных кольца на одном пальце.

В первые годы революции судьба забрасывает их сначала в Константинополь, затем в Париж и, наконец, в Берлин, где у Любови

Евгеньевны созрело решение расстаться с мужем. И. М. Василевский не допускает мысли о расторжении брака. Чтобы заставить жену не бросать его, он, уезжая в Москву, захватил все ее документы и уже в Москве добивается, чтобы она выехала из Берлина. Вопрос о расторжении брака временно отпадает. Все это вызывает у Любови Евгеньевны раздражение, и, приехав в Москву, она расстается с мужем, сохранив к нему недоброе чувство на всю жизнь. Случайно познакомившись в Москве с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, она вскоре выходит за него замуж.

И.В. Белозерский с.211 (4)

Передо мной стоял человек лет 30-32-х; волосы светлые, гладко причесанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны; когда говорит, морщит лоб. Но лицо в общем привлекательное, лицо больших возможностей. Это значит — способное выражать самые разнообразные чувства. Я долго мучилась, прежде чем сообразила, на кого же все-таки походил Михаил Булгаков. И вдруг меня осенило — на Шаляпина!

Одет он был в глухую черную толстовку без пояса, "распашонкой". Я не привыкла к такому мужскому силуэту; он показался мне слегка комичным, так же как и лакированные ботинки с ярко-желтым верхом, которые я сразу вслух окрестила "цыплячьими" и посмеялась. Когда мы познакомились ближе, он сказал мне не без горечи:

— Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом достались мне эти ботинки, она бы не смеялась...

Я поняла, что он обидчив и легко раним. Другой не обратил бы внимания.

Л.Е. Белозерская с.88 (4)

В моей личной жизни наступило смутное время: я расходилась с первым мужем и временно переехала к родственникам моим Тарновским. С Михаилом Афанасьевичем встретилась на улице, когда уже слегка пригревало солнце, но еще морозило. Он шел и чему-то своему улыбался. Я рассказала ему о перемене адреса и изменении в моей жизни...

Вот в этот дом и припожаловал М. А. Пришел и стал бывать почти каждый день. Он сразу же завоевал симпатии Надюши, особенно когда начал меня "сватать".

Уже весна, такая желанная в городе! Тепло. Мы втроем — Надя, М. А. и я — сидим во дворе под деревом. Он весел, улыбчив, ведет "сватовство".

— Гадик, — говорит он.— Вы подумайте только, что ожидает вас в случае благоприятного исхода...

— Лисий салоп? — в тон ему говорит она.

— Ну, насчет салопа мы еще посмотрим... А вот ботинки с ушками обеспечены.

— Маловато будто...

— .А мы добавим галоши...— Оба смеются. Смеюсь и я. Но выходить замуж мне не хочется.

Л.Е. Белозерская с.88-89 (4)

Все самые важные разговоры происходили у нас на Патриарших прудах. (М. А. жил близко, на Б. Садовой, в доме 10.) Одна особенно задушевная беседа, в которой М. А.— наискрытнейший человек — был предельно откровенен, подкупила меня и изменила мои холостяцкие настроения. Мы решили пожениться

Л.Е. Белозерская с.90 (4)

Мы развелись в апреле 1924 года, но он сказал мне: “Знаешь, мне просто удобно говорить, что я холост. А ты не беспокойся — все остается по-прежнему. Просто разведемся формально”. — “Значит я снова буду Лаппа?” — спросила я. “Да, а я Булгаков”. Но мы продолжали вместе жить на Большой Садовой...

Он познакомил меня с Любовью Евгеньевной. Она раньше жила в Киеве, с Финком, был такой журналист, потом уехала с Василевским-Не-Буквой. Потом Василевский привез ее в Москву, а какой-то жених должен был ее вызвать. Но вызов не пришел; Василевский ее оставил, ей негде было жить. Она стала бывать у Потехина, мы приглашали ее к нам. Она учила меня танцевать фокстрот. Сказала мне один раз:

— Мне остается только отравиться...

Я, конечно, передала Булгакову... Ну, в смысле литературы она, конечно, была компетентна. Я-то только продавала вещи на рынке, делала все по хозяйству и так уставала, что мне было ни до чего...

Я с ним считалась. А он всегда говорил мне, когда я упрекала его за какой-нибудь флирт: “Тебе не о чем беспокоиться — я никогда от тебя не уйду”. Сам везде ходил, а я дома сидела...

Т.Н. Кисельгоф с.31 (32)

Потом мы зарегистрировались в каком-то отталкивающем помещении ЗАГСа в Глазовском (ныне ул. Луначарского) переулке, что выходил на б. церковь Спаса на Могильцах.

Сестра М. А., Надежда Афанасьевна Земская, приняла нас в лоно своей семьи, а была она директором школы и жила на антресолях здания бывшей гимназии. Получился "терем-теремок". А в теремке жили: сама она, муж ее Андрей Михайлович Земский, их маленькая дочь Оля, его сестра Катя и сестра Н. А. Вера. Это уже пять человек. Ждали приезда из Киева младшей сестры Елены Булгаковой. Тут еще появились и мы.

Л.Е. Белозерская
с.92 (4)

К счастью, было лето и нас устроили в учительской на клеенчатом диване, с которого я ночью скатывалась, под портретом сурового Ушинского.

Совместная жизнь в первые годы женитьбы ничем не омрачалась. Они были дружны, вместе бывали в гостях у родственников Михаила Афанасьевича, супругов Ляминых, Анны Ильиничны Толстой и ее мужа Павла Сергеевича Попова. Надо сказать, что, по отзыву современников, Михаил Афанасьевич любил и умел ухаживать за женщинами, при знакомстве с ними быстро загорался и также быстро остывал, что создавало дополнительные трудности для семейной жизни. После брака с Любовью Евгеньевной как-то постепенно уменьшился круг его старых знакомых, перестали бывать его прежние друзья В. Катаев, Олеша и другие. Жизнь Михаила Афанасьевича стала более размеренной, организованной. Он был внимателен к жене, старался доставить ей удовольствие. Это видно из его писем к друзьям и знакомым. На его столе всегда находился портрет жены. Любовь Евгеньевна с удовольствием вспоминала совместные поездки на юг и лыжные походы...

И.В. Белозерский
с.212 (4)

К родственникам Михаила Афанасьевича она относилась очень душевно и с его сестрой Надеждой Афанасьевной поддерживала самые добрые отношения в течение долгого времени, вплоть до ее смерти.

М.А. *...Роман ("Белая гвардия" — сост.) мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена.*

Вечером у Никитиной читал свою повесть "Роковые яйца". Когда шел туда, ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда — сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное... Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги "в места не столь отдаленные". Очень помогает мне от этих мыслей моя жена. Я обратил внимание, когда она ходит, она покачивается. Это ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?... /Из дневника, 28 декабря 1924 г./

Тут у Булгакова пошли "дела семейные" — появились новые интересы, ему стало не до меня. Ударил в нос успех! К тому времени вернулся из Берлина Василевский (Не-Буква) с женой своей (которой по счету?) Любовью Евгеньевной, неглупая, практическая женщина, многое испытавшая на своем веку, оставившая в Германии свою "любовь", — Василевская приглядывалась ко всем мужчинам, которые могли бы помочь строить свое будущее. С мужем она была не в ладах. Наклевывался роман у нее с Потехиным Юрием Николаевичем (ранее вернувшимся из эмиграции) — не вышло, было и со мною сказано несколько теплых слов... Булгаков подвернулся кстати. Через месяц-два все узнали, что Миша бросил Татьяну Николаевну и сошелся с Любовью Евгеньевной. С той поры — наша дружба пошла врозь. Нужно было и Мише и Л.Е. начинать "новую жизнь", а следовательно, понадобились новые друзья — не знавшие их прошлого.

Ю.Л. Слезкин
с. 131 (6)

Встречи наши стали все реже, а вскоре почти совсем прекратились, хотя мы остались по-прежнему на "ты".

Он был женат тогда на Любови Евгеньевне Белозерской. Ее биография стала бы, пожалуй, необязательной в моих записках, если бы с ней не была связана работа над "Бегом", последовавшая тотчас за "Днями Турбиных"...

В начале революции с общим потоком бежавших из России (не знаю, с кем и как) Любовь Евгеньевна очутилась в Константинополе, испытав все унижения, выпавшие на долю эмиграции. Затем перебралась в Париж, где жизнь ее сложилась трудно, пока, по-видимому, не сблизилась со сменовеховцами, ратовавшими за возвращение на родину. Это привело ее в Берлин, в берлинскую редакцию "Накануне", возглавляемую А.Н.Толстым. Там (или, может быть, раньше) она вышла замуж за журналиста Василевского (Не-Буква), близкого к этой редакции. Не знаю, был ли это брак "по любви" или "по расчету", но он упрощал ее возвращение в Россию. Во всяком случае, по приезде в Москву она разошлась с мужем, и вскоре состоялась ее встреча с Булгаковым, еще дурно одетым, застенчивым, но уже входившим в моду писателем...

Годы совместной жизни с Любовью Евгеньевной, думаю, едва ли не были самыми счастливыми в писательской биографии Булгакова. Я подчеркиваю — счастливыми, хотя это может показаться неожиданным. Ведь именно тогда на него обрушился, как я уже говорил, буквально шквал самой грубой критики. К его имени прилепили, как каинову печать, обобщающее словцо "булгаковщина". Но ведь при всем нервном напряжении, какое ему пришлось вынести, он жил! Он

находился в центре кипучих театральных битв! Он действовал! Он боролся! Он был "на коне"! Он был в славе! Когда он приходил ужинать в "Кружок", где собирались писатели и актеры (как нынче в Доме литераторов или в Доме актера), его появление сопровождалось оживленным шепотом. К нему, услужающе юля, подбегал подвизавшийся в "Кружке" тапер и, приняв заказ, тотчас возвращался к роялю и отбарабанивал в усладу знаменитому гостю модный фокстротик (кажется, "Аллилуйя"). Если в бильярдной находился в это время Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ним устремлялись любопытные. Еще бы — Михаил Булгаков и Маяковский! Того гляди, разразится скандал...

...А дома его ждала полная чаша! Он уже переехал на Большую Пироговскую, его окружали друзья. Среди них — первые признавшие его интеллектуалы Пречистенки... Чуть не каждый день прибегали "турбинцы", влюбленные в него молодые мхатовцы, готовые, казалось, разделить с ним все возможные превратности его писательской судьбы... Словом, жилось на широкую ногу, весело, может быть, чуть бестолково. Любовь Евгеньевна увлекалась верховой ездой, ходила в манеж, и в шутку даже снялась, одетая в бриджи, в легоньких сапожках, в приплюснутой жокейской кепке...

Впрочем, ее увлечение конным спортом может создать превратное представление о ней у читателя. Она отнюдь не выглядела экстравагантно. Напротив, в ней не было ничего вычурного. Все "нэповское", модное, избави бог, отсутствовало в ней. Она одевалась строго и скромно. Была приветлива, улыбчива, весела. В ней было много душевной теплоты. Любила давать причудливые клички знакомым — Петю-Петянь, Петры-Тытери и т. п. Собаку назвала Буто-

ном, по имени слуги Мольера. А Михаила Афанасьевича называла Макой и ласково: Мася-Колбася. В кругу ее друзей он на всю жизнь так и остался Макой, а для иных — Масей-Колбасей.

У нее было множество друзей, приятелей и приятельниц. Больше, чем хотелось бы, стало появляться в доме крепышей конников, пахнущих кожей, и чуть больше, чем надобно, лошадиных разговоров. Я пишу об этом не для того, чтобы очернить неразборчивое приятельство, заполнившее булгаковский дом, но мне кажется, что непонимание Булгакова в его тогдашней жизни началось значительно раньше, чем стало очевидным и привело к разрыву.

Любовь Евгеньевна одаривала щедрой чуткостью каждого человека, появившегося в ее окружении. Может быть, чересчур?.. С полной отдачей сил, суетясь, озабоченная, она спешила на помощь, если к ней обращались и по серьезным поводам и по пустякам (в равной мере). Со всем бескорыстием она делала это, и посему телефон действовал с полной нагрузкой. Недаром ее называли "Люба-золотое сердце". Лишь Булгаков все чаще морщился: "О да, она — Люба — золотое сердце", произнося это уже не только насмешливо, но и раздраженно.

С.А. Ермолинский
с.82-86 (25)

Впоследствии, когда синеглазый прославился и на некоторое время разбогател, наши предположения насчет его провинциализма подтвердились: он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах, с прюнелевым верхом, и даже, что показалось совершенно невероятным, в один прекрасный день вставил в глаз монокль, развелся со старой женой, изменил круг знакомых и женился на Белосельской-Белозерской, прозванной ядовитыми авторами "Двенадцати стульев" "княгиней Белорусско-Балтийской".

Синеглазый называл ее весьма великосветски на английский лад Напси.

В.П. Катаев
с.220 (30)

Мы живем в покосившемся флигельке во дворе дома № 9 по Обухову, ныне Чистому переулку...

Дом свой мы зовем голубятней. Это наш первый совместный очаг. Голубятне повезло: здесь написана пьеса "Дни Турбиных", фантастические повести "Роковые яйца" и "Собачье сердце" (кстати, посвященное мне)

Л.Е. Белозерская
с.94 (4)

М.А. *Ужасное состояние: все больше влюбляюсь в свою жену. Так обидно — 10 лет открещивался от своего... Баба как баба. А теперь унижаюсь даже до легкой ревности...*
/Из дневника, 3 января 1925 г./

...Мы любили прозвища. Как-то М. А. вспомнил детское стихотворение, в котором говорилось, что у хитрой злой орангутанихи было три сына: Мика, Мака и Микуха. И добавил: Мака — это я. Удивительнее всего, что это прозвище — с его же легкой руки — очень быстро привилось. Уже никто из друзей не называл его иначе, а самый близкий его друг Коля Лямин говорил ласково "Макин". Сам М. А. часто подписывался Мак или Мака.

Л.Е. Белозерская
с.95-96 (4)

...Необходимо учесть, что они оба были талантливы и отличались яркими индивидуальными характерами. Любовь Евгеньевна очень

любила спорт, самозабвенно любила лошадей, водила машину, с увлечением занималась в школе верховой езды и успешно закончила ее. Она любила и хорошо чувствовала природу Подмосковья.

Напрасно обвиняют Любовь Евгеньевну, что она старалась отдалить и отдалила многих прежних друзей своего мужа. Сам Михаил Афанасьевич был не из тех людей, которые склонны подчиняться кому-либо из близких, а скорее наоборот. У него был очень нелегкий характер, и важные решения он принимал всегда сам.

И.В. Белозерский с.213 (4)

Наши частые гости — Николай Николаевич Лямин и его жена, художница Наталья Абрамовна Ушакова. На протяжении всех восьми с лишним лет моего замужества за М. А. эти двое были наиболее близкими друзьями.

Л.Е. Белозерская с.97 (4)

Особенно близки с Булгаковыми были Лямины.

Николай Николаевич Лямин (1892 - ?) родился в Москве, в 1915 году окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен на кафедре западноевропейской литературы и языковедения. Одновременно он преподавал русский язык в гимназии, затем работал в рукописном отделе Румянцевской библиотеки (теперь Библиотека имени В. И. Ленина), а в университете читал лекции по западноевропейской литературе. С 1922 года начал работать в Государственной академии художественных наук (ГАХН). Кроме того, Н. Н. Лямин сотрудничал с издательством "Новая Москва" как переводчик, рецензент и редактор отдела хроники в "Сборниках по западной литературе".

Он и Михаил Афанасьевич дружили бы всю жизнь, но не пришлось. В 1937 году Н. Н. Лямин был арестован и вынужденно жил в Калуге, вдали от родных и друзей, лишенный привычных занятий и профессии. В 1941-м его арестовали опять...

У Ляминых с середины 20-х по начало 30-х годов Булгаков читал свои новые произведения.

Н.В.Шапошникова (73)

"В один прекрасный вечер", — так начинаются все рассказы, — в один прекрасный вечер на голубятню постучали (звонка у нас не было) и на мой вопрос "кто там?" бодрый голос арендатора ответил: "Это я, гостей к вам привел!"

На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователь Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход "гостей", и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен прийти.

Все прошли в комнату и сели. Арендатор, развалясь в кресле, в центре. Личность его была примечательная, на язык несдержанная, особенно после рюмки-другой... Молчание. Но длилось оно, к сожалению, недолго.

— А вы не слышали анекдота, — начал арендатор... ("Пронеси, господи!" — подумала я.)

— Стоит еврей на Лубянской площади, а прохожий его спрашивает: "Не знаете ли вы, где тут Госстрах?"

— Госстрах не знаю, а госужас вот...

Раскатисто смеется сам рассказчик. Я бледно улыбаюсь. Славкин

и его помощник безмолвствуют. Опять молчание — и вдруг знакомый стук.

Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками. "Пенсне" стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей.

И тут случилось неожиданное. М. А. сказал:

— Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю. (Кресла были куплены мной на складе бесхозной мебели по 3 р. 50 коп. за штуку.)

И на нас обоих напал смех. Может быть, и нервный.

Под утро зевающий арендатор спросил:

— А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневные часы?

Ему никто не ответил... Найдя на полке "Собачье сердце" и дневниковые записи, "гости" тотчас же уехали.

Л.Е. Белозерская
с.106-107 (4)

По настоянию Горького, приблизительно через два года "Собачье сердце" было возвращено автору...

К 1925 году относится знакомство М. А., а затем и длительная дружба с Николаем Николаевичем Ляминым... Познакомились они у писателя Сергея Сергеевича Заяицкого, где Булгаков читал отрывки из "Белой гвардии". В дальнейшем все или почти все, что было им написано, он читал у Ляминых (у Николая Николаевича и жены его художницы Наталии Абрамовны Ушаковой): "Белую гвардию" (в отрывках), "Роковые яйца", "Собачье сердце", "Зойкину квартиру", "Багровый остров", "Мольера", "Консультанта с копытом", легшего в основу романа "Мастер и Маргарита".

Мне он сказал перед первым чтением, что слушать его будут люди "высокой квалификации" (я еще не была вхожа в этот дом). Такое выражение, совершенно не свойственное М. А., заставило меня особенно внимательно приглядываться к слушателям.

Помню остроумного и веселого Сергея Сергеевича Заяицкого; красивого с диковатыми глазами Михаила Михайловича Морозова, известного шекспироведа; громогласного Федора Александровича Петровского, филолога-античника, преподавателя римской литературы в МГУ; Сергея Васильевича Шервинского, поэта и переводчика; режиссера и переводчика Владимира Эмильевича Морица и его обаятельную жену Александру Сергеевну. Бывали там искусствоведы Андрей Александрович Губер, Борис Валентинович Шапошников, Александр Георгиевич Габричевский, позже член-корреспондент Академии архитектуры; писатель Владимир Николаевич Владимиров (Долгорукий), переводчик и наш "придворный" поэт; Николай Николаевич Волков, философ и художник; Всеволод Михайлович Авилов, сын писательницы Лидии Авиловой (о которой так восторженно отзывался в своих воспоминаниях И. А. Бунин). По просьбе аудитории В. М. Авилов неизменно читал детские стихи про лягушечку.

Вспоминается мне и некрасивое, чисто русское, даже простоватое, но бесконечно милое лицо Анны Ильиничны Толстой. Один писатель в своих "Литературных воспоминаниях" (и видел-то он ее всего один раз!) отдал дань шаблону: раз внучка Льва Толстого, значит ВЫСОКИЙ лоб; раз графиня, значит МАЛЕНЬКИЕ аристократические руки. Как раз все наоборот: лоб низкий, руки большие, мужские, но красивой формы. М. А. говорил о ее внешности — "выли-

тый дедушка, не хватает только бороды". Иногда Анна Ильинична приезжала с гитарой. Много слышала я разных исполнительниц романсов и старинных песен, но так, как пела наша Ануша, — никто не пел!... Рядом с ней ее муж: логик, философ, литературовед Павел Сергеевич Попов, впоследствии подружившийся с М. А. Иногда ей аккомпанировал Николай Петрович Шереметьев (симпатичный человек), иногда художник Сергей Сергеевич Топленинов, а чаще она сама перебирала струны. Когда она была маленькой и ее спрашивали: "Кем тыхочешь быть, когда вырастешь?", она отвечала: "Лошадью или певицей"...

Вспоминается жадно и много курящая писательница Наталия Алексеевна Венкстерн и друг юности Н. Н. Лямина известный знаток Шекспира М. М. Морозов, человек, красивый какой-то дикой тревожной красотой.

Бывали у Ляминых и актеры: Иван Михайлович Москвин, Виктор Яковлевич Станицын, Михаил Михайлович Яншин, Цецилия Львовна Мансурова и Елена Дмитриевна Понсова.

Л.Е. Белозерская
с.108-111 (4)

Слушали внимательно, юмор схватывали на лету.

В начале 20-х годов это были еще молодые люди, коренные москвичи, знавшие, что называется, всю Москву, в том числе московских редакторов и издателей. Последние, конечно же, живо интересовали начинающего писателя и недавнего москвича М. А. Булгакова, который познакомился с пречистенцами и стал бывать у них в доме не позже 1923 года, когда в квартиру № 12, по соседству с Захаровым, въехала семья Андрея Александровича Муата, впоследствии режиссера и преподавателя ГИТИСа, живого свидетеля тех времен.

Милые и радушные, широко образованные, остроумные, любившие шутку художники — обитатели пречистенского дома ценили приятных и интересных собеседников.

Н.В.Шапошникова
с.27 (73)

...На бывшей Пречистенке (уже давно переименованной в улицу Кропоткина), в ее кривых и тесных переулках, застроенных уютными особнячками, жила особая прослойка тогдашней московской интеллигенции. Территориальный признак здесь случаен (необязательно “пречистенцу” жить на Пречистенке), но наименование это не случайно. Именно здесь исстари селилась московская профессура, имена ее до сих пор состоавляют гордость русской общественной мысли... В двадцатые годы эти традиции как бы сохранялись, но они теряли живые корни, продолжая существовать искусственно...

Советские "пречистенцы" жили келейной жизнью.

Их выход на более открытую общественную арену коротко прозвучал в период суще-ствования ГАХН (Гос. Академии художественных наук, кстати, помещавшейся тоже на Пречистенке).

Они писали литературоведческие комментарии, выступали с небольшими, сугубо академическими статьями и публикациями в журналах и бюллетенях. Жили они в тесном кругу, общаясь друг с другом. Квартиры их, уплотненные в одну, реже в две комнаты, превратившись в коммунальные — самый распространенный вид жилища тогдашнего москвича, — напоминали застывшие музеи предреволюционной поры. В их комнатах громоздились красное дерево, старые книги, бронза, картины. Они были островитянами в мутном потоке нэпа, среди народившихся короткометражных капиталистов и возрождающегося мещанства, но в равной степени отделены от веяний

новой, зарождающейся культуры, еще очень противоречивой, зачастую прямолинейно-примитивной в своих первых проявлениях.

У "пречистенцев" чтились филологи и философы.

Они забавлялись беседами о Риккерте и Когене. В моду входили Фрейд и Шпенглер с его пресловутым "Закатом Европы", в котором их особенно привлекала мысль, что главенство политики является типичнейшим признаком вырождения культуры. А посему они толковали об образе, взятом из природы и преображенном творчеством, о музыкальных корнях искусства, о мелодии, связанной с ритмом... В них все еще сохранялась рафинированность декадентщины предреволюционной поры, но они считали себя продолжателями самых высоких традиций московской интеллигенции.

В этом кругу к Булгакову относились с повышенной заинтересованностью. В нем хотели видеть своего представителя. Хотели видеть его на Голгофе, падающего под ударами, чуть ли не мучеником. Преуспевающий Булгаков возмущал их. В каждом проявлении его признания они видели почти измену своего "избранника". Булгаков служил как бы оправданием их общественного небытия, их исторической обреченности. Но его живое творчество опровергало эту обреченность. Он очень скоро почувствовал, что эта среда отягчает его, как гири...

...Его хлестало и било, он не сдавался и не прятался в затишок, потому что не хотел и не мог этого делать.

Тем драматичнее было, что в период наибольшего душевного смятения именно "Пречистенка" оказывалась его единственным прибежищем. Но он жил не прошлым, он был "горение, а не гниение".

И он высвобождался из этой среды, как ни трудно было, особенно теперь, когда положение литературного страдальца так им импонировало. Он порывал с ней, сохранив добрые отношения с некоторыми из "пречистенских друзей", но, по сути, это уже было ни к чему не обязывающее знакомство. В дальнейшем ему не раз приходилось раздражаться на них. Вокруг каждого своего нового произведения он слышал одобрительные шепотки, что вот-де какой тайный смысл вложил сюда Булгаков. Шепотки эти подхватывались, распространялись и в конце концов наносили ему вред.

Но в 1930 году, после запрещения всех его пьес, дело шло не о его литературной репутации, а о его писательской судьбе.

С.А. Ермолинский
с.93-94,95 (25)

В ту пору он уже поселился на Большой Пироговской. При нэпе появились люди, которые имели право построить небольшой дом и становились его частными владельцами. У одного из таких застройщиков Булгаков и арендовал трехкомнатную квартиру, немалая по тем временам роскошь. Из небольшой квадратной столовой три ступеньки вниз вели в его кабинет. Там стояли некрашеные стеллажи с грудой книг и старых журналов. По квартире разгуливал рыжий пес Бутон, приветствуя гостей пушистым с плюмажем хвостом. Постоянно толпилось множество разных людей. Гостила очень милая девушка из Тбилиси (из-за нее я сперва и попал к Булгакову).

Это было время, думаю, едва ли не самое счастливое в писательской биографии Булгакова. Я подчеркиваю — счастливое, хотя это может показаться неожиданным. Ведь именно тогда на него обрушился, как я уже говорил, буквально шквал самой грубой критики. К его имени прилепили, как каинову печать, обобщающее словцо — булгаковшика. Но ведь при всем накале этого шквала, при всем нервном напряжении, какое ему пришлось вынести, — он жил! Он

находился в центре кипучих театральных битв! Он действовал! Он боролся! Он был "на коне"! Он был в славе! Когда он приходил поужинать в "Кружок", где собирались писатели и актеры (как нынче в Доме литераторов или в Доме актера), его появление сопровождалось оживленным шепотом. К нему, услужающе юля, подбегал тапер и тотчас, поспешив, возвращался к роялю и отбарабанивал понравившийся Булгакову модный фокстротик (кажется, "Аллилуйя"). Если в бильярдной находился в это время Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ним устремлялись любопытные.

С.А. Ермолинский
с.438-439 (15)

Я не успела еще сесть на предложенный Михаилом Афанасьевичем стул, как из третьей двери вышла женщина лет тридцати пяти, невысокая, миловидная. Лицо ее мне показалось усталым и невеселым. Булгаков познакомил нас. Не помню, назвал ли он Любовь Евгеньевну женой, или это и так было ясно. Она очень тепло, даже ласково, поздоровалась и сказала:

— Мне приходится сразу же проститься с вами.

У меня вырвался какой-то вопрос, вроде: "А как же обедать?" — и, глянув на красиво накрытый стол, я только тут заметила, что на нем всего два прибора.

Любовь Евгеньевна улыбнулась, внимательно посмотрела на меня:

— К сожалению, мне необходимо уйти.

Я не помню точно, как она это сказала, но смысл был тот, что Булгаков справится с обедом сам.

Я вдруг почувствовала себя неловко, словно неосторожно заглянула в чужую неблагополучную жизнь.

Ощущение не обмануло меня, в те же дни мои добрые знакомые,

хорошо знавшие Любовь Евгеньевну Белозерскую, рассказали мне, что отношения двух хороших, благородных людей не сложились и назрел разрыв. У Булгакова я больше не бывала и никогда не видела Любовь Евгеньевну, но милая грустная женщина запомнилась. Раза два я просила передать ей привет, Михаил Афанасьевич сдержанно благодарил.

Е.М. Шереметьева
с. 370 (15)

Мучает меня один секрет: уйдя к Любаше, Булгаков часто возвращался к Тане, оставался у нее и снова уходил, пока она, измученная, не бросила свою комнатушку на Садовой и не уехала к родным на Волгу. Так почему же он женился на Любаше?

Спрашиваю Елену Андреевну Земскую, племянницу Булгакова: почему? Молчит Земская, не знает или не хочет выдавать семейного секрета. А я все больше сомневаюсь... “Бывали у них актеры, веселье, шум, — говорит Земская. — Ему работать надо, просит потише, а она в ответ: — Мака, ты же не Достоевский...”

А. Шварц
с.50 (72)

Елена Сергеевна Шиловская, как говорила она сама, с семьей Булгаковых познакомилась в гостях и вскоре сделалась приятельницей Любови Евгеньевны, а потом стала женой Михаила Афанасьевича. Она часто запросто бывала в доме Булгаковых и даже предложила Михаилу Афанасьевичу свою помощь, так как хорошо печатала на машинке. Любовь Евгеньевна рассказывала мне, что ее приятельницы советовали ей на все это обратить внимание, но она говорила, что предотвратить все невозможно, и продолжала относиться к этому, как к очередному увлечению своего мужа.

И.В. Белозерский
с.215 (4)

Вот понемногу я и дошла до последних страниц воспоминаний и до последних дней нашей совместной жизни — ноябрь 1932 года.

Л.Е. Белозерская с.191 (4)

Не буду рассказывать о тяжелом для нас обоих времени расставания. В знак этого события ставлю черный крест, как написано в заключительных строках пьесы Булгакова "Мольер".

По своей натуре Любовь Евгеньевна была борец. Она старалась всегда отстаивать правду, хотя это стоило ей порой очень дорого.

И.В. Белозерский с.215 (4)

В 1932 году, как известно, Булгаковы разошлись. Любовь Евгеньевна, как всякая оставленная женщина, была оскорблена, и это чувство она сохранила надолго. К великому сожалению, она уничтожила письма к ней Михаила Афанасьевича.

По совету друзей Любовь Евгеньевна стала писать воспоминания о Михаиле Афанасьевиче Булгакове.

Как-то мы целой компанией были приглашены слушать только что написанный ею текст. На читке присутствовали Наталья Абрамовна Ушакова, двоюродная сестра Николая Николаевича Лямина, Елена Яковлевна Никитинская, которая была преподавательницей иностранных языков в балетной школе ГАБТа, ее сын и я. Читала Любовь Евгеньевна очень просто, без всякой аффектации, хорошо поставленным голосом. Эти воспоминания нам очень понравились.

Я спросил Любовь Евгеньевну: "Ведь не всегда Михаил Афанасьевич был к тебе справедлив, а ты совершенно это обошла вниманием в своих воспоминаниях". — "Он так много страдал, что я хочу, чтобы мои воспоминания были ему светлым венком".

Последние годы жизни Любовь Евгеньевна очень много сил и энергии посвятила памяти Михаила Афанасьевича. Она внимательно следила за литературой, посвященной Булгакову. Если находила ошибки,

старалась указать на них автору. Знала она произведения Михаила Афанасьевича блестяще, помнила, при каких обстоятельствах и по какому поводу они написаны и очень возмущалась нелепым фантазиям некоторых авторов, хотя к ошибкам относилась достаточно доброжелательно, если они не носили заведомо нарочитого характера, считая, что люди могут ошибаться и любую ошибку можно исправить.

Перед своей последней болезнью Любовь Евгеньевна читала в различных аудиториях свои воспоминания о Михаиле Афанасьевиче. Выступления эти всегда сопровождались неизменным успехом.

И.В. Белозерский с.220 (4)

С Любовью Евгеньевной Белозерской мы познакомились в конце сороковых годов в "Литературной газете", которая только что начала выходить в новом качестве, и острота, смелость выступлений привлекли на ее страницы лучшие литературные силы. Велись обсуждения жгучих проблем современности, возникали дискуссии, споры. В коллективе Любовь Евгеньевна умела разрешать их весело и остроумно. Она была проницательной, умной, доброжелательной и веселой. Я никогда не расспрашивала Любовь Евгеньевну о ее жизни в эмиграции. Но однажды, когда мы встречали у меня Новый год, она сама заговорила о прошлом, о том времени, когда была женой Михаила Булгакова. Теперь этот рассказ наслоился на то, что запечатлено в ее книге "О, мед воспоминаний", рукопись которой она предлагала в свое время "Москве", "Молодой гвардии"...

Наше знакомство не прерывалось и после того, как Любовь Евгеньевна ушла из "Литературной газеты", а я стала работать в "Москве". Не помню, чтобы она жаловалась на жизнь, не очень-то к ней

В.Б. Шапошникова
с.221-222 (4)

ласковую, или обывательски кого-то осуждала. Но возмущалась несправедливостью, неправдой, невежеством и нахальством...

С Любовью Евгеньевной Белозерской-Булгаковой я познакомилась почти на двенадцать лет позже, чем с Еленой Сергеевной. Видите ли, женщины — они ведь женщины, они ревновали друг к другу, и Елене Сергеевне очень не хотелось, чтобы я встречалась с Любашей, а я не могла причинить ей боль, и было невозможно что бы то ни было делать от нее втайне.

И Любовь Евгеньевна ревновала к памяти Елены Сергеевны. Потом, когда мы подружились, не раз говорила мне с горестным упреком: "Вы влюблены в Елену Сергеевну". Пока однажды я не ответила ей — не устно, устно постеснялась, а в письме: "Я в вас влюблена, Любовь Евгеньевна!" У нее был прелестный, легкий характер, она, приближаясь к своим девяноста, излучала жизнелюбие и стойкость, которых так не хватало мне, и, конечно, я была влюблена в нее. Но Булгаков... Булгаков любил другую, великолепную и чуть отчужденную. Его выбор был данностью, не подлежавшей обсуждению.

Л.М. Яновская
с.160 (78)

Е.С. умерла в 1970 году, и только в 1974-м, помнится, в феврале, я пришла к Любови Евгеньевне.

...В середине 70-х, когда Елены Сергеевны уже не было в живых, а я уже шла — не от нее, а к ней (во все последовавшие после ее смерти два с половиной десятилетия — не от нее, а к ней), я спросила однажды у Л.Е.Белозерской-Булгаковой: Какого происхождения была Елена Сергеевна? Из какой она семьи?

"Еврейка", — не задумываясь, сказала Любовь Евгеньевна. Как — еврейка? — попробовала возразить я. — У нее же мать была дочерью православного священника?" — "Насчет матери не знаю, — не вступая в полемику и не загораясь, небрежно сказала Любовь Евгеньевна. — А отец ее был еврей. У нее же фамилия — Нюренберг".

Я была тогда год или два знакома с Любовью Евгеньевной; дружба наша складывалась медленно, преодолевая какие-то глубинные пороги; это уж потом, за тринадцать лет нашего знакомства, отношения перешли в нежную и доверительную привязанность с ее стороны и просто любовь — с моей. А тогда я подумала насмешливо: Ну и ну! Как соперница, так уж и еврейка...

Потом я пойму, что в кругу, к которому принадлежала Любовь Евгеньевна (и Михаил Булгаков), антисемитизм был недопустим и находился под нравственным запретом; что Любовь Евгеньевна никогда не снисходила до лжи и, если что-нибудь говорила, то, разумеется, могла ошибиться, но говорила именно то, что думала; и что женщины, которых любил и с которыми дружил Булгаков, все были отмечены той печатью аристократической гордости, которая не разрешает — даже в обыкновенной женской ревности — опускаться до склоки, низких поступков или клеветы.

Л.М. Яновская
с.313-314 (78)

Это было в последний год жизни Любови Евгеньевны и в последнее мое посещение. В 1986 году. Она уже перешагнула за девяносто. Неудачно перешагнула: у нее был — бедствие старости, кошмар старости — перелом шейки бедра. От операции, пролежав два дня в переполненной воем и болью больнице, она отказалась. Кажется, без операции после такого перелома никто не встает? Она надеялась, что встанет. Человек невероятной жизнестойкости, считала, что если есть хоть один шанс из ста, нужно попробовать...

Почерк ее писем уже угасал, становился неразборчивым, как это бывает на склоне лет. А голос в телефонной трубке был приветливым, заинтересованным, свежим, как всегда. Она подробно объяснила мне, как найти ключ — под ковриком, конечно, но не у ее квартиры, а у другой, на втором этаже. Я нашла ключ и вошла в квартиру, где впервые хозяйка не встретила меня у двери в прихожей, а ждала в комнате, в постели...

Как-то не принято говорить об очаровании старости, да еще такой беззащитной, лежачей... Но был не только тонкий контур беспомощных ног под одеялом, на который она огорченно указала. Были живые, радующиеся вам глаза, живые, легкие руки, и свежая кофточка, и кокетливый шарфик, прикрывающий шею, увы, выдающую наш возраст... Это было не разрушение — это было торжество человеческого духа над разрушением, негасимая жизнестойкость и негасимая женственность. Ибо женственность, оказывается, не физиология, а духовность...

Я поставила чайник. Распаковала угощение. Какие-то обольстительные бутерброды "выбросили" тогда в лотке у гастронома на Арбате — с семгой, с какой-то невиданной колбасой или ветчиной, не то чтобы дешево, но доступно... Немного беспокоилась: что ей можно? соленое — можно? а сладкое? Оказалось, ей все можно — она слишком ценила вкус жизни и вкус хорошей еды... Она была женою Булгакова, и это осталось с ней навсегда...

Она не была ни жестокой, ни злой. Она была очень добра ко мне, и ее душевная теплота не раз согревала меня... Просто она была женою Булгакова!

Л.М. Яновская
с.38-40 (78)

Постепенно силы начали покидать ее. Еще за месяц до смерти она со своими друзьями встречала Новый год, даже выпила бокал шампанского. Ее друг Галина Александровна сказала, теперь надо ждать масленицу. Но Любовь Евгеньевна ничего не ответила. Умерла она тихо 27 января 1987 года.

И.В. Белозерский
с.222 (4)

1900-е

1910-е

1920-е

1930-е

Глава III

Портрет:

внешность, характер, увлечения, привычки, убеждения, вера, творческая мастерская.

Внешность

По-разному описывают его внешность, мне помнится очень гармонично созданный природой человек — стройный, широкоплечий, выше среднего роста. Светлые волосы зачесаны назад, высокий лоб, серо-голубые глаза, хорошее, мужественное, выразительное лицо, привлекающее внимание.

Е. Шереметьева с.368 (15)

Природа оформила Булгаковых в светлых тонах — все голубоглазые, блондины (в мать), за исключением младшей, Елены.

Л.Е. Белолозерская с.92 (4)

Михаил Булгаков был выше среднего роста, хорошо сложен, но лицо его было бесцветно, усы и бороду он брил; лицо же, волосы, брови были одинакового цвета, соломенно-желтого. Такие же бесцветно-серые были его глаза, смотревшие зло и насмешливо. Во время своего отпуска в 1917 г. он был ко всем очень снисходителен, много пел, сам себе аккомпанируя на рояле.

Л.С. Карумю Рукопись

Михаил Булгаков имел представительную наружность, был высокого роста, широк в плечах, узок в талии. Фигура что надо, на ней прекрасно сидел бы фрак. Все было бы очень хорошо, если бы не цвет. У него было все поразительно одинакового цвета, волосы и глаза, брови и ресницы. Все одинаково темно-желтого цвета. Волосы росли густо, в разные стороны торчком и не желали слушаться щетки.

Л.С. Карумю Рукопись

...Он не был особенно ярко-синеглазым. Синева его глаз казалась несколько выцветшей, и лишь изредка в ней вспыхивали дьявольские огоньки горящей серы, что придавало его умному лицу нечто сатанинское.

В.П. Катаев с.221 (30)

Одет он был, конечно, прескверно, шапчонка эта военная прескверная, без кокарды, конечно, и вот этот похабень. Еще во Владикавказе ему сшили толстовку из сурового льняного полотна — с карманами накладными, с поясом. Дома у него была пижама — Костя подарил ему заграничную — ему родители часто присылали посылки из Японии. Пижама была коричневая, в среднюю клетку, кажется, синюю с красным — как бывают шотландские юбки. И он всегда ходил дома в этой пижаме, и потом один знакомый — Леонид Саянский — даже изобразил его на карикатуре в этой пижаме...

Т.Н. Кисельгоф
с.239-240 (69)

Те, кому доводилось встречаться с Михаилом Афанасьевичем в ту пору, в середине двадцатых годов, помнят этого чуть сутулящегося, с приподнятыми плечами, светловолосого человека, с немного выцветшими глазами, с вечным хохолком на затылке, с постоянно рассыпавшимися волосами, которые он обыкновенно поправлял пятерней. Чувствовалась в этом особенная, я бы сказал, подчеркнутая чистоплотность как внешнего, так и внутреннего порядка.

М.М. Яншин
с.269 (15)

...С виду был похож на Чехова...

В.П. Катаев
с.304 (69)

Мне казалось, что самая внешность Булгакова была удивительно симпатичной: светлый блондин выше среднего роста, гибкий и быстрый в движениях, с серыми глазами, которые все замечали вокруг и отражали все, что совершалось в душе их владельца, Михаил Афанасьевич одевался старомодно опрятно. Это был студент десятых годов нашего века, юноша из "приличной" интеллигентной семьи, который повзрослел, но не забыл манер тех годов. Да и лексика его устной речи была несколько старомодной. В этом тоже сказывалась ирония. Потому что, если наряду со старинными речениями возникали вдруг современные словечки, они звучали особенно смешно и сатирично.

Да, Булгаков был не похож ни на кого. И не только по внешним манерам, но и по отношению к жизни, к действительности. По своему творчеству.

В.Е.Ардов
с.45 (2)

Сам обладатель этого огненного темперамента производил совсем другое впечатление. Высокий и костлявый, с довольно широкими плечами и несколько вихлявой походкой, он был похож скорее на хорошего рабочего. Рыжеватые волосы были гладко причесаны или торчали вихрами.

С.Н. Василенко
(11)

Устроив в печать "Белую гвардию" и получив деньги, Михаил Афанасьевич решил обновить свой гардероб. Он заказал себе выходной костюм и смокинг. Купил часы с репетиром. Приобрел после долгих розысков монокль. Как-то пришел посоветоваться — где бы ему можно было приобрести шляпу-котелок. Я ему предложил свой, который у меня лежал в шкафу с 1913 года, привезенный мною в свое время из Италии. Котелок был новый, миланской фабрики (без подкладки). Этому неожиданному подарку Михаил Афанасьевич обрадовался, как ребенок. "Теперь я могу импонировать!"— смеялся он.

Н.П. Ракицкий
с.172 (55)

Я провожаю Михаила Афанасьевича домой, в Нащокинский переулок. Идем молча. Не потому, что не о чем говорить, а потому, что Михаил Афанасьевич о чем-то задумался. Идет он быстро, не смо-

тря под ноги. Выражение лица все время меняется, как будто в голове его все время пробегают разные, сменяющие друг друга мысли...

Одет он в какое-то странное меховое пальто, не подбитое мехом, а мехом наружу, чуть нескладное, мешковатое и вместе с тем какое-то очень элегантное. На голове его — шапка этого же меха. И очень странно видеть, как он, такой неуклюжий в этом меховом одеянии, с необычайной легкостью движется своей молодой, упругой походкой по накатанному снегу бульвара.

Г.Г. Конский (33)

Рано поредевшие светлые волосы его тщательно приглажены, должно быть по утрам он долго их обрабатывает крепкой щеткой и туалетной водой. Галстук бабочкой. Парадный черный пиджак, брюки в полоску. Конечно, и сегодня прямо из редакции он отправится в театр на репетицию!..

А.И. Эрлих
с.68 (76)

Однажды в комнату „Четвертой полосы" занесена была странная весть: в витрине художественного ателье на Кузнецком мосту выставлен некий портрет, — новый, прежде его не было... Если бы не монокль с тесемкой, не аристократическая осанка в повороте головы, не легкая надменная гримаса левой половины лица, вызванная необходимостью зажимать подбровными мускулами оптическое приспособление, можно бы побиться об заклад, что это... это Михаил Афанасьевич... это Булгаков!

Как-то мимоходом мы проверили, — так оно и оказалось: он!..

Булгаков с моноклем, быть может, единственным в ту пору на всю страну... Не помню, кто из нас заметил тогда:

— Какой экспонат!

В первое мгновение никто не оценил всей значительности этого возгласа.

— Находка. Лучшее украшение для нашей выставки, — последовало разъяснение. — Купим? Один экземпляр в „Сопли и вопли".

Так мы и сделали. Наша настенная выставка всевозможных курьезов и нелепостей пополнилась новым экспонатом — портретом М. Булгакова с моноклем.

Потомственный русский интеллигент из благородной породы разночинцев, бывший врач и нынешний литератор, скромный труженик, еще так недавно бродивший по Москве в поисках заработка в ужасающе лохматой, должно быть, из пуделиного меха сшитой шубе, — и вдруг эта карикатурная стекляшка с тесемкой!.. В предательскую минуту, слишком упоенный собственным успехом, он потерял чувство юмора, так глубоко ему свойственное... Как могло случиться, что он не заметил, не почувствовал всей смехотворности своей негаданной барственной претензии?

Однажды он зашел в комнату „Четвертой полосы" и тотчас увидел собственный портрет среди прочих подробностей нашей веселой выставки.

Была долгая пауза.

Потом он обернулся, вопросительно оглядел всех нас и вдруг расхохотался.

— Подписи не хватает, — сказал он. — Объявить конкурс на лучшую подпись к этому портрету!.. Где достали? У Наппельбаума? Мы никогда больше не видели его с моноклем.

А.И. Эрлих
с.74-76 (76)

Михаил Афанасьевич был подчеркнуто вежлив, очень элегантен. Представьте себе человека, в 1925 году носившего монокль. Он как бы нарочито стремился провести грань между собой и окружающими.

И.В. Белозерский
с.213 (4)

С "Накануне" и началась слава Михаила Булгакова.

Вот уж не помню, когда именно и как он впервые появился у нас в респектабельной московской редакции. Но помню, что, еще прежде чем из Берлина пришла газета с его первым напечатанным в "Накануне" фельетоном, Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер. Все мы, молодые, чья ранняя юность совпала с годами военного коммунизма и гражданской войны, были порядочно неотесанны, грубоваты либо нарочито бравировали навыками литературной богемы.

В Булгакове все — даже недоступные нам гипсово-твердый, ослепительно свежий воротничок и тщательно повязанный галстук, не модный, но отлично сшитый костюм, выутюженные в складочку брюки, особенно форма обращения к собеседникам с подчеркиванием отмершего после революции окончания "с", вроде "извольте-с" или "как вам угодно-с", целованье ручек у дам и почти паркетная церемонность поклона, — решительно все выделяло его из нашей среды. И уж конечно, конечно, его длиннополая меховая шуба, в которой он, полный достоинства, поднимался в редакцию, неизменно держа руки рукав в рукав!

Э.Л. Миндлин
с.145-146 (15)

Память невольно уводит меня в ту далекую пору, когда я встретил Михаила Афанасьевича Булгакова в редакции "Гудка". С виду это был барин, спокойный, доброжелательный, насмешливый, с продолговатым лицом, зачесанными назад мягкими волосами и светлыми глазами.

Август Явич
с.157 (15)

...Зимой 1922/1923 года в комнате по коридору налево поселился Михаил Булгаков.

Он довольно высок ростом. Приталенный, типа френча, пиджак подчеркивает его стройность. Что доминирует в его облике? На мой взгляд, изящество и опрятность. Идеально белые, накрахмаленные воротнички и манжеты. Идеально выбритое лицо. Идеальный пробор ("Как вы делаете, что у вас такой пробор?" — спрашивает Рудольфи у Максудова в "Театральном романе"). Вещи на нем старенькие, но тщательно заштопанные и вычищенные ("Ничто так не мучает, как пятно на одежде", — признается Максудов). В этой подчеркнутой заботе о своей внешности — ни капли фатовства, только железная самодисциплина и чувство собственного достоинства ("Максудов!" — сказал я с достоинством...").

У нас он акклиматизируется быстро, и очень скоро комнаты наши становятся как бы общими. Свежевыбритый, подтянутый (никогда не вижу его ни в халате, ни в пижаме), он нередко завтракает с нами. Случается ему засиживаться в нашей столовой и вечерами, прихлебывая чай...

В.А. Лёвшин
с.172-173 (15)

Вспоминается первая встреча... нет, не встреча — это я в первый раз увидела Михаила Афанасьевича в конторе нашего театра у Федора Николаевича Михальского. Запомнился он мне навсегда — так вот он какой, знаменитый автор "Турбиных"!

Необыкновенно элегантный, подтянутый, со все видящими, все замечающими глазами, с нервным, очень часто меняющимся лицом. Холодный, даже немного чопорный с чужими и такой открытый, насмешливо веселый и пристально внимательный к друзьям или просто знакомым.

С.С. Пилявская
с.259 (15)

Булгаков был худощав, гибок, весь в острых углах, светлый блондин, с прозрачно-серыми, почти водянистыми глазами. Он двигался быстро, легко, но не слишком свободно.

А.М. Файко
с. 347 (15)

Он поразил нас с первого взгляда. Было в нем какое-то особое сочетание самых противоречивых свойств. Молодой, хорошо, даже с оттенком некоторого фатовства одетый блондин оказался обладателем отличных манер и совершенно ослепительного юмора. Он воспринимал жизнь с каким-то жадным, неистощимым интересом и в то же время был лишен созерцательности.

П.А. Марков
с.229-230 (42)

Сперва разговоры, толки, пересуды, а потом и спектакли "Дней Турбиных" не могли не вскружить ему голову. Он был слишком нервен, впечатлителен и, конечно, честолюбив. Внешне перемена выражалась довольно забавно: он заметно преобразил свой наружный вид, начиная с костюма. У Розы Львовны, среди скромных и малоэффектных людей, он появлялся в лихо отглаженной черной паре, черном галстуке-бабочке на крахмальном воротничке, в лакированных, сверкающих туфлях, и ко всему прочему еще и с моноклем, который он иногда грациозно выкидывал из глазницы и, поиграв некоторое время шнурком, вставлял вновь, но, по рассеянности, уже в другой глаз... В разговорах он почти не участвовал, характеристик, как лестных, так и нелестных, не поддерживал. Он явно чувствовал себя центром внимания, и по лицу его блуждала чуть усталая, но все же торжествующая улыбка. Литературных чтений в доме Розы Львовны, как правило, не происходило, но если кто-нибудь отваживался прочесть свои стихи, монокль начинал вертеться на пальце с удвоенной быстротой.

А.М. Файко
с. 349 (15)

Как передать словами облик, фигуру Михаила Булгакова?

У него была неповторимая, только ему свойственная привычка

быстро поворачиваться всем фасом к собеседнику. Как-то вроде бы на одной ножке быстро повернется всем корпусом, как-то слегка передернет плечами... Очень оригинально и очень мило. Стоять долго на одном месте он не мог, а время от времени как бы чуть-чуть пританцовывал, переступал с ноги на ногу.

В полном покое он почти не бывал.

Когда обращался с вопросом, то вопрос был не только в голосе, но и в лице и во всей фигуре. Быстро и непосредственно реагировал на все вопросы, выражение лица моментально менялось, жило. Было в нем что-то немножко от весеннего воробушка. Мне это в нем нравилось, но и невольно подчас вызывало улыбку.

М.П. Смирнова
с.418 (59)

Знакомство мое с Булгаковым произошло значительно позже — в сентябре 1939 года. Мы с женой поехали в Ленинград, чтобы посмотреть в одном из ленинградских театров мою тогда нашумевшую пьесу "Павел Греков" (я написал ее совместно с Б.Войтеховым). Идем по перрону Ленинградского вокзала, ищем спальный вагон, и вдруг я вижу, что навстречу нам, явно выискивая тот же вагон, идет бросающаяся всем в глаза пара: женщина, о которых принято говорить "интересная", и мужчина в распахнутой волчьей шубе, — шерсть на ней отливала серебром при свете перронных фонарей. Мужчина был в очках и тоже, с точки зрения женщин, принадлежал к той же породе — "интересных" мужчин.

Л.С. Ленч
с. 378 (15)

У него были необыкновенно ярко-голубые глаза, как небо, и они всегда светились. Я никогда не видел у него тусклых глаз. Это всегда были ярко горевшие интересом, жадностью к жизни глаза. Он

Е.С. Булгакова с. 383-384 (15)

безумно любил жизнь. И даже, когда он умирал, он сказал такую фразу: "Это не стыдно, что я так хочу жить, хотя бы слепым" Он ослеп в конце жизни. Он был болен нефросклерозом и, как врач, знал свой конец. Он ослеп. Но он так любил жизнь, что хотел остаться жить даже слепым...

В.П. Некрасов с.82-85 (47)

Дальше пошел рассказ о самом Мише. У него были очень крупные зубы. (“Да-да”, — подтвердил присевший в углу на стул хозяйкин муж, — у него были очень крупные зубы”...). А вообще Миша был высокий, светлоглазый, блондин. Все время откидывал волосы назад. Вот так — головой. И очень быстро ходил.

И.В. Кончаковская с.101 (77)

Я действительно сказала, что у Михаила Афанасьевича были крупные зубы. Но совсем не в том смысле, что зубаст был или зуб на нас имел!

А.М. Файко с. 350 (15)

До того, как Булгаков слег, он весьма охотно участвовал в домашних делах. Квартирно-семейный быт его вообще интересовал чрезвычайно. Он очень любил выходить к обеду и для этого даже переодевался, насколько было возможно в его состоянии. Снова обязательными оказались крахмальный воротничок и галстук бабочкой; монокль, разумеется, отсутствовал, но зато левый глаз смотрел весело и задорно.

Характер

Мишу помнит (речь идет о И.В.Кончаковской, дочери домовладельца — *сост.*) хорошо, очень хорошо. И характер его — насмешливый, ироничный, язвительный. Не легкий, в общем. Однажды даже отца ее обидел. И совершенно незаслуженно.

В.П. Некрасов с.86-89 (47)

— У Миши там вот кабинет был. — Хозяйка указала на стенку перед собой. — Больных принимал, люэтиков своих. Вы ж, очевидно знаете, что он переквалифицировался на венеролога. Так вот, у него всегда там почему-то краны были открыты. И все переливалось через край. И протекало. И все на наши головы... Чуть потолок не рухнул. Тогда отец мой, человек очень приличный, образованный и все-таки хозяин дома..., подымается наверх и говорит “Миша, надо все-таки как-то следить за кранами, у нас внизу совсем потоп...” А Миша ответил ему так грубо, так грубо...

Н.А. Булгакова-Земская с.75 (15)

Беспокойная он натура и беспокойная у него жизнь, которую он сам по своему характеру себе устраивает...

Н.А. Булгакова-Земская с.71 (15)

У Миши есть вера в свою правоту или желание этой веры, а отсюда невозможность или нежелание понять окончательно другого и отнестись терпимо к его мнению. Необузданная сатанинская гордость, развивавшаяся в мыслях все в одном направлении за папиросой у себя в углу, за односторонним подбором книг, гордость, поднимаемая сознанием собственной недюжинности, отвращение к обычному строю жизни — мещанскому и отсюда "право на эгоизм" и вместе рядом такая привязанность к жизненному внешнему комфорту, любовь, сознательная и оправданная самим, к тому, что для меня утратило свою силу и перестало интересовать...

Миша стал терпимее к маме — дай Бог. Но принять его эгоизма я не могу, может быть, не смею, не чувствую за собою прав... /Из записи в дневнике, 24. декабря 1912 г./

Вспоминая сейчас прошедшие годы нашей пестрой жизни, хочется полнее сказать о некоторых чертах характера Михаила Афанасьевича. Он был как-то застенчиво добр: не любил афишировать, когда делал что-то хорошее.

Был такой случай: нам сообщили, что у нашей приятельницы Елены Павловны Лансберг наступили роды и проходят они очень тяжело: она страшно мучается. Мака мгновенно, не говоря ни слова, направился в родильный дом. Дальше вспоминает сама Елена Павловна спустя много лет, уже тогда, когда М. А, не было на свете.

— Он появился совершенно неожиданно, был особенно ласков и так старался меня успокоить, что я должна была успокоиться хотя бы из чувства простой благодарности. Но без всяких шуток: он вытащил меня из полосы черного мрака и дал мне силы переносить дальнейшие страдания. Было что-то гипнотизирующее в его успокоительных словах, и потому всю жизнь я помню, как он помог мне в такие тяжелые дни...

Л.Е. Белозерская с.171-172 (4)

Мы часто опаздывали и всегда торопились. Иногда бежали за транспортом. Но Михаил Афанасьевич неизменно приговаривал: "Главное — не терять достоинства".

Перебирая в памяти прожитые с ним годы, можно сказать, что эта фраза, произносимая иногда по шутливому поводу, и было кредо всей жизни писателя Булгакова.

Л.Е. Белозерская с.174 (4)

Не раз я замечала, что Михаил Афанасьевич очень остро воспринимал отсутствие человеческого достоинства во всех его проявлениях — себя ли не уважал человек или — других.

Е.М. Шереметьева с.445 (69)

Как человек Михаил Афанасьевич отличался исключительным обаянием, так ярко отражавшимся в его улыбке, пытливых лукавых глазах и заразительном смехе; другая черта его — глубокое благородство: он был настоящим гуманистом. Деликатный даже в мелочах, он тонко чувствовал чужую жизнь. Если он порою мог с ней не считаться, то это объяснялось его постоянно вспыхивавшими новыми интересами, его непрестанным исканием. Интересы его были чрезвычайно гибки, широки и многогранны, он с живым вниманием вникал во все, что встречалось ему на жизненном пути. Иные повороты его внутренней жизни могли казаться неожиданными. Пытливый и вечно ищущий, человек беспокойного ума и мятежной души, он постоянно работал над собой; в своих частых колебаниях и сомнениях он мог всегда найти исход и не растеряться. Друг М. А. Булгакова в самом начале его литературной деятельности правильно предвидел, заметив в одном письме: "Он поймает свою судьбу, она от него не уйдет". Ум его был изобретательный и находчивый. Его беспокойство было беспокойством неизменно развивавшегося и ищущего новых путей таланта. Его энергия не оскудевала при всех заминках. В личной жизни человек крайностей, человек глубоких противоречий и переменчивых настроений, он в часы упадка находил выход в эмоциональном подъеме. Порою мнительный в мелких обстоятельствах жизни, раздираемый противоречиями, он в серьезном, в моменты кризиса не терял самообладания и брызжущих из него жизненных сил. Ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не шокировали. Он презирал не людей, он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, повседнев-

ность, карьеризм, неискренность и ложь, в чем бы последние ни выражались: в поступках, искательстве, словах, даже жестах. Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не могла стать правдой.

П.С. Попов с.542-543 (5)

Сам Михаил Афанасьевич был не из тех людей, которые склонны подчиняться кому-либо из близких, а скорее наоборот. У него был очень нелегкий характер, и важные решения он принимал всегда сам.

И.В. Белозерский с.213 (4)

Характер на первый взгляд был у него замкнутый и необщительный, но среди своих друзей и знакомых Михаил Афанасьевич както весь раскрывался, бывал очень весел и остроумен. Стоило, однако, явиться постороннему лицу, как он замыкался.

С.Н. Василенко (11)

Булгаков по натуре замкнут… Ни с кем из советских писателей он не дружит… Характер у него настойчивый и прямой… /Из агентурной записки ОГПУ/

с. 307 (74)

Булгаков был поразительно деликатен и очень хорошо воспитан. Он, не стремясь к тому, производил впечатление какого-то чуда по обаянию и доброжелательности. В том случае, конечно, если не "зажимался" из-за присутствия неприятных ему и грубых людей

В.Е. Ардов с.44 (2)

Что поражало в нем прежде всего — это острый, как лезвие, ум. Он проникал за внешние покровы мысли и слов и обнаруживал тайники души. (Вот это обнаруживание тайников души вы найдете во многих произведениях Михаила, самых серьезных.) Его прозорливость была необычайна. От него не было тайн. Беспощадный враг пошлости, лицемерия, косности и мещанства, он хотел видеть всех лучшими, чем они есть на самом деле, — эту мысль выразил он мне однажды. Он не только боролся с пошлостью, лицемерием, жадностью и другими человеческими пороками, он хотел сделать людей лучше. Проникая в чужую душу, он безошибочно отделял правду от лжи, уродливое от прекрасного и выносил беспощадный приговор самым страшным оружием — смехом! Но это одна сторона, а с другой стороны — этот блестящий непобедимый юмор, это сверкание обаятельной неповторимой личности.

А.П. Гдешинский с.54 (15)

Он был, конечно, очень умен, дьявольски умен и поразительно наблюдателен не только в литературе, но и в жизни. И уж, конечно, его юмор не всегда можно было назвать безобидным — не потому, что Булгаков исходил из желания кого-либо унизить (это было в коренном противоречии с его сущностью), но его юмор порой принимал, так сказать, разоблачительный характер, зачастую вырастая до философского сарказма. Булгаков смотрел в суть человека и зорко подмечал не только внешние его повадки, гиперболизируя их в немыслимую, но вполне вероятную характерность, но, самое главное, — он вникал в психологическую сущность человека. В самые горькие минуты жизни он не терял дара ей удивляться, любил удивляться…

П.А. Марков с.240 (15)

Грубо подтрунивать над кем-либо ему не позволяло воспитание, но если он смеялся, то непременно в типизирующих масштабах. Он мог пустить крылатую остроту: "Не в том беда, что ты Визун, а в том беда, что ты лизун", и эта стрела летела гораздо дальше реального,

всем нам знакомого Визуна. Про кого-то он сказал: "Этот человек лишен чувства юмора. С ним лучше не связываться. Скажи такому, что ты украл луну, — поверит". Про другого Булгаков заметил: "У него остроумие повисает на длинной ниточке слюны".

Август Явич
с.157 (15)

С приходом Катаева почти всегда появляется на столе любимое обоими шампанское. Я тоже получаю бокал и, скромно помалкивая, прислушиваюсь к беседе молодых титанов. Титаны демократичны, но не отказывают себе в удовольствии наставлять робкого дилетанта на путь истинный.

Булгаков делает это неизменно деликатно и сдержанно (фамильярность вообще не в его природе — не терпит ее по отношению к себе и не проявляет по отношению к другим. Неспроста максудовские "мучения от фамильярности"). Острый и саркастичный, он никогда не разрешает себе иронизировать по поводу моих писаний: предпочитает тон серьезный и взыскательный.

"Что вы хотели этим сказать? — спрашивает он, прочитав очередной мой опус. — Если ничего, к чему же было писать? Без мысли нет литературы, будьте благонадежны.

Присутствие интересной мысли извиняет в его глазах многие промахи. "Написано, конечно, неважно, даже попросту плохо, — говорит он в таких случаях, — но тут есть мысль. Работайте и... не торопитесь!

В.А. Лёвшин
с.177 (15)

С Михаилом Афанасьевичем Булгаковым я впервые встретился летом 1923 года. Писатель Юрий Слезкин написал новую "гайдамацкую" повесть и пригласил на ее чтение литераторов и издательских работников. Когда я пришел в Малый Козихинский переулок, где происходило чтение, там уже собралось довольно много народа. Слезкин и познакомил меня с Булгаковым, рекомендуя его как хорошего беллетриста.

Ничего подчеркнуто писательского в нем я не заметил. Держался он очень скромно, мило и просто. В перерыве между чтением повести, мы с Михаилом Афанасьевичем присели рядом у окна, в некотором отдалении от других, и я предложил ему принести что-нибудь готовое для сборников "Недра", в редакции которых я в то время работал. Он поблагодарил за приглашение и пообещал непременно зайти...

П.Н. Зайцев
с.237 (15)

Вспоминаются его пристальный, ясный, проникающий прямо тебе в глаза взгляд, подвижность плотной спортивной фигуры, чуть откинутая назад голова. Общение с ним было непростым: напряженным и в конечном счете ответственным, хотя он никогда не давал этого понять. Михаил Афанасьевич мог быть резким, когда речь шла о чем-то для него принципиально важном, азартно спорил, был острым в восприятии и реакции человеком. Нейтрального отношения и безразличного общения он не принимал.

В.Я. Виленкин (13)

Какой был Булгаков человек? На это можно ответить сразу. Бесстрашный — всегда и во всем. Ранимый, но сильный. Доверчивый, но не прощающий никакого обмана, никакого предательства. Воплощенная совесть. Неподкупная честь. Все остальное в нем, даже и очень значительное, — уже вторично, зависимо от этого, главного, привлекавшего к себе, как магнит.

В.Я. Виленкин
с.379 (12)

Надо признаться, что первая встреча с ним несколько озадачила меня. Он был безукоризненно вежлив, воспитан, остроумен, но с каким-то "ледком" внутри. Вообще он показался несколько "колючим". Казалось даже, что, улыбаясь, он как бы слегка скалил зубы. Особенное впечатление произвел его проницательный, пытливый взгляд. В нем ощущалась сильная, своеобразная, сложная индивидуальность...

Вскоре после начала репетиций исчезла и некоторая настороженность и замкнутость Булгакова. Сползла и "маска", которая, как оказалось, прикрывала его скромность и даже застенчивость. Взгляд его стал мягким и все чаще поблескивал. Улыбка становилась все обаятельнее и милее. Он стал каким-то свободным, весь расправился, его движения, походка стали легкими и стремительными. Работа не только увлекала его, но, по-видимому, и удовлетворяла. Все чаще проявлялись его жизнелюбие и блестящий юмор. Отношения с Михаилом Афанасьевичем становились все более и более простыми, товарищескими. Иногда по окончании работ он вместе с занятыми в пьесе актерами, вдвоем или втроем, заходил посидеть часок, большей частью в кафе на улице Горького, которое помещалось в несуществующем теперь старом доме между улицами Огарева и Неждановой. Там он раскрывался совершенно. Был очень остроумен, рассказывал разные эпизоды, иногда фантазировал. Рассказывал ли он или просто балагурил — все было не только интересным, но и содержательным. Суждения его были метки, наблюдательность поразительна, проницательность изумляюща. Вспоминается, как он доставал папиросу, брал спички, закуривал и вкусно затягивался. Взгляд его становился весело-лукавым. Это значило, что сейчас возникнет новая интересная тема или начнется новая блестящая импровизация.

Е.В. Калужский
с.244-245 (15)

Это был человек, который, когда появлялся где-нибудь, то очень скромно. Он никогда не претендовал на первое место, но невольно так получалось благодаря его остроумию, благодаря необычайной жизненной силе, бурлящей в нем. Всегда вокруг него начинались разговоры, споры, а главное, его заставляли рассказывать, потому что он был мастер рассказа. Он создавал тут же какие-то новеллы, при этом блестяще показывал их как актер. Он бегал в соседнюю комнату, тут же переодевался в женщину или мужчину, ему было совершенно все равно...

Е.С. Булгакова
с. 384 (15)

Удивительно обаятелен бывал Михаил Афанасьевич, если собирались компания друзей — у него или в другом доме. Его необыкновенно предупредительная вежливость сочеталась с необыкновенной же скромностью... Он словно утрачивал третье измерение и некоторое время пребывал где-то на самом заднем плане. Весь шум, сопровождавший сбор гостей, он пережидал как бы в тени. Никогда не перебивал рассказчика, не стремился стать "душой общества". Но непременно возникал такой момент, когда Михаила Афанасьевича просили что-нибудь рассказать. Он не сразу соглашался... Это не было похоже на то, как "кобенится" домашнее дарование, перед тем как обнаружить свои возможности перед захмелевшими гостями. Булгаков был поистине застенчив. Но, преодолев застенчивость, он прочно овладевал вниманием общества. Я знал много людей, которые шли куда-нибудь специально послушать Михаила Афанасьевича.

В.Е. Ардов
с.48-49 (2)

Простота, искренность, все пронизывающий юмор, благородство, свобода и застенчивость — все в нем казалось особенным. Булгаков

Е.М. Шереметьева с.369 (15)

был очень ярким человеком, и я часто рассказывала о нем друзьям; вероятно, потому недолгое знакомство с ним сохранила память.

Е.М. Шереметьева с.370-371 (15)

У него были ловкие руки, точный глазомер, мгновенная реакция на неожиданность, изобретательность — все, что он делал, выходило естественно, изящно, все, что он делал, до мелочей, было талантливо.

А.М. Файко с. 350 (15)

Они зашли ко мне проститься. После короткого прощания (Михаил Афанасьевич не любил сентиментальностей) я подошел к окну и глядел на них с четвертого этажа...

В.Я. Виленкин (13)

Вероятно, у него бывали моменты отчаяния, но он их скрывал даже от друзей. Я лично не видел его ни озлобившимся, ни внутренне сдавшимся, ни замкнувшимся в себе. Он сохранял чувство юмора, который, правда, становился все более саркастическим.

В.Я. Виленкин с.389 (12)

Булгаковский сарказм нередко касался театрального и литературного мира. Но я никогда не слыхал от него ни одной завистливой фразы, и он никогда не противопоставлял себя другим писателям, судьба которых складывалась счастливее.

Е.М. Шереметьева с.199 (75)

При большой сдержанности Михаила Афанасьевича все-таки можно было заметить его редкую впечатлительность, ранимость, может быть, нервность. Иногда и не уловишь, отчего чуть дрогнули брови, чуть сжался рот, мускул в лице напрягся, а его что-то царапнуло

В.П. Катаев с.220 (30)

Он любил поучать — в нем было заложено нечто менторское. Создавалось такое впечатление, что лишь одному ему открыты высшие истины не только искусства, но и вообще человеческой жизни. Он принадлежал к тому довольно распространенному типу людей никогда и ни в чем не сомневающихся, которые живут по незыблемым, раз навсегда установленным правилам. Его моральный кодекс как бы безоговорочно включал в себя все заповеди Ветхого и Нового заветов.

Впоследствии оказалось, что все это было лишь защитной маской втайне очень честолюбивого, влюбчивого и легкоранимого художника, в душе которого бушевали незримые страсти.

Т.Н. Кисельгоф с.99 (51)

...Вообще, Булгакова многие не любили.

с.406 (61)

О Булгакове я мало чего могу сказать Вам хорошего. Он был надменен, высокомерен. Он плохо относился к Маяковскому, а для меня Маяковский был все. Я виделся с ним чаще всего в компании Черемныха и Бухова, особенно Бухова.

Н.А. Булгакова-Земская с.587 (69)

Вообще Михаил легко бросал людей — был очень требовательным.

Е.М. Шереметьева с.197 (75)

Мне напоминало отца рыцарски-заботливое отношение Булгакова к женщине. Смешно говорить, что Михаил Афанасьевич не мог сидеть в трамвае, если рядом стояла женщина; оберегая свою спутницу, он не мог причинить неудобство другим женщинам; внимание, помощь, если она была нужна и уместна, он оказывал легко, естественно.

Булгаков давно перешагнул через свое столетие, и я надеюсь, он меня простит, если я открою маленькую тайну: он был влюбчив. Удивительно, но каждая женщина, в которую он влюблялся — а влюблялся он, особенно смолоду, отчаянно, что называется по уши, буквально угорая от любви,— была уверена, что в его жизни она одна. И может быть, не ошибалась?...

Л.М. Яновская с.134 (78)

Женат был трижды. Все три женщины, поочередно носившие его имя, были прекрасны, женственны, благородны и заслуживали восхищения и любви. И в каждую из них — поочередно — он был влюблен. Но королевой назвал только одну из них (Е.С.Булгакову — *сост.).*

Л.М. Яновская с.265 (78)

Как-то мы с Михаилом Афанасьевичем долго бродили по Москве, подошли к Арбатской площади, и он предложил пообедать в ресторане "Прага" на углу Арбата и Поварской (улицы Воровского). К концу обеда мы поспорили о заметке в газете, смысл которой поняли по-разному. Чтобы разрешить спор, Михаил Афанасьевич пошел купить газету в киоске внизу.

Официант, видимо, встревоженный исчезновением моего спутника, топтался вблизи нашего столика. Я попросила его получить за обед и заплатила. Я ожидала, что Михаил Афанасьевич обидится, но не так... Он показался в дверях, я пошла ему навстречу, официант уже собирал посуду на столе. Булгаков понял, что за обед заплачено. Лицо его мгновенно осунулось, во взгляде было возмущение и отстраняющий холод. Он спросил только: — Зачем?

Я совершенно растерялась, не помню, что говорила, не знала, как исправить, загладить свою бестактность. Булгаков не сразу простил мне ее.

Е.М. Шереметьева с.199 (75)

Моисеенко такие там были, Михаил меня познакомил. Соболевский такой к нам приходил. Он то ли к театру какое-то отношение имел, то ли стихи писал... не помню. Потом он как-то быстро исчез. То ли его забрали, то ли за границу удрал, не знаю. Не большевик, в общем. Потом еще две сестры были — Вера и Ольга Туркул. У них мы 1921-й год встречали. Они одни жили. Одна шляпки шила, а другая сапожничала. Где-то Михаил с ними познакомился.

Ой, с кем он только не знакомился! Это такая крутила была — что-то ужасное.

Т.Н. Кисельгоф с.78 (51)

...У него вообще баб было до черта.

Т.Н. Кисельгоф с.78 (51)

Вера Федоровна была, кажется, дочерью священника, Иван Павлович — сын чиновника из Владикавказа (речь идет о семье Крешковых — *сост.*). Он преподавал математику в Военной академии, в Петровском парке. Она была такая... солидная женщина, и Булгаков от нее млел — он любил пышных. И все говорил мне: “Позови к нам Веру Федоровну, а Ивана Павловича не зови”. И Иван Павлович не любил, когда она говорила: “Пойду к Татьяне Николаевне” — ревновал ее к Булгакову.

Т.Н. Кисельгоф с.183 (69)

По мере того как росла популярность М. А. как писателя, возрастало внимание к нему со стороны женщин, многие из которых (nomina sunt odiosa) (латинское изречение: “Не будем называть имен” — *сост.*) проявляли уж чересчур большую настойчивость...

Л.Е. Белозерская с.149 (4)

Я заметила за М.А. ясно проступавшую в те времена черту: он значительно легче и свободней чувствовал себя в беседе с женщинами...

Л.Е. Белозерская с.116 (4)

Булгаков любовался и даже гордился Марикой, как очаровательной младшей сестренкой, и — к сердечному спокойствию Любови Евгеньевны — в этом случае не давал повода для ревности.

И все-таки однажды где-то прозвучало: "А Булгаков-то — черкешенку привез! И как Люба терпит?" Марика вспыхнула и, как ни уговаривали Булгаковы (Люба хохотала: "Боже, какие дураки!" Уговаривала: "Да не слушай, мало ли кто что говорит. Разве я стала бы терпеть, если бы так думала?), немедленно убралась к подружке на Гоголевский бульвар.

Потом Булгаковы уезжали отдыхать под Ленинград. Уговорили Марику вернуться в дом — сторожить квартиру. Потом возвратились — и она осталась у них.

Л.М. Яновская с.149 (78)

...В 1928 году окончательно переехала в Москву и долгое время (около 2-х лет) жила у Булгаковых на Б.Пироговской... Из этого дома в октябре 1929 года вышла замуж за Сергея Ермолинского, сопровождаемая слезами хозяйки дома, домработницы Маруси и своими собственными. Открыв чемодан, я обнаружила в нем бюст Суворова, всегда стоявший на письменном столе Михаила Афанасьевича.

Я очень удивилась. Булгаков таинственно сказал: ”Это, если Ермолинский спросит, где твой бюст, не теряйся и быстро доставай бюст Суворова”. Поднялся смех, и прекратились слезы...

М.П. Чемишкян с.397-398 (59)

С Марикой у Булгакова романа не было. Была взаимная симпатия, нежная и искренняя, с оттенком преклонения с ее стороны (она была лет на пятнадцать моложе), а с оттенком отеческого покровительства — с его.

Л.М. Яновская с.136 (78)

С замужеством Марика ушла из булгаковского дома. И осталась в нем навсегда. По-прежнему при каждом удобном случае прибегала сюда. Обожала Булгакова. Дружила с Любашей. "Что ты все бегаешь к Булгаковым?" — ревновал Ермолинский.

Л.М. Яновская с.181 (78)

Первое время Ермолинский не без ревности упрекал меня, что я больше интересуюсь делами Булгакова, чем его собственными.

М.П. Чемишкян с.398 (59)

Я приехала с дачи в Москву, сдала чертежную работу. (Работала в то время по договору с Наркоматом путей сообщения.) Приятное чувство свободы, можно никуда не торопиться. Дети на даче с сестрой, муж в Луганске на практике, а я побродила по Москве, купила цветы весенние, желтые, кажется, мимозы. Настроение праздничное. Солнце.

Издали увидела, идет кто-то навстречу: не очень большого роста, хорошо одет, даже нарядно. Запомнился добротный костюм серо-песочного цвета, спортивного или охотничьего покроя, краги. Быстро взглянули в глаза друг другу. Разошлись.

Вдруг замечаю, что кто-то идет слева, чуть-чуть сзади, молча рассматривает меня.

Я посмотрела: тот самый, что шел навстречу. Прибавила шагу. Он тоже. Так шли некоторое время. Он что-то спросил про цветы, я не ответила. Я терпеть не могла уличных знакомств. Он несколько раз начинал что-то говорить — я не обращала внимания. Он продолжал говорить. Я не выдержала наконец, сказала, что он напрасно тратит время — я на тротуарах не знакомлюсь, и шел бы он лучше домой...

Краем глаза я видела, что он почему-то взволнован.

Вдруг он как-то необыкновенно мило, просто, не шаблонно попросил меня минуту помедлить, чтобы можно было представиться. Снял головной убор, очень почтительно, своеобразно поклонился, сказал: “Михаил Булгаков”.

Фамилия знакома, но кто, кто это?

Я сразу почувствовала, что это хорошо воспитанный, незаурядный человек <...>

После первых же фраз говорить стало необыкновенно легко, товарищески просто, как будто мы век знали друг друга, как будто вчера только расстались <...>

В начале знакомства мне не совсем понравилась некоторая вольность в обращении. На какой-то мой ответ, особенно понравившийся ему, он рассмеялся и с восторгом обнял меня за плечи. Я была страшно возмущена, хотела тут же уйти. Он понял, серьезно так посмотрел на меня, извинился, сказал: “Поверьте, это никогда больше не повторится!” <...>

Больше никаких эксцессов не было, и беседа наша была необычайно занимательна, откровенна. Мы никак не могли наговориться, никак не могли расстаться...

Ни ему, ни мне не хотелось расстаться. Возникла необыкновенная близость, какое-то чрезвычайное сердечное влечение. Мало сказать — в первый же день, а даже просто с первых же фраз. К концу дня у меня было такое ощущение, что мы знакомы очень давно, — так было легко, подружески отвечать на все его житейские вопросы <...>

Я была уверена, что я самая обыкновенная, ничем не примечательная. А по своей скромности, стеснительности в обществе — даже хуже многих. (Постепенное падение слуха угнетало меня и мешало мне быть находчивой и смелой в компании, поэтому я всегда предпочитала остроумную беседу с глазу на глаз).

И вдруг Булгаков с первых же слов начал петь дифирамбы моей внешности. Сначала я приняла это как светские комплименты, отмахивалась от этого. Подтрунивала над ним, что он где-то привык говорить женщинам приятные вещи. А потом мне, конечно, стало нравиться его такое рыцарское обожание. “Ведь сердцу женскому всегда приятна лишняя победа...”

М.П. Смирнова
с.403-411 (59)

Помню, часто в конце двадцатых годов Булгаков приходил в существовавший тогда "Кружок друзей искусства и литературы" (это был подвал в Воротниковском переулке, где в начале 1930 года вместо него открыли Дом работников искусств).

Так вот, придет, бывало, Михаил Афанасьевич в ресторан "Кружка" и садится один за столик ужинать. Моя дружба с Булгаковым началась с того, что всякий раз, как мы встречались в "Кружке", я подсаживался к нему. Такие встречи приносили мне большую радость. В обществе людей, к которым он не относился с неприязнью, Булгаков был удивительно обаятелен, мил и весел. Помню, например, как я был доволен, когда Михаил Афанасьевич по-хвалил один мой юмористический рассказ. Один! Ибо не часто расточал он комплименты: лгать в литературных делах он просто не умел.

В.Е. Ардов
с.41 (2)

— *Что нибудь отличало его от других писателей?*

— Отличало. Он был интеллигентный. Ведь меня другие писатели упрекали, почему я их роман на видное место не поста-

К.И. Миркина
с.345 (69)

вила. А он никогда даже не упоминал об этом! Очень выделялся своей интеллигентностью...

Вчера пошли вечером в Клуб актера на Тверской. Смотрели старые картины (кинофильмы — сост.)... Потом ужинали. Все было хорошо, за исключением финала. Пьяный Катаев сел, никем не прошенный, к столу, Пете сказал, что он написал — барахло — а не декорации, Грише Конскому — что он плохой актер, хотя никогда его не видел на сцене и, может быть, даже в жизни. Наконец, все так обозлились на него, что у всех явилось желание ударить его, но вдруг Миша тихо и серьезно ему сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь. — "Валя, Вы жопа".

Е.С. Булгакова
с.248 (21)

Катаев ушел мрачный, не прощаясь. /Из дневника 25 марта 1939 г./

Михаил Афанасьевич совершенно не умел чваниться: его вежливость создавала у человека впечатление, что он, собеседник, не менее умен и одарен, чем сам Булгаков: так строил свои реплики Михаил Афанасьевич, такая в нем была учтивость.

В.Е. Ардов
с.44 (2)

Вчера с Борисом Эрдманом пошли поужинать в Жургаз.

Там оказались все: и Олеша, и Шкваркин, и Менделевия, и мхатчики, и вообще знакомые физиономии. Все сидят и едят раков.

К нашему столику все время кто-то подсаживался: несколько раз Олеша, несколько раз Шкваркин, Дорохин, подходили Станицын, Комиссаров, еще какой-то — не помню фамилии...

Кончилось все это удивительно неприятно. Пьяный Олеша подозвал вдребезги пьяного некоего писателя Сергея Алымова знакомиться с Булгаковым. Тот, произнеся невозможную ахинею, набросился

на Мишу с поцелуями. Миша его отталкивал. Потом мы сразу поднялись и ушли, не прощаясь. Олеша догнал, просил прощения. Мы уехали на ЗИСе домой. Что за люди! Дома Миша долго мыл одеколоном губы, все время выворачивал губы, смотрел в зеркало и говорил — теперь будет сифилис! /Из дневника 11 июля 1939 г./

Е.С. Булгакова
с.271 (21)

Кошку Муку М. А. на руки никогда не брал — был слишком брезглив, но на свой письменный стол допускал, подкладывая под нее бумажку. Исключение делал перед родами: кошка приходила к нему, и он ее массировал.

Л.Е. Белозерская
с.139 (4)

Я считал его очень мнительным. Он любил аптеки. До сих пор на Кропоткинской стоит аптека, в которую он часто хаживал. Поднявшись на второй этаж, отворив провинциально звякающую дверь, он входил туда, и его встречали как хорошо знакомого посетителя. Он закупал лекарства обстоятельно, вдумчиво. Любил это занятие.

У меня был песик — такса. Звали его Таки-Тяпа, а если перечислить его имя по родословной, то получалось: Таки-Тяпа-Тайту-Тимбукту-Ассурабанипал 2-й Джерри-Чаплин 1-й. К этой родословной Булгаков относился с превеликим уважением. "Хорошая родословная и собаке нужна. Порода — это серьезная штука". И он трепал пса за уши, приговаривая: "Да, брат, вот и наследственные признаки литературной неврастении намечаются". Любовно гладил и тут же бежал мыть руки. А Тяпа опять преданно вертелся возле него — и повторялось: гладил и бежал мыть руки.

Я посмеивался над ним, а он смотрел на меня снисходительно.

— Каждый человек, — говорил он, — должен быть врачом в том

смысле, чтобы настороженно относиться ко всем незримым врагам. Их миллионы. Ты невежественный и легкомысленный человек, целуешь собаку в нос.

С.А. Ермолинский с.153-154 (25)

У Михаила в жизни было одно увлечение, о котором не известно его биографам. Он очень любил детей, в особенности мальчишек. Он умел играть с ними. Он умел им рассказывать, умел привязать их к себе так, что они за ним ходили раскрывши рот.

Н.А. Булгакова-Земская с.55 (15)

Тася не была красива, но была очень хорошей женщиной, тихой и любящей женой, худенькой и незаметной. Детей у них не было. Это было категорическое условие Михаила...

Л.С. Карум Рукопись

А интересно, почему у Булгакова за всю жизнь детей не было?

— Потому что я не хотела.

Ну, а потом?

— А потом я не знаю. Потом уж... Елена Сергеевна... Она, кажется, старше его была (она была на два года младше. — *сост.*). У нее уже было два сына. Он любил чужих детей, не своих. Потом у меня никогда не было желания иметь детей. Потому что жизнь такая. Ну, что б я стала делать, если б у меня ребенок был? А потом он же был больной, морфинист. Что за ребенок был бы?

Т.Н. Кисельгоф с.49 (51)

Дым (сын М.А.Пазухиной — *сост.*) здесь сделался положительно приятелем всех писателей. На берегу он переходит от одного к другому... Особенный любимец он у писателя Булгакова и его жены. Она мне как-то на днях при встрече сказала, что влюблена в моего

Дыма; он сам подолгу забавляется с ним на берегу, они там кувыркаются, тот встает вниз головой. Дым ему подражает, чем очень потешает всех; а сегодня Булгаков встретил его приветствием: "Здравствуй, красавец мой неописуемый"

М.А. Пазухина с. 419 (8)

Как я выяснила с женой Булгакова... Дым даже вдохновил их иметь своего, — только если бы она знала, что мальчик. (...) Сам Булгаков с ним у моря ходит на голове, кувыркается, и Дым ему во всем подражает. И никогда он не пройдет мимо него, не поговорив и не пошалив с ним. Мария Александровна как-то сказала Михаилу Афанасьевичу: "А я скажу Вам вот что, — у Вас большая потребность иметь собственного сына, и Вы будете очень хорошим отцом". "Он сначала сказал так задумчиво: "Да, — а потом говорит, — вы это сказали наверное по поводу Дымка. Нет, я и так хотел бы иметь, если бы знал, что он будет здоровый и умный, а не идиот, — тогда я хотел бы иметь, а так как я знаю, что он здоровым не может быть (он сам болезненный и нервный), то и не хочу. Ну, а Дымулю вашего я в частности страшно люблю. Это удивительный мальчик, с такой лукавой улыбкой — иногда даже кажется, что он обдумывает диссертацию, и страшно занятный мальчик, и страшно симпатичный..." Много говорил, я уж не запомнила, а Мария Степановна стояла и поддакивала... Он прямо с поразительной нежностью к нему относится, с каким-то... богатством чувств..." /Из письма от 7 июля 1925 г./

М.А. Пазухина с. 419-420 (8)

...Судьба свела нас в одном доме: мы стали жить в смежных подъездах писательского дома в Нащокинском переулке (ныне улица Фурманова). К тому же, помимо старых приятельских отношений, у

нас появилась еще одна причина для частых встреч: пасынок Михаила Афанасьевича — Сережа Шиловский (ему было лет восемь) подружился с моим пасынком Алешей Баталовым (а Алеше исполнилось шесть лет). Мальчики вместе гуляли и играли. Булгаков, очень трогательно друживший с Сережей, часто заходил к нам вместе с ребенком.

В.Е. Ардов с.44 (2)

В памяти моей достаточно рельефно и сегодня еще возникает картина появления Михаила Афанасьевича в нашей крошечной квартире первого этажа в Нащокинском переулке. Вот он входит вместе с Сережей. Происходит, несколько церемонно, обряд взаимных приветствий. Затем мальчики изъявляют желание отправиться поиграть во двор. Михаил Афанасьевич дружески и вместе с тем строго предупреждает пасынка против возможных эксцессов во время этой прогулки. Говорит он тихим голосом, но услышать можно. И тут бросается в глаза его удивительная манера говорить даже с ребенком: уважительно и мягко, заставляя Сережу логически мыслить вместе с собою. Примерно так:

— Ну, сам посуди, друг мой, в каком виде предстанем мы перед твоей мамой, если ты поведешь себя недостойным образом,— например, испачкаешь или порвешь платье, примешь участие в драке и так далее... Очень тебя прошу: подумай и о моей ответственности за твое поведение...

Если бы не бесконечная доброта Михаила Афанасьевича и его лучистый юмор, такие нотации производили бы впечатление нудных. Но Булгаков изредка косит и на меня большим серым глазом — оцениваю ли я смысл его речей?— и к мальчику наклоняется так доверительно, с такой деликатностью и любовью, что трудно сдерживать смех... А смеяться нельзя: ведь это педагогическая акция!..

В.Е. Ардов с.46-47 (2)

М.А. *...Жену мою зовут Елена Сергеевна. И живем мы втроем: она, я и 8-летний Сергей, мой пасынок, — личность высоко интересная. Бандит с оловянным револьвером и учится на рояле. /Из письма А.П.Гдешинскому, 2 марта 1935 г./*

Миша иногда, глядя на Сергея малого, разводил руками, поднимал плечи и говорил: "Немезида!.. Понимаешь ли ты, Сергей, что ты — Немезида?" На что Сережка оскорбленно отвечал: "Мы еще посмотрим, кто Мезида, а кто Немезида!" И приводил этим Мишу в восторг. Вообще он все время задевал мальчишку. "Эх, Сергей, как тебе не стыдно, как ты читаешь!.. Те..ле...фон... Позор! Тебе шесть лет, а ты по складам читаешь?" Сергей отвечал: "Ну да, когда меня только сейчас учить начали... вот если бы начали в два года! Вот я теперь бы читал! Во — как читал!.." — и тяжко вздыхал при этом. "Довольно, довольно! Ах, если бы мне вернуть молодость!... фаустовские настроения... оставь, оставь, Сергей, ты эту андреевщину!.." И Сергей, уже хохоча, приставал к нему, что такое андреевщина. Их разговоры, их отношения — это вообще было представление, спектакль для меня. Если Миша ехал кататься на лодке и Сергей приставал, как о том и мечтал Миша, к нему, чтобы его взяли с собой, Миша брал с него расписку, что он будет вести себя так-то и так-то (эти расписки у меня сохранились, конечно). По пунктам — договор и подпись Сергея. Или в шахматы. Миша выучил его играть, и когда выигры-

вал Сергей (сами понимаете, это надо было в педагогических целях), Миша писал мне записку: "Выдать Сергею полплитки шоколаду". Подпись. Хотя я сидела в соседней комнате. — А то они писали заговорщицкое письмо и клали его в почтовый ящик на двери и всячески вызывали меня посмотреть: нет ли чего в ящике... /Из письма А.С.Нюренбергу, 23 февраля 1961 г./

Е.С. Булгакова с.328-329 (21)

...Весной была такая игра: мух было мало в квартире и М.А. уверял, что точно живет в квартире только одна старая муха Мария Ивановна. Он предложил мальчикам по рублю за каждую муху. И те стали приносить, причем М.А. иногда, внимательно всмотревшись, говорил — эта уже была. С теплом цена на мух упала сначала до 20 копеек, а потом и до пятачка. /Из дневника 29 сентября 1937 г./

Е.С. Булгакова с.169 (21)

М.А. *...Сергей поступил в школу, а помимо этого я ношусь с мыслью сделать из него пианиста. Он занимается у хорошего преподавателя, а со мною играет в четыре руки. Посмотрим, что из этого выйдет. /Из письма Н.К.Шведе-Радловой, 13 сентября 1935 г./*

Живем мы, поживаем, дружно, мирно, любовно. Сергей объявил, что скоро приходит срок — пять лет, как мы все трое вместе, и что теперь, как только пять лет пройдет, уж он становится сын Потапа (то есть Миши), и даже имеет право вписаться в его паспорт. Кроме того, он намерен переменить свое отчество и фамилию и называться: Сергей Михайлович Булгаков.

Е.С. Булгакова с.314-315 (78)

М.А. *...Умоляю — смотри за Сергеем на реке! Запрети кувыркаться в воде категорически. По словам Настасьи, бедный Юра утонул на мелком месте. Упоминаю об этом печальном только затем, чтобы ты не спускала глаз с Сергея! Поцелуй его и не давай ему трепаться словесно. /Из письма Е.С.Булгаковой, 22 июля 1938 г./*

Привычки, увлечения

Вот он подогнул под себя на стуле левую ногу, осел на нее всей тяжестью корпуса, — значит, сейчас будет готовить подборку заметок в очередной номер газеты: мы уже знаем — Михаил Афанасьевич пишет не иначе, как сидя на собственной ноге.

А.И. Эрлих с.66-68 (76)

Идет 1927 год. Подвернув под себя ногу калачиком (по семейной привычке: так любит сидеть тоже и сестра М. А. Надежда), зажегши свечи, пишет чаще всего Булгаков по ночам. А днем иногда читает куски какой-либо сцены из "Багрового острова" или повторяет какую-нибудь особо полюбившуюся ему фразу.

Л.Е. Белозерская с.130 (4)

Он не очень-то любил дальние прогулки. Кроме Карадага, мы все больше ходили по бережку, изредка, по мере надобности, купаясь. Но самое развлекательное занятие была ловля бабочек. Мария Степановна снабдила нас сачками.

Вот мы взбираемся на ближайшие холмы — и начинается потеха. М. А. загорел розовым загаром светлых блондинов. Глаза его кажутся особенно голубыми от яркого света и от голубой шапочки...

Впоследствии сестра М. А. Надежда Афанасьевна рассказала, что

Л.Е. Белозерская
с.114 (4)

когда-то, в студенческие годы, бабочки были увлечением ее брата, и в свое время коллекция их была подарена Киевскому университету...

Центр развлечения, встреч, бесед — теннисная площадка и возле нее, под березами, скамейки. Партии бывали серьезные: Женя, Всеволод Вербицкий, Рубен Симонов, в ту пору тонкий и очень подвижный. Отбивая мяч, он высоко, по-козлиному поднимал ногу и рассыпчато смеялся. Состав партий менялся. Михаил Афанасьевич как-то похвалился, что при желании может обыграть всех, но его быстро "разоблачили".

Л.Е. Белозерская
с.125 (4)

В шарадах он был асом. Вот он с белой мочалкой на голове, изображающей седую шевелюру, дирижирует невидимым оркестром (он вообще любил дирижировать). Он иногда брал карандаш и воспроизводил движения дирижера — эта профессия ему необыкновенно импонировала, даже больше — влекла его. Это прославленный дирижер Большого театра — Сук (слог первый шарады).

Затем тут же в гостиной двое (Лидун и "помидорчик") играют в теннис. Слышится "аут", "ин", "сёртин". Весь счет в этой игре и все полагающиеся термины с легкой руки Добрыниных произносятся на английском языке ("Ин" — слог второй шарады). Третье — сын. Возвращение блудного сына. А все вместе... с террасы в гостиную сконфуженно вступает, жмурясь от света, дивный лохматый большой пес Буян — сукин сын.

Л.Е. Белозерская
с.126 (4)

Мака изображал даму в капоте Лидии Митрофановны — в синем с белыми полосками — и был необыкновенно забавен, когда по окончании представления деловито выбрасывал свой бюст — диванные подушки. М. А. изобрел еще одну игру. Все делятся на две партии. Участники берутся за края простыни и натягивают ее, держа почти на уровне лица. На середину простыни кладется легкий комок расщепленной ваты. Тут все начинают дуть, стараясь отогнать ее к противоположному лагерю. Проигравшие платят фант... Состязание проходило бурно и весело.

Л.Е. Белозерская
с.127 (4)

Когда приходили к нам старые приятели: Понсовы, Сережа Топленинов, Петя Васильев, мы устраивали "блошиные бои". М. А. пристрастился к этой детской игре и достиг в ней необыкновенных успехов, за что получил прозвище "Мака-Булгака — блошиный царь"

Л.Е. Белозерская
с.150 (4)

Выпадали у нас и уютные вечера. Мы яростно сражались в “блошки”. Это детская игра, в которой М.А. достиг небывалых высот, за что и был прозван “блошиным царем”. Не помню названия другой игры, но фамилия ее создателя была Ермишкин, что дало повод М.А. назвать меня этим именем.

М.П. Чемишкян
с.398 (59)

...Устроитель всевозможных игр — в "блошки", в "бирюльки", организатор лыжных прогулок, он был неистощим на всякие выдумки, на всякого рода призы, на условия соревнования. Был придуман даже какой-то гимн, у которого был рефрен (я не помню точно всего гимна):

И в лыжинах,
И в трусиках.

Походы в далекие деревушки, остановки в теплых трактирах с чаем, с жареной колбасой, с горячим хлебом...

М.М. Яншин
с.270-271 (15)

А иногда вечерами мы играли в игры, которые выдумывал хозяин. Особенно он любил игру в отметки, когда мы, каждый от себя, должны были оценивать кандидатов той или другой степенью балла. "Так это же просто игра во "мнения", — сказала моя жена в первый раз "Нет, мадам, вы ошибаетесь, — отвечал Булгаков. — Это мнения, но не так уж это просто. Мы должны оценивать человека не за какие-либо особые его качества, а за весь комплекс присущей ему личности. Дело не только в интеллекте, чуткости, такте, обаянии и не только в таланте, образованности, культуре. Мы должны оценивать человека во всей совокупности его существа, человека как человека, даже если он грешен, несимпатичен, озлоблен или заносчив. Нужно искать сердцевину, самое глубокое средоточие человеческого в этом человеке и вот именно за эту "совокупность" ставить балл". — "Да, это, пожалуй, не "мнения", — сказала "мадам Помпадур" и задумалась. К столу подсаживались Елена Сергеевна, С.Ермолинский или П.Попов, но обыкновенно народу на наших священнодействах бывало немного. Не стану называть кандидатов, попадавших в списки оцениваемых лиц, — это ничего не объяснит. Когда наши мнения сходились и некий Н., мало чем известный, тихий, скромный человек, единодушно получал высшую оценку, Булгаков ликовал. "За что? — спрашивал он с сатанинским смехом. — За что мы ему поставили круглую пятерку, все, без исключения?" Он чуть не плакал от восторга, умиления и невозможности понять непонятное...

А.М. Файко
с.351-352 (15)

...Приехал Дмитриев, пришел обедать... После обеда пошли на балкон и стали втроем забавляться игрой — пускали по ветру бумажки папиросные и загадывали судьбу — высоко ли и далеко ли полетит бумажка... /Из дневника 2 июля 1937 г./

Е.С. Булгакова
с.158 (21)

...Вечером играл М.А. в шахматы с Топлениновым. /Из дневника 5 июля 1937 г./

Е.С. Булгакова с.159 (16)

Вчера днем М.А. заходил к Сергею Ермолинскому. М.А. ходит к нему поиграть в шахматы... /Из дневника 5 декабря 1938 г./

Е.С. Булгакова с.227 (16)

...Он всегда спал после обеда, хотя уверял со своей милой подкупающей улыбкой, что он не спит, а "обдумывает" новое произведение...

Л.Е. Белозерская
с.144 (4)

В бильярдной зачастую сражались Булгаков и Маяковский, а я, сидя на возвышении, наблюдала за их игрой и думала, какие они разные. Начать с того, что М. А. предпочитал "пирамидку", игру более тонкую, а Маяковский тяготел к "американке" и достиг в ней большого мастерства.

Я думала не только о том, какие они разные, но и о том, почему Михаил Афанасьевич играет с таким каменным замкнутым лицом.

Л.Е. Белозерская
с.150 (4)

Если в бильярдной находился в это время Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ним устремлялись любопытные. Еще бы — Булгаков и Маяковский! Того гляди разразится скандал.

Играли сосредоточенно и деловито, каждый старался блеснуть ударом. Маяковский, насколько помню, играл лучше.

— От двух бортов в середину, — говорил Булгаков. Промах.

— Бывает, — сочувствовал Маяковский, похаживая вокруг стола

и выбирая удобную позицию. — Разбогатеете окончательно на своих тетях манях и дядях ванях, выстроите загородный дом и огромный собственный бильярд. Непременно навещу и потренирую.

— Благодарствую. Какой уж там дом!

— А почему бы?

— О, Владимир Владимирович, но и вам клопомор не поможет, смею уверить. Загородный дом с собственным бильярдом выстроит на наших с вами костях ваш Присыпкин.

Маяковский выкатил лошадиный глаз и, зажав папиросу в углу рта, мотнул головой:

— Абсолютно согласен.

Независимо от результата игры прощались дружески. И все расходились разочарованные.

С.А. Ермолинский с.438-439 (15)

...Вчера М.А., чтобы показать мне игру знаменитого маркера Березина (Бейлиса), играл с ним в американку. Тому, видимо, нравится М.А., и поэтому он играл, затягивая игру, хотя мог бы ее закончить в две минуты. Что он и сделал после просьбы М.А. — он просто не дал ему положить ни одного шара. Тихий, вежливый человек, с очень грустными глазами... /Из дневника 7 октября 1938 г./

Е.С. Булгакова с.209 (21)

Книги — его слабость. На одной из полок — предупреждение: "Просьба книг не брать"...

Мольер, Анатоль Франс, Золя, Стендаль, Гете, Шиллер... Несколько комплектов "Исторического Вестника" разной датировки. На нижних полках — журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными ругательными отзывами, Библия.

Л.Е. Белозерская с.139 (4)

М.А. *...Составляю себе библиотеку (у букинистов — наглой и невежественной сволочи — книги дороже, чем в магазинах). /Из письма сестре Наде, 24 марта 1924 г./*

Михаил, между прочим, таскал книги. У Коморского спер несколько. Я говорю: — Зачем зажилил?

— Я договорился.

— Я спрошу.

— Только попробуй!

И в букинистических покупал ходил...

Т.Н. Кисельгоф с.100 (51)

Из небольшой квадратной столовой три ступеньки вниз вели в его кабинет. Там стояли некрашеные стеллажи с грудой книг и старых журналов...

С.А. Ермолинский с.82 (25)

М.А. *...15-го марта наступит первый платеж фининспекции (подоходный налог за прошлый год). Полагаю, что, если какого-нибудь чуда не случится, в квартирке моей миленькой и сырой вдребезги... не останется ни одного предмета. Барахло меня трогает мало. Ну, стулья, чашки, черт с ними. Боюсь за книги! Библиотека у меня плохая, но все же без книг мне гроб! Когда я работаю, я работаю очень серьезно — надо много читать... /Из письма брату Николаю, 21 февраля 1930 г./*

Разговор за столом чаще всего о литературе. Помню, как я удивился, когда узнал, что писатель номер один для Булгакова — не Достоевский, не Шекспир, а Гоголь: "Гоголь это Гоголь! Будьте бла-

гонадежны!" (Это булгаковское "будьте благонадежны" обретает, смотря по обстоятельствам, самый разный подтекст — от изысканного "пароль донер" до залихватского "к чертям собачьим".)

В.А. Лёвшин
с.173 (15)

...Жадного тяготения к поэзии у М. А. не было, хотя он прекрасно понимал, что хорошо, а что плохо, и сам мог при случае прибегнуть к стихотворной форме. Помню как-то, сидя у Ляминых, М. А. взял книжечку одного современного поэта и прочел стихотворение сначала как положено — сверху вниз, а потом снизу вверх. И получился почти один и тот же смысл.

— Видишь, Коля, вот и выходит, что этот поэт вовсе и не поэт,— сказал он...

Л.Е. Белозерская
с.113 (4)

М.А. *...С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин — не стихи!), и если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения... /Из письма П.С.Попову, 24 апреля 1932 г./*

Булгаков никогда никого не хвалил... Не признавал... Мы все время были страшно увлечены чем-то — вдруг, например, Вольтером. У него были устоявшиеся твердые вкусы. Он ничем не был увлечен.

В.П. Катаев
с.304 (69)

М.А. *...Не раз за последние удивительные годы снимал я с полки Ваши книги и убеждался, что они живут. Сроков людских нам знать не дано, но я верю, и совершенно искренно, что я буду держать в руках Вашу новую книгу и она так же взволнует меня, как много лет назад меня на первом пороге трудной лестницы взволновали "Записки врача"*
Это будет настоящей радостью — знаком, что жива наша Словесность Российская — а ей моя любовь. /Из письма В.В.Вересаеву, 6 декабря 1925 г./

Он еще тогда все время Мефистофеля рисовал. Так, на бумажке какой-нибудь, на листочках... Лицо одно. Бородка такая. Цветными карандашами раскрашивал. Вот письменный стол, и обязательно рожица Мефистофеля висит.

Т.Н. Кисельгоф
с.103 (51)

Булгаков, здороваясь с коллегами, кратко говорил каждому: "Михаил Афанасьевич!" Он, очевидно, опасался, что его сразу начнут называть по фамилии или уже совсем запросто — Мишей. Так и я получил своего "Михаил Афанасьевича" и с большим любопытством уставился на новое для меня лицо.

А.М. Файко
с. 347 (15)

Этой зимой (1928 г.) мы ходили на лыжах с Художественным театром. Водил нас инструктор Владимир Иванович — тот, прозванный нашей Марусей "странником" — на горы близ деревни Гладышево и в Сокольники. Лучше всех из нашей компании ходил на лыжах Иван Михайлович Кудрявцев (в "Турбиных" — Николка), както очень легко, невесомо, как "ангел по облакам", по выражению Михаила Афанасьевича.

В Гладышеве была закусочная, где мы. делали привал. На стене красовалась надпись: "Неприличными словами не выражаца". Мы и

не выражались. Мы просто с удовольствием уничтожали яичницу-глазунью с колбасой, запивая ее пивом. Кудрявцев, помню, пошутил: "Может, и в раю так же будет"... Мы съезжали с высоких гор, кувыркались, теряли лыжи, а наш инструктор спускался на одной ноге и хоть бы что. С нами ходила наша приятельница Ирина Кисловская... Михаилу Афанасьевичу очень нравилось, что она низвергалась, не раздумывая, с любой высокой точки, а раз стала на голову, зарылась целиком в снег, но отряхнулась и пошла дальше низвергаться как ни в чем не бывало.

Л.Е. Белозерская
с.153 (4)

В сухой зимний денек, особенно когда солнечно было, Михаил Афанасьевич появлялся у меня. Я жил недалеко, в Мансуровском переулке, в небольшом деревянном доме. Перейдя Остоженку, можно было переулком спуститься к Москве-реке. Поэтому лыжи стояли у меня и наша прогулка начиналась прямо из моего дома. Он оставлял свою зеленовато-серую доху до пят и из такого же американского медведя большую, налезавшую на уши ушанку, натягивал неизменный вязаный колпак, и мы, закрепив лыжи уже во дворике дома, отправлялись в поход.

Остоженка была перекопана — начинали строить первую очередь метро (его строили открытым способом). Через улицу в некоторых местах были перекинуты деревянные мостки. Мы пробирались по ним, обледенелым и скользким, далее катили по переулку, утопавшему в сугробах, и оказывались на реке. По Москве-реке в ту пору свободно катались лыжники. Теплые стоки не мешали окрепнуть ледяному покрову. И по наезженной лыжне, запорошенной ночным снежком, можно было лихо и быстро докатить до самых Воробьевых

гор. На горках этих или по Нескучному саду мы бродили не спеша. Обычно это был будничный день, народу мало, главным образом детвора. Иногда лишь пролетал заправский спортсмен, сверкнув красным свитером и не заметив нас.

Михаил Афанасьевич бегал на лыжах лучше меня.

С.А. Ермолинский
с.67 (25)

Кому первому пришла в голову мысль устроить спиритический сеанс, сейчас сказать трудно, думаю, что Сереже Топленинову. Во всяком случае М. А. горячо поддержал это предложение. Уселись за круглый стол, положили руки на столешницу, образовав цепь, затем избрали ведущего для общения с духом — Сережу Топленинова. Свет потушили. Наступила темнота и тишина, среди которой раздался торжественный и слегка загробный голос Сережи:

— Дух, если ты здесь, проявись как-нибудь.

Мгновение... Стол задрожал и стал рваться из-под рук. Сережа кое-как его угомонил, и опять наступила тишина.

— Пусть какой-нибудь предмет пролетит по комнате, если ты здесь, — сказал наш медиум. И через комнату тотчас же в угол полетела, шурша, книга. Атмосфера накалялась. Через минуту раздался крик Вани Никитинского:

— Дайте свет! Он гладил меня по голове! Свет!

— Ай! И меня тоже!

Теперь уж кричал кто-то из женщин:

— Сережа, скажи, чтобы он меня не трогал!

Дух вынул из Жениной прически шпильку и бросил ее на стол. Одну и другую. Вскрикивали то здесь, то тут. Зажгли лампу. Все были взъерошенные и взволнованные. Делились своими ощущения-

ми. Медиум торжествовал: сеанс удался на славу. Все же раздавались скептические возражения, правда, довольно слабые.

Наутро обсуждение продолжалось. Ленка Понсова сказала:

— Это не дача, а черт знает что! Сегодня же стираю (мимическая сцена), завтра глажу (еще одна сцена) и иду по шпалам в Москву (самое смешное представление)...

Волнение не угасало. Меня вызвала к себе хозяйка дома Лидия Митрофановна и спросила, что же все-таки происходит.

Отвечать мне пока было нечего.

Второй сеанс состоялся с участием вахтанговцев, которые хоть и пожимали плечами, но все же снизошли. Явления повторялись, но вот на стол полетели редиски, которые подавались на ужин. Таким образом проявилась прямая связь между духом бесплотным и пищей телесной... Дальше я невольно подслушала разговор двух заговорщиков — Маки и Пети:

— Зачем же вы, Петька, черт собачий, редиску на стол кидали?

— Да я что под руку попалось, Мака, — оправдывался тот.

— А! Я так и знала, что это вы жульничали.

Они оба остановились, и М. А. пытался меня подкупить (не очень-то щедро: он предлагал мне три рубля за молчание). Но я вела себя как неподкупный Робеспьер и требовала только разоблачений. Дело было просто. Петр садился рядом с М. А. и освобождал его правую руку, в то же время освобождая свою левую. Заранее под пиджак Мака прятал согнутый на конце прут. Им-то он и гладил лысые и нелысые головы, наводя ужас на участников сеанса.

— Если бы у меня были черные перчатки, — сказал он мне позже, — я бы всех вас с ума свел...

Л.Е. Белозерская
с.127-128 (4)

Сегодня, наконец, вернулся ко мне тот портрет Миши, с которого он нарочно соскребывал краску. Портрет этот написал, кажется, кто-то Соколов, что ли, слабый художник. Он пришел к М. А. в 1926-27 годах, когда гремели "Турбины", и М. А. неловко ему было отказать, уж очень бедно выглядел, и М. А. показалось, что ему нужны деньги. На портрете молодой Булгаков (да еще в пору такого успеха!) был похож на Победоносцева (по-моему, во всяком случае, — Мишу это повеселило, когда я сказала). Но портрет висел и висел над шкафом книжным. И вот Миша, убедившись, что я крепко сплю, влезал ночью на стул и постепенно соскребывал краски на лице. А по утрам говорил мрачно: это неспроста, это обозначает что-то очень плохое...

Пока я, случайно проснувшись, не увидела, что Миша в подштанниках стоит на стуле и скребет ножичком портрет. Был пойман с поличным.

Е.С. Булгакова
с.303 (21)

Из Тифлиса к нам приехала Марика Чимишкиан. Меня не было дома, Маруся затопила ей ванну (у нас всюду было печное отопление, и М. А. иногда сам топил печку в своем кабинете. Помешивая, любил смотреть на подернутые золотом угли, но всегда боялся угара.). В это время к нам на Пироговскую пришел в гости Павел Александрович Марков, литературовед, сотрудник МХАТа. М. А. сказал ему:

— К нам приехал в гости один старичок, хорошо рассказывает анекдоты. Сейчас он в ванне. Вымоется и выйдет...

Каково же было удивление Павла Александровича, когда в столовую вместо старичка вышла Марика! Я уже говорила, что она была прехорошенькая. Марков начал смеяться. Надо сказать, как он сме-

Л.Е. Белозерская с.154 (4)

ется: не то всхлипывает, не то захлебывается, не то повизгивает. В этом смысле он уникален. Мака был доволен. Он радовался, когда шутки удавались, а удавались они почти всегда.

Под новый, 1925 год меня пригласили в одну компанию на встречу Нового года с условием, что я приду в маскарадном костюме. Я дал согласие и в поисках подходящего и не очень расхожего костюма решил зайти к Булгаковым. У Любови Евгеньевны оказалось несколько маскарадных костюмов, которые я стал примерять. Заодно я предложил пойти на встречу Нового года и Булгаковым. Жена отказалась, а он неожиданно согласился.

По дороге Михаил Афанасьевич предложил мне разыграть в гостях небольшую комедию:

— Вы знаете, Петр Никанорович, этот дом, а меня там никто не знает. Давайте разыграем их. Представьте меня как иностранца...

Когда мы подошли к дому и поднялись по лестнице, Михаил Афанасьевич надел небольшую, легкую черную масочку. Так мы и появились в компании. Я взял на себя роль переводчика (изъяснялись мы на французском языке, которым Булгаков владел лучше меня), а он изобразил из себя богатого господина, приехавшего в Москву с целью лучше узнать русские обряды и обычаи... Нас угощали чаем и сладостями, и мы в течение полутора часов разыгрывали наш безобидный водевиль. Но вот пробило двенадцать часов. Булгаков снял маску и представился...

П.Н. Зайцев с.237-238 (15)

Вспонимается еще один розыгрыш. Как-то в мое отсутствие вечером Маке стало скучно. Тогда он позвонил другой нашей приятельнице, Зиновии Николаевне Дорофеевой, и угасающим голосом сказал ей, что ему плохо, что он умирает. Зика (ее домашнее имя) и ее подруга заканчивали перманент. Не уложив волос, завязав мокрые головы полотенцами, они обе в тревоге бросились к нам на Пироговскую, где их ждал веселенький хозяин и ужин с вином. Тут к "холодным ножкам", как говорят в народе, подоспела и я. Не скрою, я очень удивилась, увидев дам в чалмах. Но за рюмкой вина все разъяснилось к общему удовольствию.

Л.Е. Белозерская с.155 (4)

Когда Булгаков бывал в хорошем настроении, он иногда пародировал сцену покаяния Мадлены в Соборе из "Кабалы святош". Надев для этого ночную сорочку Елены Сергеевны, он выходил из спальни, пятясь задом, с подвыванием вскрикивая текст Мадлены. Было это зло, но очень похоже и от этого необыкновенно смешно. Потом, по рассказам Елены Сергеевны, повторяя этот "номер", он каждый раз варьировал, добавляя новые подробности.

С.С. Пилявская с.171-173 (54)

Любила рассказывать Елена Сергеевна о домашних мистификациях, артистических проделках Булгакова. Вот как, по ее словам, был начат "Театральный роман". Однажды вечером (судя по пометке в черновой тетради, это было 26 ноября 1936 года) Булгаков сел за бюро с хитрым видом и стал что-то безотрывно строчить в тетрадь. Вечера два писал так, а потом говорит: "Вот я написал кое-что, давай позовем Калужских (сестра Е. С., Ольга Сергеевна Бокшанская, секретарь дирекции МХАТ, была замужем за артистом Е. В. Калужским.— *сост.*). Я им прочту; но только скажу, что это ты написала". Разыгрывать он умел с невозмутимой серьезностью лица. Елена Сергеевна, по его сценарию, должна была отнекиваться и смущаться.

Пришли Калужские, поужинали, стали чай пить, Булгаков и говорит: "А знаете, что моя Люська выкинула? Роман пишет. Вот вырвал у нее эту тетрадку". Ему, понятно, не поверили, подняли на смех. Но он так правдоподобно рассказал, как заподозрил, что в доме появился еще один сочинитель и как изъял тайную тетрадь, а Елена Сергеевна так натурально сердилась, краснела и смеялась, что гости в конце концов поверили. "А о чем роман?" — "Да в том и штука, что о нашем театре". Калужские стали подшучивать над Еленой Сергеевной, что-де она могла там написать. Но, когда началось чтение, смолкли в растерянности: написано превосходно — и весь театр как на ладони. А Булгаков все возмущался, как она поддела того-то и как расправилась с другим. Ловко, пожалуй, но уж достанется ей за это от персонажей!

Было за полночь. Калужские ушли, Елена Сергеевна собиралась спать заложиться, вдруг во втором часу ночи телефонный звонок. Е. В. Калужский подзывает к телефону Булгакова: "Миша, я заснуть не могу, сознайся, что это ты писал..."

В.Я. Лакшин с.361-362 (34)

...М.А. показывал, как дирижирует дирижер в Большом театре (пародия на Мелика). /Из дневника 27 сентября 1937 г./

Е.С. Булгакова с.169 (21)

Вчера вечером были у нас Мелик с Миночкой, Калужские, мой Женичка. Чего-то веселились, надевали маски. М.А. показывал, по просьбе Мелика, как он, Мелик, дирижирует. Калужский изображал Немировича... /Из дневника 18 февраля 1938 г./

Е.С. Булгакова с.186 (21)

В последние дни он попросил меня позвать Якова Леонтьевича (Леонтьева — *сост.*). Я позвонила ему. Тогда Миша попросил меня зажечь около кровати на тумбочке свечи. Я,. недоумевая, зажгла. И когда Я.Л. зазвонил в двери, Миша сложил руки и закрыл глаза. Бедный грузный Я.Л. чуть не скончался на месте. И я поняла — он, умирая, играл! Он продолжал свое актерство, свои розыгрыши — уже не видя...

Е.С. Булгакова с. 670 (69)

...В Купеческий парк часто ходили. Там играл оркестр, а он очень любил симфонические концерты. Из "Руслана и Людмилы" часто играли, "Вторую венгерскую рапсодию" Листа. Он потом играл ее на рояле, хотя никогда не учился музыке.! О музыке мы много разговаривали. Михаил все время удивлялся, как много я знаю опер.

Т.Н. Кисельгоф с.23-24 (51)

Сашка (Гдешинский А.П. — *сост.*) очень часто приходил. Он замечательно на скрипке играл. Они как соберутся... Колька с Ванькой на балалайках, Сашка на скрипке, еще один приходил, на виолончели играл. А Михаил на пианино или дирижирует.

Яновская пишет, что Булгаков еще пел, у него баритон был?.

— Да, но только он у него быстро пропадал. Он мог только несколько нот взять и больше уже не мог. Но слух у Михаила был прекрасный.

Т.Н. Кисельгоф с.38 (51)

Невольно на память приходят слова М. А.: "Для меня особенно ценна та музыка, которая помогает мне думать".

Л.Е. Белозерская с.190 (4)

Ранним летом 1926 года нам пришлось вместе с Михаилом Афанасьевичем пережить значительное театральное событие — постановку в Большом театре оперы Римского-Корсакова "Сказание о невидимом граде Китеже и о деве Февронии".

Когда М. А. слушал волновавшую его серьезную музыку, у него делалось особенное лицо, он как-то хорошел даже. Я очень любила это его выражение лица.

Л.Е. Белозерская с.184 (4)

Были у нас знакомые, где любили помузицировать: художник Михаил Михайлович Черемных и его жена Нина Александровна. Пара примечательная: дружная, уютная, хлебосольная. Отношения Булгакова к Черемныху было двойственное: он совершенно не разделял увлечения художника антирелигиозной пропагандой (считал это примитивом) и очень симпатизировал ему лично.

К инструменту садилась Нина Александровна. Тут наступало торжество "Севильского цирюльника".

Скоро восток золотою,
Румяною вспыхнет зарею. —

пели мужчины дуэтом, умильно поглядывая друг на друга. Им обоим пение доставляло удовольствие, нравилось оно и нам: Нине Александровне, сестре ее Наталии Александровне (красавице из красавиц) и мне.

Тут уместно упомянуть о том, что в юности М.А. мечтал стать певцом. На письменном столе его в молодые годы стояла карточка артиста-баса Сибирякова с надписью: "Иногда мечты сбываются"...

Л.Е. Белозерская с.190-191 (4)

Что было хорошо у Миши? Он никогда не рассказывал анекдотов (ненавижу я, между прочим, и анекдоты и рассказчиков их), — а все смешное, что у него выскакивало, было с пылу с жару, горяченькое! Только что в голову пришло! Или бывало, что какая-нибудь удачная фраза, меткое прозвище так здорово входили в жизнь, что

становились ходячими. И не только у нас, но вообще. По Москве ходят и до сих пор ходячие слова его, а также цитаты из пьес. А когда в театре репетировались его пьесы, то актеры говорили этими репликами в жизни. И удивительно они были жизненны и необходимы, иначе не скажешь. Я сейчас привожу в порядок свои дневники — его жизни, — нашла и вспомнила, как он говорил про свои мучения, когда от него требовали каких-нибудь изменений в пьесе: ну, представь себе, что на твоих глазах Сергею начинают щипцами уши завивать и уверяют, что это так и надо, что чеховской дочке тоже завивали и что ты это полюбить должна... Между прочим, это последнее выражение — Станиславского. Когда он уговаривал Мишу, чтобы он вписал что-нибудь в пьесу, он всегда говорил: а вы полюбите это... /Из письма Е.С.Булгаковой к А.С.Нюренбергу, 23 февраля 1961 г./

Е.С. Булгакова с.328 (21)

Я бывал у него каждый день. Пытаясь восстановить факты его жизни, предложил игру в навязчивого журналиста, приставшего с вопросами к знаменитому писателю.

— Ты хитришь, — сказал он, но игру принял.

В дальнейшем она развлекала его, и я записал несколько таких шуточных бесед, состоявших из вопросов и ответов. Несколько листков случайно сохранилось. Вот эта запись:

"*Он.* Мне непонятно все-таки, уважаемый товарищ, зачем вы ко мне пристаете?

Я. Мировому человечеству интересна каждая подробность вашей жизни.

Он. Я согласен, это так. Но я обязан все же по благородству своего характера предупредить вас... (Тут он прищурился и добавил.) — Я, дорогой мой, "не наш" человек.

Я. Быть может, как раз поэтому вы и представляете особый интерес?

Он (уже с непритворным негодованием). Это отвратительно, что вы говорите, голубчик! Я наш человек, а "не наш" — это я сам выдумал, сам подстроил.

Я. Простите, не понял.

Он. Вчера вы допрашивали меня о начале моего литературного пути.

Я. Совершенно верно. Я весь внимание.

Он. Именно тогда я и подложил себе первую свинью.

Я. Каким образом вам удалось это сделать?

Он. Молодость! Молодость! Я заявился со своим первым произведением в одну из весьма почтенных редакций, приодевшись не по моде. Я раздобыл пиджачную пару, что само по себе было тогда дико, завязал бантиком игривый галстук и, усевшись у редакторского стола, подкинул монокль и ловко поймал его глазом. У меня даже где-то валяется карточка — я снят на ней с моноклем в глазу, а волосы блестяще зачесаны назад. Редактор смотрел на меня потрясенно. Но я не остановился на этом. Из жилетного кармана я извлек дедовскую "луковицу", нажал кнопку, и мой фамильный багет проиграл нечто похожее на "Коль славен наш Господь в Сионе". "Ну-с?" — вопросительно сказал я, взглянув на редактора, перед которым внутренне трепетал, почти обожествляя его. "Ну-с, — хмуро ответил мне редактор. — Возьмите вашу рукопись и займитесь всем чем угодно, только не литературой, молодой человек". Сказавши это, он встал во весь свой могучий рост, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышел и, уходя, услышал явственно, как он сказал своему вертлявому секретарю: "Не наш человек". Без сомнения, это относилось ко мне.

Я. И вы считаете, что этот случай сыграл роковую роль во всех ваших дальнейших взаимоотношениях с редакциями?

Он. Взгляните, голубчик, на этот случай шире. Дело в моем характере. "Луковица" и монокль были всего лишь плохо придуманным физическим приспособлением, чтобы побороть застенчивость и найти способ выразить свою независимость.

Я. Последуем дальше. Что привело вас в театр?

Он. Жажда денег и славы. Затаенная мечта выйти на аплодисменты публики владела мною с детства. Я во сне видел свою длинную шатающуюся фигуру с растрепанными волосами, которая стоит на сцене, а благодарный режиссер кидается ко мне на шею и обцеловывает меня буквально под рев восторженного зрительного зала.

Я. Позвольте, но при возобновлении "Турбиных" занавес раздвигался шестнадцать раз, все время кричали "автора!", а вы даже носа не высунули.

Он. Французы говорят, что нам дарят штаны, когда у нас уже нет задницы, простите за грубое выражение. (И подозрительно.) А вы не из французской ли газеты?

Я. Нет.

Он (вкрадчиво). А может быть, из какой-нибудь другой иностранной, а?

Я. Нет, нет... Я из русской.

Он. Не из рижской ли, белоэмигрантской? (И он угрожающе поднял кулак.)

Я. Избави бог! (Я отмахнулся в ужасе.) Я из "Вечерки"! Из прекрасной, неповторимой "Вечерки" нашей!

Он. Ура! Ура! Тюпа! Люся! Скорей! Водку на стол! Пускай этот

С.А. Ермолинский с.171-173 (25)

господин напьется в свое полное удовольствие! Мне отнюдь не грозит опасность, что он напечатает обо мне хоть одну строчку!"

До того, как Булгаков слег, он весьма охотно участвовал в домашних делах. Квартирно-семейный быт его вообще интересовал чрезвычайно. Он очень любил выходить к обеду и для этого даже переодевался, насколько было возможно в его состоянии. Снова обязательными оказались крахмальный воротничок и галстук бабочкой; монокль, разумеется, отсутствовал, но зато левый глаз смотрел весело и задорно. За столом было мало народу — все свои, близкие, и Михаил Афанасьевич чувствовал себя гостеприимным хозяином, хлебосольным. Временами он даже позволял себе к обеду водочки, разведенной рижским бальзамом, так называемым пиконом, — густой черной жидкостью, которую он отмерял аптекарски точно, аккуратно и педантично. Свою порцию получал и Сережа, младший сын Елены Сергеевны. Иногда, в особенно светлые минуты, Михаил Афанасьевич произносил за столом тосты.

А.М. Файко с. 350-351 (15)

Е.С. Булгакова с.162 (21)

...Про наш стол М.А. всегда говорит, что у нас лучший трактир во всей Москве... /Из дневника 14 августа 1937 г./

Очень часто заходили друзья — Дмитриев, Вильямс, Борис Эрдман (брат Николая Робертовича, художник), забегал Файко, живший по соседству, на той же лестничной площадке. К постели больного приставлялся стол. Мы выпивали и закусывали, а он чокался рюмкой с водой. Он настаивал, чтобы мы выпивали, как раньше бывало.

С.А. Ермолинский с.477-478 (15)

И для нашего удовольствия делал вид, что тоже немного хмелеет. Но вскоре эти посиделки кончились. Они стали трудны для него.

Михаил никогда не бывал пьян, пил мало. Один только раз я видела его пьяным — пили со студентами после окончания университета. Он пришел и сказал “Знаешь, я пьян. — Ну, ложись. — Нет, пойдем гулять”. Мы прошли немного вверх по Владимирской, потом вернулись. Это было уже на рассвете.

Т.Н. Кисельгоф с.55 (69)

Л.Е. Белозерская с.154 (4)

...М. А. иногда сам топил печку в своем кабинете. Помешивая, любил смотреть на подернутые золотом угли, но всегда боялся угара.

Булгаков любил огонь. У него было какое-то особое влечение к огню. Интимное, а может быть, и философское. Л.Е.Белозерская-Булгакова рассказывала мне, как он сам топил печь в своем кабинете на Большой Пироговской, смотрел в огонь, подбрасывал полешки...

Л.М. Яновская с.121 (78)

М.А. *...Представляю себе, как вкусно сидите Вы у огня. Славьте огонь в очаге. /Из письма П.С.Попову,14 марта 1935 г./*

...Вечером — М.А. пошел опять в Большой... А я воспользовавшись свободным временем (М.А. ненавидит всякую суету в квартире), позвала полотера, уборщицу — навела блеск в квартире. /Из дневника 21 марта 1938 г./

Е.С. Булгакова с.191 (21)

Убеждения, вера

Т.Н. Кисельгоф с.63 (51)

Он был вообще вне всякой политики. Ни на какие собрания или там сходки не ходил. Но большевиков он не любил, и по убеждениям он был монархист.

Очень обижается Булгаков на Советскую власть и очень недоволен нынешним положением. Совсем работать нельзя. Ничего нет определенного. Нужен обязательно или снова военный коммунизм, или полная свобода. Переворот, говорит Булгаков, должен сделать крестьянин, который наконец-то заговорил настоящим родным языком. В конце концов коммунистов не так уж много (и среди них много "таких"), а крестьян, обиженных и возмущенных, десятки миллионов. Естественно, что при первой же войне коммунизм будет выметен из России и т.д.

Вот они мыслишки и надежды, которые копошатся в голове автора "Роковых яиц", собравшегося сейчас прогуляться за границу. Выпустить такую "птичку" за рубеж было бы совсем неприятно. /Из доноса в ГПУ, 21 февраля 1928 г./

с.301 (74)

Когда Михаил Афанасьевич был приглашен на работу в Художественный театр, один московский драматург В., встретив его в клубе писателей, сказал ему.

— Я слыхал, что вас пригласили в Художественный театр, но на какую роль, интересно знать?

Ответ Михаила Афанасьевича прозвучал довольно резко и громко:

— На должность штатного контрреволюционера с хорошим окладом!

Н.П. Ракицкий
с.172 (15)

...Я спросил ее о том, о чем тогда (середина 60-х годов — *сост.*) спорили. Булгакова надо было ввести в советскую литературу, и для этого его нужно было "усыновить". Уже появились первые статьи на тему того, как Булгаков шел постепенно к пониманию революции и принятию советской власти и только рапповцы-инородцы помешали

ему окончательно слиться с этой литературой. На неккоректный вопрос, как он "к ним", то есть к большевикам, относился, голубые глаза Е.С. вспыхнули каким-то веселым и злым огнем: "Он их ненавидел!"

А.М. Смелянский
с.35 (63)

М.А. *Литературным трудом начал заниматься с осени 1919 г. в городе Владикавказе, при белых. Писал мелкие рассказы и фельетоны в белой прессе. В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России... На территории белых я находился с августа 1919 г. по февраль 1920 г. Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением... /Из протокола допроса в ОГПУ, 22 сентября 1926 г./*

Он не был фрондером! Положение автора, который хлопочет о популярности, снабжая свои произведения якобы смелыми, злободневными намеками, было ему несносно. Он называл это "подкусыванием Советской власти под одеялом". Такому фрондерству он был до брезгливости чужд, но писать торжественные оды или умилительные идиллии категорически отказывался.

С.А. Ермолинский
с.90 (25)

М.А. *...Считаю, что произведение "Повесть о собачьем сердце" вышло гораздо более злостным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны... Это произведение я читал на Никитинских субботниках редактору "Недр" — т.Ангарскому и в кружке поэтов у Зайцева Петра Никаноровича и в "Зеленой Лампе". В Никитинских суббот-*

никах было человек 40, в “Зеленой Лампе” человек 15, и в кружке поэтов человек 20...
Вопрос: *Укажите фамилии лиц, бывающих в кружке “Зеленая Лампа”?*
Ответ: *Отказываюсь по соображениям этического порядка... /Из протокола допроса в ОГПУ, 22 сентября 1926 г./*

Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что *своих* (выделено автором — *сост.*) пьес, годных для постановки, нехватает. На безрыбьи даже “Дни Турбиных” — рыба. Конечно, очень легко “критиковать” и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих её заменить, настоящих, интересных, художественных пьес советского характера.

И.В. Сталин с.328 (64)

Вчера пришел по делу Загорский (из Киева), внезапно почувствовал себя плохо, остался ночевать.
М.А. пошел с Колей Ляминым к Поповым, а мы с Загорским проговорили до рассвета о М. А.
— Почему М. А. не принял большевизма?... Сейчас нельзя быть аполитичным, нельзя стоять в стороне, писать инсценировки.
Почему-то говорил что-то вроде:
— Из темного леса... выходит кудесник (писатель — М. А.) и ни за что не хочет большевикам песни петь... /Из дневника, 29 августа 1934 г./

Е.С. Булгакова с.66 (21)

Были с М.А. у Вельса... Жуховицкий — он, конечно, присутствовал — истязал М.А., чтобы он написал декларативное заявление, что он принимает большевизм. /Из дневника, 31 августа 1934 г./

Е.С. Булгакова с.66 (21)

М.А. *После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен, как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет: Сочинить “коммунистическую пьесу” (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.*
Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.
Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет... /Из письма Правительству СССР, 28 марта 1930 г./

Немцы напали на Францию. Михаил Афанасьевич, тяжело больной, сидел дома, в черном халате, в черной шапочке (какие носят ученые), часто надевал темные очки. Михаил Афанасьевич говорил о том, как ужасно то, что немцы напали на Францию, что война перекинется на Советский Союз. Он ска-

Р.Н. Симонов с.358 (15)

зал мне: "Вы знаете, Рубен Николаевич, я, наверное, все-таки пацифист. Я против убийств, насилий, бессмысленной войны".

С.А. Ермолинский с.68 (25)

Вечерело. Катили мы по лыжне Москвы-реки и продолжали рассуждать. А тут как раз подвернулся случай поговорить о трусости. О, трусость, говорил он, не от нее ли происходит вся подлость человеческая? Полистаешь журнальчик, почитаешь книжку — и такой вдруг стыд! Эх, эх, страшная вещь!

В.П. Катаев с.219 (30)

В области искусств для нас существовало только два авторитета: Командор и Мейерхольд. Ну, может быть, еще Татлин, конструктор легендарной "башни Татлина", о которой говорили все, считая ее чудом ультрасовременной архитектуры.

Синеглазый же, наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты, терпеть не мог Командора, Мейерхольда и Татлина и никогда не позволял себе, как любил выражаться ключик, "колебать мировые струны".

Футуристические композиции увлекали Бориса Валентиновича (Шапошникова — *сост.*) и в 20-е годы, когда он познакомился с М.А.Булгаковым. Надо сказать, что отношение их к миру искусства было достаточно разным, так как Михаил Афанасьевич совершенно не признавал авангарда. Кстати, он вообще не любил живописи, бесконечное рассматривание рядов картин в музеях казалось ему скучным, и, как рассказывали мне и Наталия Казимировна, моя бабушка, и Любовь Евгениевна Белозерская, затащить его в музей было почти невозможно. Для этого нужны были особые обстоятельства, которые все же время от времени возникали. Так два раза им удалось вместе побывать на интереснейших выставках.

Н.В. Шапошникова с.13 (73)

Он был лирик хотя бы потому, что всю жизнь хранил воспоминания детства. Не воспоминания даже, а ощущения — и как утрами топили печи и шаркал валенками истопник, и как в гостиной сидели папины и мамины гости, белый свет парадных спиртовых ламп проникал в детскую, и как мама собиралась в театр... И многое другое, оставившее чувство особенного, томительного уюта. В квартире его отца, киевского профессора, все было строго и скромно, избави бог, без намека на буржуйскую роскошь, и с тем умеренным профессорским свободомыслием, бестревожность которого покоилась на уверенности, что иначе и быть не может... Прочный мир детства. Так казалось. Может быть, поэтому он и ходил на допотопную "Аиду", нацепив бантик, или иногда играл в винт (как папа).

С.А. Ермолинский с.137 (25)

Помните его ироническую фразу: "Хотелось быть примерным мальчиком"?

С.А. Ермолинский с.434 (15)

В своем творчестве он всегда исходил из того, что подсказывала ему жизнь. Он смотрел на нее неравнодушными глазами. Его писательская позиция была неизменной и тем более непримиримой, когда он сталкивался с любым проявлением беспринципности и угодничества, нечестности и бесстыдного хамелеонства.

На легком морозце, на воздухе чистейшем, райском для города, в безлюдье и вне суеты вольготно было без обиняков поговорить о литературе и о себе.

— Не могу привыкнуть, а пора бы, — сокрушался он, чуть отталкиваясь палками. — Все время чувствую недоверие к себе, подозрительность, придирку к каждому написанному слову. Наверное, преувеличиваю, ну да тут нечему удивляться — чехлы на нервах поистрепались. Когда я приехал в Москву, литература наша начиналась с ручейков, крикливых и шумных, и лишь постепенно сливалась в большую реку. Казалось бы, плыть стало просторнее, а ведь нет, не легче. Тут потребовалось особое умение, его у меня не оказалось. Другие умели, а я, о нет, решительно не умел!..

Позже он скажет жестче:

— Литература, приспособленная для того, чтобы поспокойнее и побогаче устроить свою жизнь, самый отвратительный вид делячества. Писатель должен стать стойким, как бы ни было ему трудно. Без этого литературы не существует.

И еще он скажет: "Главное не потерять уверенности в себе, не изменить своему глазу".

А еще позже фраза его "рукописи не горят", словно мимоходом проброшенная в "Мастере и Маргарите", мгновенно разлетится во все концы мира, станет поговоркой...Он не любил общих рассуждений, а вот тихое поскрипывание снега на лыжне всегда располагало его к этому.

С.А. Ермолинский
с.429-430 (15)

В театре ему предлагали написать декларативное письмо, но это он сделать боится, видимо, считая, что это "уронит" его как независимого писателя и поставит на одну плоскость с "кающимися и подхалимствующими". Возможно, что тактичный разговор в ЦК партии мог бы побудить его сейчас отказаться от его постоянной темы — противопоставления свободного творчества писателя и насилия со стороны власти... /Из доноса в ОГПУ, 14 марта 1936 г./

с.317-318 (74)

Евангелие читал вслух, видимо, сам отец. Семья была богобоязненная. Но дети все отнюдь не были религиозны. Атмосфера в доме после отца была иная... Поклонники Варвары... Она была очень похожа на Мишу. Некрасивая, но чрезвычайно женственная. Вообще студенты в те годы были совершенно индифферентны к религии. Еще медики, знаете. Они вообще этим не интересуются.

Е.Б. Букреев
с.43 (69)

Мать тогда подарила мне такую золотую браслетку... шириной с палец и вся из таких мелких колечек сделана. Очень красивая браслетка была, мягкая, на руке удобно лежала. А у замка такая пластинка, и на ней буква "Т" выгравирована. Булгаков потом все время брал ее у меня, как что-нибудь такое... рискованное. Как амулет.

Т.Н. Кисельгоф
с.25 (51)

Нет, он верил. Только не показывал этого.

— *Молился?*

Нет, никогда не молился, в церковь не ходил, крестика у него не было, но верил. Суеверный был. Самой страшной считал клятву смертью. Считал, что это... за нарушение этой клятвы будет обязательно наказание. Чуть что — "Клянись смертью!"

Т.Н. Кисельгоф
с.63 (51)

М.А. *...Сейчас я просмотрел "Последнего из могикан", которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере! Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.*
Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое, осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне

работать, вот почему я боюсь его, вот почему надеюсь на Бога. /Из дневника, 26 октября 1923 г./

Любовь Евгеньевна Белозерская рассказывала своим знакомым, что во второй половине двадцатых годов Михаил Афанасьевич вместе с близкими друзьями всегда ходил в Зачатьевский монастырь на Остоженке на Рождественскую и Пасхальную службы. А затем все садились за праздничный стол, как было заведено с детства. Знакомые недоумевали — годы-то какие, а Михаил Афанасьевич, разводя гостеприимно руками, шутил: “Мы же русские люди!”

с.229 (18)

М.А. *...Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены. /Из дневника, 5 января 1925 г./*

В последние дни он попросил меня позвать Якова Леонтьевича (Леонтьева). Я позвонила ему. Он попросил Я.Л. нагнуться и что-то прошептал. Только после смерти я узнала, что Миша сказал: "Люся захочет, конечно, хоронить меня с отпеванием. Не надо. Ей это повредит. Пусть будет гражданская панихида". И потом многие меня упрекали — как я могла хоронить верующего человека... Но это была его воля.

Е.С. Булгакова
с. 670 (69)

Считаем необходимым привести и свидетельство С.А.Ермолиснкого. В одном из наших разговоров он решительно отверг такое объяснение последней воли Булгакова: "Не в этом дело! Он боялся того, что случилось с Гоголем! После перезахоронения (в 1931 г. — М.Ч.) об этом много говорили по Москве, И он не раз говорил: "Ты помнишь, что Гоголь перевернулся в гробу?.. Нет-нет — в крематории! Там даже если очнешься, не успеешь ничего почувствовать — пых, и все!".

"... Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем".

М.О. Чудакова
с. 670 (69)

М.А *...В литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь....*
Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем... /Из дневника, 6 ноября 1923 г./

Творческая мастерская

“Не верю в светильник под спудом, — одно из высказываний М. А. Булгакова. — Рано или поздно, писатель все равно скажет то, что хочет сказать". Эти его слова находятся в прямой связи с евангельским изречением: "И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме" (Матвей, 5, 15).

Л.Е. Белозерская
с.174 (4)

М.А. *...Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо... /Из письма Правительству СССР, 28 марта 1930 г./*

Монахи, служители Будды, показывают замечательный мимический номер — "Танец шестнадцати настроений". Никто не считал, сколько и каких настроений может сценически выразить Булгаков, но, прирожденный мим, свои комедийные личины он меняет с необычайной легкостью...

И.С. Овчинников (50)

Писал Михаил Афанасьевич быстро, как-то залпом. Вот что он сам рассказывает по этому поводу: "...сочинение фельетона строк в семьдесят пять - сто отнимало у меня, включая сюда и курение и посвистывание, от восемнадцати до двадцати двух минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, — восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось".

Недавно я перечитала более ста фельетонов Булгакова, напечатанных в "Гудке". Подписывался он по-разному: иногда полным именем и фамилией, иногда просто одной буквой М или именем Михаил, иной раз инициалами или: ЭМ, Эмма Б., Эм. Бе., М. Олл-Райт и пр. Несмотря на разные псевдонимы, узнать его "почерк" все же можно. Как бы сам Булгаков ни подсмеивался над своей работой фельетониста, она в его творчестве сыграла известную роль, сослужив службу трамплина для перехода к серьезной писательской деятельности. Сюжетная хватка, легкость диалога, выдумка, юмор — все тут.

Л.Е. Белозерская
с.95 (4)

М.А. *Среди моей хандры и тоски по прошлому, иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, пропаду. /Из дневника, 2 сентября 1923 г./*

М. А. ходит по кабинету, диктует текст, играя попутно то или иное действующее лицо. Это очень увлекательное действо.

Л.Е. Белозерская
с.177 (4)

Две оперы как бы сопровождают творчество Михаила Афанасьевича Булгакова — "Фауст" и "Аида". Он остается им верен на протяжении всех своих зрелых лет. В первой части романа "Белая гвардия" несколько раз упоминается "Фауст". И "разноцветный рыжебородый Валентин поет: "Я за сестру тебя молю..."

Писатель называет эту оперу "вечный "Фауст" и далее говорит, что "Фауст" совершенно бессмертен".

А вот как начинается пьеса "Адам и Ева". Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор... Из громкоговорителя "течет звучно и мягко "Фауст" из Мариинского театра".

Л.Е. Белозерская
с.189 (4)

...Хочется отметить еще одну особенность в творчестве Булгакова: его тяготение к именам прославленных музыкантов. В повести "Роковые яйца" — Рубинштейн — представитель "одного иностранного государства", пытавшийся купить у профессора Персикова чертежи изобретенной им камеры.

Тальберг в романе "Белая гвардия" и пьесе "Дни Турбиных". В прошлом веке гремело имя австрийского пианиста Зигмунда Тальберга, который в 1837 году в Париже состязался с самим Листом.

В "Мастере и Маргарите" литератор носит фамилию Берлиоз. Фамилия врача-психиатра, на излечении у которого находится Мастер, — Стравинский.

Л.Е. Белозерская
с.191 (4)

Несмотря на все несходство наших взглядов на жизнь, нас сблизила с синеглазым страстная любовь к Гоголю, которого мы, как южане, считали своим, полтавским, даже как бы отчасти родственником, а также повальное увлечение Гофманом.

Эти два магических Г — Гофман и Гоголь — стали нашими кумирами. Все явления действительности предстали перед нами как бы сквозь магический кристалл гоголевско-гофмановской фантазии.

А мир, в котором мы тогда жили, как нельзя более подходил для этого. Мы жили в весьма странном, я бы даже сказал — противоестественном, мире нэпа, населенном призраками.

Только вооружившись сатирой Гоголя и фантазией Гофмана, можно было изобразить то, что тогда называлось "гримасами нэпа" и что стало главной пищей для сатирического гения синеглазого.

В.П. Катаев
с.220 (30)

М.А. *Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е.Салтыкова-Щедрина. /Из письма к Правительству СССР, 28 марта 1930 г./*

Булгаков любил Чехова, но не фанатичной любовью, свойственной некоторым чеховедам, а какой-то ласковой, как любят хорошего, умного старшего брата. Он особенно восторгался его записными книжками.

Л.Е. Белозерская
с.142 (4)

В "Клубе у вьюшки", на литературной гудковской бирже, как новеллист высоко котировался О.Генри: всегда, мол, интрига, всегда остроумно, завяжет с первой строки, а развязка в последнем абзаце и обычно совершенно неожиданная.

Сам довольно искушенный новеллист, В.П.Катаев, сравнивая с О.Генри наших писателей, как-то пожаловался:

— Пишут скучно, плохо, никакой выдумки. Прочитаешь два первых абзаца, а дальше можно не читать. Развязка разгадана. Рассказ просматривается насквозь до последней точки.

Задетый за живое, вдруг встревает другой наш новеллист — Булгаков:

— Клянусь и обещаю: напишу рассказ, и завязку не развяжете, пока не прочитаете последней строчки.

И написал! И, насколько помнится, даже напечатал! Название рассказа: "Антонов огонь". Вот его канва.

Деревня бунтует. Революция. Помещик бросил усадьбу и сбежал. Батраки, дворня, ставши хозяевами экономии, живут, как умеют. Водовоз Архип растер сапогом ногу. Начинается гангрена — антонов огонь. Срочно надо ехать за врачом, а лошади нет. Общая растерянность, тревога. А ночью в усадьбе пожар.Тайно вернулся ее владелец — князь Антон — и спалил постройки. По авторскому замыслу пожар и был тот настоящий Антонов огонь, который дал заголовок рассказу. Но раскрывается зто действительно только в последнем абзаце.

И.С. Овчинников
(50)

М.А. *...В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленка какая-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему (это-то я твердо знаю) проникаю мыслью и чувством. /Из дневника, 30 сентября 1923 г./*

В.П. Катаев (31)

Хочу еще сказать о Булгакове, что он был отличный стилист, публицист и прирожденный беллетрист. Великолепно писал диалоги. Читать Булгакова легко и приятно.

П.С. Попов с.542 (5)

М.А.Булгаков был образцовым стилистом, превосходно владевшим всем богатством и разнообразием русского языка.

Работает М. А. Булгаков необыкновенно быстро, но вместе с тем исключительно придирчиво относится к себе в смысле отделки произведения. Он порою беспощадно бракует написанное. Булгаков оттачивает фразу, стремясь к максимальной лаконичности и выразительности. К себе он очень строг. По этому поводу можно процитировать следующие его шутливые слова из одного частного письма:

"Печка уже давно сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи". Другая черта творчества Булгакова — необыкновенная живость сюжета. Он был блестящим рассказчиком-импровизатором; из шутки порою рождалась фабула. Булгаков был также

большим мастером-чтецом своих произведений, вдумчивым, тонким и выразительным. Писал он только о том, что ему было близко и понятно, что им было доподлинно пережито. Он не мог писать, чему он сам не верил и не полюбил творческой любовью автора. Все его произведения овеяны глубокой искренностью. То, что ему казалось недоуясненным, он откладывал. Когда тема становилась осязательно доступной и пережитой, он брался за перо; принципиальный сторонник свободы художественного творчества, он никогда не навязывал себе тем; ложь и фальсификацию в писательском деле он презирал. Михаил Афанасьевич считал, что искусственно нельзя создавать то или иное произведение, тот или иной жанр. Творец исключительно острой сатиры, он писал: "Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой внезапно".

П.С. Попов с.539 (5)

М.А. *...На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать.*
Из рабочего быта мне писать трудно, я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я остро интересуюсь бытом интеллигенции в Советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги.
Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрица-

тельные явления жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик). /Из протокола допроса в ОГПУ, 22 сентября 1926 г./

Булгаков зорко подмечал не только внешние повадки человека, которые он гиперболизировал в какую-то немыслимую и при этом вполне вероятную характерность, но, самое главное — он вникал в психологическую сущность каждого. В самые горькие минуты жизни он не терял дара ей удивляться и, подобно Горькому, восхищался удивительными людскими чертами, и, чем более он разгадывал их необычность, тем настойчивее ими увлекался.

Не только потенциально, а фактически, на самом деле Булгаков был сам великолепным актером. Может быть, именно это качество и определяет вообще подлинную сущность драматурга, ибо любой драматург — разумеется, хороший — в душе неизбежно является актером. Недаром в тяжелые периоды своей жизни он рвался к актерству в Художественном театре. Когда его пьесы не ставились, он сам стал актером МХАТ и играл в "Пиквикском клубе", играл с удовольствием, со вкусом, наслаждаясь пребыванием на сцене. Но парадоксально: его актерская и авторская жадность не могла удовле-твориться одной ролью в пьесе — ему нужен был не один характер, не один образ, а много образов. Если бы его попросили сыграть сочиненную им пьесу, он сыграл бы ее всю, роль за ролью, и сделал бы это с полным совершенством. Так в "Днях Турбиных" он показал на репетиции почти все образы, охотно и щедро помогая актерам.

П.А. Марков
с.229-230 (42)

Сын Стронских Игорь вспоминал, что Михаил Афанасьевич любил слушать специфические выражения, новые словообразования, которые молодой студент приносил из института. Эти выражения он тотчас же записывал. Любил Булгаков поговорить и с их старой нянькой, которая жила в этой семье еще до революции, слушал ее очень образную речь и записывал понравившиеся ему обороты речи. В основе многих персонажей Булгакова всегда были конкретные живые люди, которых он хорошо знал и наблюдал, творчески преображая их внутренний и внешний облик.

И.В. Белозерский
с.213-214 (4)

Булгаков не мог писать фотографии, точный образ того человека, с которым он был знаком. Но когда он глядел на людей, то он както проникал в их сущность и сразу создавал все-таки что-то свое при этом. Дело в том, что у него была такая манера: он любил ходить в рестораны, потому что там было много людей для наблюдения. Он садился и говорил: "Вот посмотри на тот столик. Там сидят четыре человека. Хочешь, я тебе расскажу их отношения между собой, кто они по профессии, о чем они сейчас говорят, и что их мучает?" Может быть, он все это импровизировал, выдумывал, но, когда я смотрела на людей, мне казалось, что только так и может быть, настолько убедительны были все его доводы, все доказательства того, что вот это люди именно такой профессии, таких отношений между собой и об этом они сейчас думают или говорят.

Е.С. Булгакова
с. 381-382 (15)

Когда Михаил Афанасьевич начал писать пьесу "Зойкина квартира", ему нужно было познакомиться с тем, как дамы-заказчицы разговаривают с портнихами, какими выражениями они при этом поль-

зуются. У друга его, Сергея Сергеевича Топленинова, был свой небольшой дом в Мансуровском переулке, где принимала своих заказчиц известная в то время портниха Александра Сергеевна Лямина. Михаил Афанасьевич и его друг спрятались в соседней комнате, чтобы самим услышать их подлинную речь. Об этом недавно сообщила мне Наталья Абрамовна Ушакова и ее племянница Наталья Арсеньевна Обухова.

И.В. Белозерский с.213 (4)

Как сейчас вижу некрасивое талантливое лицо Михаила Афанасьевича, когда он немного в нос декламирует:

Муза, муза моя, о, лукавая Талия...

Л.Е. Белозерская с.177 (4)

Идет 1927 год. Подвернув под себя ногу калачиком (по семейной привычке: так любит сидеть тоже и сестра М. А. Надежда), зажегши свечи, пишет чаще всего Булгаков по ночам. А днем иногда читает куски какой-либо сцены из "Багрового острова" или повторяет какую-нибудь особо полюбившуюся ему фразу. "Ужас, ужас, ужас, ужас", — часто говорит он как авантюрист и пройдоха Кири-Куки из этой пьесы. Его самого забавляет калейдоскопичность фабулы. Герои Жюля Верна — действующие лица пьесы — хорошо знакомы и близки ему с юношеских лет, а блестящая память и фантазия преподнесут ему образы в неувядающих красках.

Л.Е. Белозерская с.130 (4)

Часто приходится встречать литераторов, которые непохожи на авторов собственных произведений: в такой мере они сдержанны или искательны, вооружаются искусственным весельем или, наоборот, являют себя миру надменными небожителями. И это в то время, как их опусы производят совсем другое впечатление.

А вот Михаил Афанасьевич очень похож был на свои сочинения. Та поразительная легкость и живость фантазии, которой отличаются все его рассказы и пьесы, буквально изливалась из него. Он фантазировал в вашем присутствии, рассказывая о своих впечатлениях. А впечатлений непосредственных, недавних, вот сегодняшних, у Булгакова всегда было очень много. Тут он напоминал мне только одного человека: Илья Ильф так же жадно наблюдал за тем, что делалось и случалось вокруг него. Ильфа мы называли "зевакой", ибо он мог часами наблюдать уличный скандал или репетицию симфонического оркестра, футбольный матч или заседание в Арбитраже. И потом с воодушевлением все это не только рассказывал, но даже разыгрывал в лицах...

Михаил Афанасьевич, передавая свои похождения или соображения, оставался литератором: он не играл, а писал устные рассказы. Но без своей оценки событий Булгаков никогда не рассказывал; правда, чаще эта оценка возникала не в отдельных фразах, а сквозила в самом изложении фактов. И это-то было самое интересное!..

В.Е. Ардов с.45 (2)

М.А. *...Когда германская печать пишет, что "Багровый остров" это "первый в СССР призыв к свободе печати" — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг, также как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свобо-*

ды и полагаю, что если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода. /Из письма к Правительству СССР, 28 марта 1930 г./

Л.Е. Белозерская с.178 (4)

На столе М.А. в канделябрах горели свечи. Читал он, как всегда, блистательно.

Слушали внимательно, юмор схватывали на лету. Читал М. А. блестяще: выразительно, но без актерской аффектации, к смешным местам подводил слушателей без нажима, почти серьезно — только глаза смеялись...

Л.Е. Белозерская с.111 (4)

Читал он изумительно: предельно строго, не навязчиво, никого из персонажей не играя, но с какой-то невероятной, непрерывной напряженностью всех внутренних линий действия. Читая, он мог не повторять имен своих персонажей: они мгновенно узнавались, становились видимыми и совершенно живыми благодаря тончайшим сменам интонации и внутреннего ритма. Удивительно читал ремарки. Ремарки Булгакова в “Пушкине”, “Мольере”, “Беге”, то краткие, то развернутые, но всегда стремительные, образные, ярко театральные — это особая сторона драматургического совершенства его пьес. Они разжигают режиссерскую мысль, определяют ритм действия и его переломы, будоражат фантазию актеров. К тому же булгаковские ремарки еще и самоценно художественны, — это маленькие литературные жемчужины.

В.Я. Виленкин с.387-388 (12)

Он был очень оживлен и много рассказывал. Это и были, очевидно, булгаковские устные новеллы, о которых я столько слышал: одна смешнее другой, одна другой острее и неожиданнее.

Я и сейчас не мог бы определить, в чем именно заключался этот его особый талант, почему эти новеллы возникали так непринужденно, а били всегда в самую точку, почему они не линяли потом от повторения, почему мы все чуть что под стол не валились от хохота, в то время как он сохранял полнейшую серьезность и, казалось, ничего не делал ради комического эффекта. Знаю только, что это были рассказы писательские, а не актерские. Не имитации, не “показывание”, не шаржи, а блистательные фейерверки импровизации, отточенность деталей и неожиданная изюминка сюжета, мастерски подготовлявшаяся всевозможными оттяжками и отступлениями. И еще знаю, что пытаться воспроизвести булгаковские застольные рассказы — дело совершенно гиблое, и это не раз уже доказано.

В.Я. Виленкин с.384 (12)

К историческим занятиям Михаил Афанасьевич имел вообще особое тяготение. С историческими фактами, как таковыми, он обращался чрезвычайно вдумчиво и проникновенно — умел всегда уловить колорит эпохи.

П.С. Попов с.542 (5)

Елена Сергеевна показала мне как-то толстую клеенчатую тетрадь, в разных местах обрывочно заполненную его характерным крупным с резкими нажимами почерком. Это были наброски отдельных глав учебника по истории СССР, который он начал писать, прочтя в газете объявление о предстоящем конкурсе. Я был поражен

В.Я. Виленкин
с.390-391 (12)

свежестью и живостью языка, изяществом стиля, словом, литературным совершенством этих еще черновых исторических фрагментов.

Булгаков ответил, что для него явление Толстого в русской литературе значит то же, что для верующего христианина евангельский рассказ о явлении Христа народу.

— После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого. То, что он был, я не боюсь сказать: то, что было явление Льва Николаевича Толстого., обязывает каждого русского писателя после Толстого, независимо от размеров его таланта, быть беспощадно строгим к себе. И к другим, — выдержав паузу, добавил Булгаков...

И вновь повторил, что непростительная снисходительность Львова-Рогачевского к плохим, стыдным, беспомощным литературным произведениям может быть объяснена только тем, что уважаемый Василий Львович на время просто позабыл о том, что русским читателям являлся сам Лев Николаевич Толстой!

Львов-Рогачевский не стерпел. Если, как этого требует Михаил Афанасьевич, каждого писателя сравнивать со Львом Толстым, то тогда вообще ни одного писателя не останется.

...Помилуйте, Василий Львович, кому же может прийти на ум требовать, чтобы каждый новый писатель был равен Льву Николаевичу Толстому? Смешно. Нет, этого он, слава богу, не требовал — еще не сошел с ума. Он требовал и требует, чтобы самый факт существования в нашей литературе Толстого был фактом, обязывающим любого писателя.

— Обязывающим к чему? — спросил кто-то из зала.

— К совершенной правде мысли и слова, — провозгласил Булгаков. — К искренности до дна. К тому, чтобы знать, чему, какому добру послужит то, что ты пишешь! К беспощадной нетерпимости ко всякой неправде в собственных сочинениях! Вот к чему нас обязывает то, что в России был Лев Толстой!

Э.Л. Миндлин
с.154-155 (45)

Думаю, совсем не случайно Булгаков — автор лучшей инсценировки "Мертвых душ". Перу Михаила Афанасьевича принадлежит фельетон, опубликованный в сборнике "Дьяволиада".

Почему я заговорил об этом здесь?

По-моему, Булгаков и в жизни иронически пародировал гоголевскую манеру отображать мир. Словесная пышность Гоголя, старомодность для нас его речений и словооборотов помогали Булгакову иногда прятать свое подлинное отношение к явлениям, а иногда делать смешными те или иные негативные факты и черты наших дней. К тому же Булгакову и в беседе было свойственно высокое ощущение ритма. И в такой стороне речи Гоголь очень выручал Михаила Афанасьевича: пародируя гоголевский роскошный ритм (на мой взгляд, несвойственный русскому языку, но типичный для Украины), он мог выражать ритмически свое сатирическое отношение в великолепных "цветах красноречия", за которыми пряталась и из которых выглядывала его собственная ирония...

В.Е. Ардов
с.46 (2)

М.А. *...Мой литературный портрет закончен и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего... /Из письма к Правительству СССР, 28 марта 1930 г./*

1930

1932

1939

1940

Глава IV

Последнее десятилетие:
кризис,
Елена Сергеевна,
закатный роман,
болезнь, смерть.

Кризис.

...В 29-м году все его пьесы были сняты со сцены, и он остался в совершенно трагическом положении, потому что его никуда не брали: даже рабочим сцены, даже типографским рабочим. Он был обречен на полную нищету. В 30-м году он был в полном отчаянии. (Я, видимо, не очень точно выражаюсь, потому что слово отчаяние — к нему никак не подходит. Это человек несгибаемый. Я не встречала по силе характера никого, равного Булгакову. Его нельзя было согнуть, у него была какая-то стальная пружина внутри, что никакая сила не могла его согнуть, пригнуть, никогда. Он всегда пытался найти выход.)

И вот в 30-м году Михаил Афанасьевич понял, что он должен обратиться в правительство с точным описанием своего положения, своей судьбы в прошлом и в данное время и поставить вопрос так: он писатель, он не может не писать, не писать — для него равносильно смерти. Или его следует выпустить за рубеж, где он будет жить, просто зарабатывать на жизнь, или же дать возможность работать в Советском Союзе. Но так, чтобы он не был, как он говорил, большим заводом, выпускающим зажигалки.

Е.С. Булгакова
с. 385 (15)

М.А. *...Одно могу сказать: зачем задерживают в СССР писателя, произведения которого существовать в СССР не могут?*
Чтобы обречь его на гибель?
Прошу о гуманной резолюции — отпустить меня. Вас убедительно прошу ходатайствовать за меня.
Прошу не отказать в любезности сообщить, получено ли Вами мое письмо.
К этому письму теперь мне хотелось бы добавить следующее:

Все мои пьесы запрещены,
нигде ни одной строки моей не напечатают,
никакой готовой работы у меня нет, ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает,
ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечает,
словом — все, что написано мной за 10 лет работы в СССР, уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось — меня самого. Прошу вынести гуманное решение — отпустить меня! /Из письма к Максиму Горькому, 28 сентября 1929 г./

В обстоятельствах, вдруг сложившихся вокруг Булгакова, он не только не мог расчитывать на договор с театром или с каким-либо издательством, но и просто на получение работы. Катастрофическое положение усложнялось тем, что по существовавшим тогда законам писатель облагался налогом как частник. В конце года фининспекция изучала "декларацию" автора, подсчитывала его доходы и на основании этого предъявляла соответствующую сумму для уплаты налога. Эти налоговые обязательства, в которых был учтен гонорар за прошлые спектакли, а их уже не было в репертуаре, пришли к Булгакову тогда, когда ничего не поступало на его авторский счет, заработанное прожито, а он уже легкомысленно привык к своей материальной обеспеченности. Началась продажа вещей, появились долги.

Еще не осознав того, что произошло, Булгаков оказался в опасной немилости. И вдруг дом его опустел. Словно все притихло, вымерло вокруг. Очень многие из тех, кого можно было считать приятелем и кто считал себя восторженным почитателем его таланта, перестали бывать в доме. Почти совсем замолк телефон...

Крах литературный совпал с кризисом его семейной жизни.

Он приходил ко мне растерянный. Порозовев от волнения, начинал разговор, но тут же обрывал его, и мы говорили о каких-то посторонних вещах... Беседы не получалось. Ничего толком он еще сказать не решался, но я догадывался, что происходит с ним, по отдельным его фразам, которые он словно бы пробрасывал, поглядывая на меня при этом испытующе...

С.А. Ермолинский
с.90-91 (25)

М.А. *...Теперь сообщаю тебе, мой брат: положение мое неблагополучно.*
Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить за границу на любой срок.
В сердце у меня нет надежды. Был один зловещий признак — Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то, что я оставался (это было несколько месяцев тому назад).
Вокруг меня уже ползает змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.
В случае, если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить.
Мне придется сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но даже фамилии моей равнодушно видеть не могут.
Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос мо-

ей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко...
Нехорошо то, что этой весной я почувствовал усталость, разлилось равнодушие. Ведь бывает же предел. /Из письма брату Николаю, 24 августа 1929 г./

Вспоминаю, как постепенно распухал альбом вырезок с разносными отзывами и как постепенно истощалось стоическое к ним отношение со стороны М. А., а попутно истощалась и нервная система писателя: он становился раздражительней, подозрительней, стал плохо спать, начал дергать плечом и головой (нервный тик).

Л.Е. Белозерская
с.174 (4)

Надо только удивляться, что творческий запал (видно, были большие его запасы у писателя Булгакова!) не иссяк от этих непрерывных груборугательных статей. Я бы рада сказать критических статей, но не могу — язык не поворачивается...

М.А. *Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.*
Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни. /Из письма Правительству СССР, 28 марта 1930 г./

Когда я с ними познакомилась... у них было трудное материальное положение. Не говорю уже об ужасном душевном состоянии М[ихаила] А[фанасьевича]... Тогда он написал письмо правительст-

ву... 3 апреля, когда я как раз была у М.А. на Пироговской, туда пришли Ф.Кнорре и П.Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа, а второй — директор) с уговорами, чтобы М.А. поступил режиссером в ТРАМ... А 18 апреля часов в 6-7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба его позвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М.А. не поверил, решил, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и, взъерошенный, раздраженный, взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Висарионович.

— Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что мы Вам очень надоели?

(М.А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ждал) — что растерялся и не сразу ответил):

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно С Вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего.

Е.С. Булгакова с. 230 (6)

М.А. *...В самое время отчаяния... мне позвонил генеральный секретарь год с лишним назад. Поверьте моему вкусу: он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно. В сердце писателя зажглась надежда: оставался только один шаг — увидеть его и узнать судьбу...*
...Есть у меня мучительное несчастье. Это то, что не состоялся мой разговор с генсекром. Это ужас и черный гроб. Я исступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю.
Год я ломал голову, стараясь сообразить, что случилось? Ведь не галлюцинировал же я, когда слышал его слова? Ведь он же произнес фразу: "Быть может, Вам действительно нужно уехать за границу?..." Он произнес ее! Что произошло? Ведь он же хотел принять меня?... /Из письма В.В.Вересаеву, 22-28 июля 1931 г./

Когда мы с Михаилом Афанасьевичем решили порвать с прошлым — я с мужем, а он с Любовью Евгеньевной Белозерской — он привел меня к Патриаршим прудам и, вынув из кармана маузер, бросил его далеко в воду. В эти дни Сталин снял запрет с "Дней Турбиных" и велел принять Булгакова в театр. "Если бы ни это. —

сказал он мне тогда, — я был готов покончить с собой". Сталин дал Булгакову десять лет жизни.

Е.С. Булгакова с.33 (72)

М.А. *...В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны, и в рассмотрении коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение пьесу "Дни Турбиных" возобновить.*
Для автора этой пьесы это значит, что ему — автору возвращена часть его жизни. Вот и все. /Из письма П.С.Попову, 25 января 1932 г./

Сегодня днем заходила в МХАТ за М.А. Пока ждала его в конторе у Феди, подошел Ник. Вас. Егоров. Сказал, что несколько дней назад в Театре был Сталин, спрашивал, между прочим, о Булгакове, работает ли в Театре?

— Я вам, Е.С., ручаюсь, что среди членов Правительства считают, что лучшая пьеса это "Дни Турбиных".

— Вообще держался так, что можно думать (при его подлости), что было сказано что-то очень хорошее о Булгакове.

Я рассказала о новой комедии, что Сатира ее берет.

— Это что-же, плевок Художественному театру?!

— Да вы что, коллекционируете булгаковские пьесы? У вас лежат "Бег", "Мольер", "Война и мир". Если бы Судаков не отложил (или Театр — уже не знаю, кто виноват!) репетиций "Бега" для "Лжи" — "Бег" шел бы уже. "Мольера" репетируете четвертый год. Теперь хотите новую комедию сгноить в портфеле? Что за жадность такая? /Из дневника, 27 марта 1934 г./

Е.С. Булгакова с.55 (21)

М.А. *Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август-сентябрь. Давно уже мне грезилась Средиземная волна, и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и — словом, возможность видеть все это. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный "Фрегат "Палладу" и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось! Тогда уж готовь новую главу — самую интересную.*
Видел одного литератора, как-то побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем берет купил и приехал.
Ни строчки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?
Очень прошу тебя никому об этом не говорить, решительно никому. Таинственности здесь нет никакой, но просто хочу себя оградить от дикой трескотни московских кумушек и кумовьев. Я не могу больше слышать о том, как треплют мою фамилию и обсуждают мои дела, которые решительно никого не касаются. На днях ворвалась одна особа, так она уж ушла, а мы с Люсей полчаса еще ее ругали. Она уж, может быть, у Мясницких ворот была и икала. Она спрашивала, сколько мы зарабатываем, и рассказала, сколько другие зарабатывают. Один, по ее словам, пятьсот тысяч в месяц. И что мы пьем и едим. И прочее. Чума! Народное бедствие! Никто мне не причинил сколько неприятностей, сколько эти московские красавицы с их чертовым враньем! Просто не хочу, чтобы трепался такой важный вопрос, который для меня вопрос будущего, хотя бы и короткого, хотя бы уже и на вечере моей жизни! /Из письма М.А.Булгакова к П.С.Попову, 28 апреля 1934 г./

Вчера я была в Ржевском у Женички, он поправляется после операции. Звонок по телефону — М.А.

— Скорей иди домой.

Не помню, как добежала. Оказывается: звонок. Какой-то приятный баритон:

— Михаил Афанасьевич? Вы подавали заявление о заграничном паспорте? Придите в Иностранный отдел Исполкома, заполните анкеты — Вы и Ваша жена. Обратитесь к тов. Борисполецу. Не забудьте фотографии.

Денег у нас не было, паспорта ведь стоят по двести с чем-то. Лоли смоталась на такси домой, привезла деньги. На этой же машине мы — на Садовую-Самотечную. Борисполец встал навстречу из-за стола. На столе лежали два красных паспорта. Я хотела уплатить за паспорта, но Борисполец сказал, что паспорта будут бесплатные. “Они выдаются по особому распоряжению, — сказал он с уважением. — Заполните анкеты внизу”.

И мы понеслись вниз. Когда мы писали, М.А. меня страшно смешил, выдумывая разные ответы и вопросы. Мы много хихикали, не обращая внимания на то, что из соседних дверей вышли сначала мужчина, а потом дама, которые сели тоже за стол и что-то писали.

Когда мы поднялись наверх, Борисполец сказал, что уже поздно,

паспортистка ушла и паспорта сегодня не будут нам выданы. "Приходите завтра".

— "Но завтра 18-е (шестидневка)". — "Ну, значит 19-го".

На обратном пути М.А. сказал:

— Слушай, а это не эти типы подвели?! Может быть, подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся?... Да нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!

И все повторял ликующе:

— Неужели не арестант?!

Это вечная ночная тема: Я — арестант... Меня искусственно ослепили... /Из дневника, 18 мая 1934 г./

Е.С. Булгакова с.59-60 (21)

Ответ переложили на завтра. /Из дневника, 19 мая 1934 г./

Е.С. Булгакова с.60 (21)

Ответ переложили на 25-е. /Из дневника, 23 мая 1934 г./

Е.С. Булгакова с.60 (21)

Опять нет паспортов. Решили больше не ходить. М.А. чувствует себя отвратительно. /Из дневника, 25 мая 1934 г./

Е.С. Булгакова с.60 (21)

М.А. чувствует себя ужасно — страх смерти, одиночества. Все время, когда можно, лежит...

Вызвала к Мише Шапиро. Нашел у него сильное переутомление. Сердце в порядке. /Из дневника, 1 июня 1934 г./

Е.С. Булгакова с.60 (21)

М.А. *К началу весны я совершенно расхворался: начались бессонницы, слабость и, наконец, самое паскудное, что я когда-либо испытывал в жизни, страх одиночества, то есть, точнее говоря, боязнь оставаться одному. Такая гадость, что я предпочел бы, чтобы мне отрезали ногу!*

Ну, конечно, врачи, бромистый натр и тому подобное. Улиц боюсь, писать не могу, люди утомляют или пугают, газет видеть не могу, хожу с Еленой Сергеевной под ручку или с Сережкой — одному смерть! /Из письма В.В.Вересаеву, 11 июля 1934 г./

...Седьмого июня мы ждали в МХАТе вместе с другими Ивана Сергеевича, который поехал за паспортами. Он вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам — последним — белые бумажки — отказ. Мы вышли. На улице М.А. вскоре стало плохо, я струдом довела его до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку...

У М.А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства.

Дня через три (числа 10-11) М.А. написал письмо обо всем этом Сталину, я отнесла в ЦК. Ответа, конечно, не было. /Из дневника, 20 июля 1934 г./

Е.С. Булгакова с.61 (21)

М.А. *...19-го паспортов нет. 23-го — на 25-е, 25-го — на 27-е. Тревога. Переспросили: есть ли распоряжение? — Есть. Из Правительственной Комиссии, через Театр узнаем: "дело Булгаковых устроено".*

Чего еще нужно? Ничего.

Терпеливо ждать. Ждем терпеливо.

Тут уж стали поступать и поздравления, легкая зависть: "Ах, счастливцы!"

— Погодите, — говорю, — где же паспорта-то?
— Будьте покойны! (Все в один голос.)
Мы покойны. Мечтания : Рим, балкон, как у Гоголя сказано — пинны, розы... рукопись... диктую Елене Сергеевне... вечером идем, тишина, благоухание... Словом, роман!
В сентябре начинает сосать под сердцем: Камергерский переулок, там, наверно, дождик идет, на сцене полумрак, чего доброго, в мастерских "Мольера" готовят...
И вот в этот самый дождик я являюсь. В чемодане рукопись, крыть нечем!
Самые трезвые люди на свете, это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дождики не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получать паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру — катись за паспортами.
Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта открыть, как я уже взялся за сердце.
Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку — М.А.Булгакову отказано.
Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!
Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильней всего происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перон — под откос! Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глянуть на меня... /Из письма В.В.Вересаеву, 11 июля 1934 г./

..."Ревизор" в кино. Были две встречи с дирекцией. План М.А. понравился. Оба директора начали уговаривать М.А. переехать совсем в Киев, даже квартиру обещали достать.

Для М.А. квартира — магическое слово. Ничему на свете не завидует — квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него. /Из дневника, 23 августа 1934 г./ *Е.С. Булгакова с.64 (21)*

...М.А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом — зашла за ним... /Из дневника, 25 августа 1934 г./ *Е.С. Булгакова с.65 (21)*

У М.А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества. Думает, не обратиться ли к гипнозу... /Из дневника, 13 октября 1934 г./ *Е.С. Булгакова с.74 (21)*

После гипноза — у М.А. начинают исчезать припадки страха, настроение ровное, бодрое и хорошая работоспособность. Теперь — если бы он мог еще ходить один по улице. /Из дневника, 19 ноября 1934 г./ *Е.С. Булгакова с.78 (21)*

Вечером был Жуховицкий. Вечный острый разговор на одну и ту же тему — о судьбе М.А.

— Вы должны высказаться... Должны показать свое отношение к современности...

— Сыграем вничью. Высказываться не буду. Пусть меня оставят в покое. /Из дневника, 15 февраля 1935 г./ *Е.С. Булгакова с.86 (21)*

...Потом он (В.В.Вересаев — *сост.*) ушел наверх к Треневу, где справлялись имянины жены Тренева. А через пять минут появился Тренев и нас попросил придти к ним. М.А. побрился, выкупался, и мы пошли. Там была целая тьма малознакомого народа... Шумно. Пастернак с особенным каким-то придыханием читал свои переводные стихи, с грузинского. После первого тоста за хозяйку Пастернак объявил: "Я хочу выпить за Булгакова!" Хозяйка: "Нет, нет! Сейчас мы выпьем за Викентия Викентьевича, а потом за Булгакова!" — "Нет, я хочу за Булгакова! Вересаев, конечно, очень большой человек, но он — законное явление. А Булгаков — незаконное!" /Из дневника, 7 апреля 1935 г./

Е.С. Булгакова с.91 (21)

...Горчаков, Калинкин... И привезли Млечина.
Последний никак не может решиться — разрешить "Ивана Васильевича". Сперва искал в пьесе вредную идею. Не найдя, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Сказал: "Вот если бы такую комедию написал, скажем, Афиногенов, мы бы подняли на щит... Но Булгаков!..."
И тут же выдал с головой Калинкина, сказав ему: "Вот ведь есть же и у вас опасения какие-то..." /Из дневника, 20 октября 1935 г./

Е.С. Булгакова с.107 (21)

МХАТ, вместо того, чтобы платить просроченного "Мольера", насчитал на М.А. — явно неправильно — 11800 руб. Придется возиться с этим делом. Это, конечно, выдумка Егорова. /Из дневника, 28 января 1936 г./

Е.С. Булгакова с.111 (21)

Сегодня в "Советском искусстве" статья Литовского о "Мольере". Злобой дышит. /Из дневника, 11 февраля 1936 г./

Е.С. Булгакова с.113 (21)

В мхатовской газете "Горьковец" отрицательные отзывы о "Мольере" Афиногенова, Всеволода Иванова, Олеши и Грибкова, который пишет, что пьеса "лишняя на советской сцене". /Из дневника, 24 февраля 1936 г./

Е.С. Булгакова с.115 (21)

Много звонков — просят билеты на "Мольера".
Актер Волошин позвонил и попросил две тысячи взаймы. Теперь пойдут такие просьбы. А у нас долгу семнадцать тысяч и ни копейки на текущем счету — жили на авансы. /Из дневника, 27 февраля 1936 г./

Е.С. Булгакова с.115 (21)

В "Правде" статья "Внешний блеск и фальшивое содержание", без подписи.
Когда прочитали, М.А. сказал: "Конец "Мольеру", конец "Ивану Васильевичу".
Днем пошли во МХАТ — "Мольера" сняли, завтра не пойдет.
Другие лица. /Из дневника, 9 марта 1936 г./

Е.С. Булгакова с.116 (21)

М.А. *Сейчас ,дорогой Викентий Викентьевич,получил Ваше письмо и был душевно тронут! Удар очень серьезен. По вчерашним моим сведениям,кроме "Мольера",у меня снимут совсем готовую к выпуску в театре Сстиры комедию "Иван Васильевич".*
Дальнейшее мне не ясно. /Из письма В.В.Вересаеву,12 марта 1934 г./

В 1936 г. у него был большой успех. Шли "Дни Турбиных", шли "Мертвые души", был совершенно готов спектакль "Иван Васильевич" в Театре сатиры, был готов и выходил на сцену спектакль "Мольер" в Художественном театре и готовился в пяти театрах "Пуш-

кин". Это было время очень больших надежд и уверенности. Но вдруг появилась в "Правде" неожиданная статья. По-видимому, ее написал начальник Главреперткома тогда — Литовский, злейший враг Булгакова. Сразу был снят спектакль "Мольер", снят на полном ходу, хотя имел очень большой успех у зрителя. Я записывала в дневнике: "Сегодня дали 18 занавесов, давали 20, и 22, и 24". Вызывали автора, актеров, это действительно был очень большой успех. Когда должен был быть восьмой спектакль, пьесу сняли. Это было очень сильным ударом для Михаила Афанасьевича, хотя внешне вы никогда бы не могли этого сказать. Он, казалось, оставался таким же, каким был. Находились люди, которые советовали ему покаяться, написать какое-то письмо с отказом от своих прежних произведений и с обещанием писать какие-то, неизвестно какие, новые.

Эти советы вызывали у него всегда только улыбку, я бы не сказала даже злую, просто насмешливую и снисходительную. К такой трусости и таком мелочному счету жизни. Он только решил для себя уйти из Художественного театра, потому что, как он сказал, — "это кладбище моих пьес". И ушел. И оказался в безвоздушном пространстве, Это было для него невыносимо. Он не мог жить без людей, без окружения, без разговоров и без театра.

Е.С. Булгакова с.386-387 (15)

М.А. *...Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе "Театр и драматургию" №4.*
Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня. Но что пишут!

Особенную гнусность отмочил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках.
Да, она права. Так жить больше нельзя, и так жить я не буду.
Я все думаю и выдумаю что-нибудь, какою бы ценою мне ни пришлось за это заплатить. /Из письма С.А.Ермолинскому, 14 июня 1936 г./

...И он поступил в Большой театр либреттистом. Его там очень полюбили, ему было хорошо. Он любил и оперу, и балет, любил музыку, так что ему действительно было там хорошо. Правда, это помешало ему закончить "Театральный роман".

Дело в том, что роман был готов, в голове все было решено, вся вторая часть закончена, но просто не было времени записать ее, потому что он обязан был один раз в год давать либретто. Это отнимало столько времени, сколько другой тратил бы на диссертацию. Его записные книжки с оперными либретто, помоему, интереснее всех его рукописей.

Е.С. Булгакова с.387(15)

М.А. *...Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили "Мольера". Договор на перевод "Виндзорских" я выполнять отказался.*
Тесно мне стало в проезде Художественного театра, довольно фокусничали со мной.
Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто! /Из письма В.В.Вересаеву, 2 октября 1936 г./

...Я стал частым гостем в доме Булгакова как раз в тот тяжелый период его жизни, когда его не печатали и не ставили совсем (только в репертуаре МХАТ сохранялись его "Дни Турбиных", возобновленные в 1932 году), когда он имел право считать себя несправедливо отвергнутым, многими преданным.

— Скажите, какой человеческий порок, по-вашему, самый главный? — спросил он меня однажды совершенно неожиданно. Я стал в тупик и сказал, что не знаю, не думал об этом.

— А я знаю. Трусость — вот главный порок, потому что от него идут все остальные.

Думаю, что этот разговор был не случайным.

Вероятно, у него бывали моменты отчаянья, но он их скрывал даже от друзей. Я лично не видел его ни озлобившимся, ни замкнувшимся в себе, ни внутренне сдавшимся. Наоборот, в нем сила чувствовалась. Он сохранял интерес к людям (как раз в это время он многим помогал, но мало кому это становилось известным). Сохранял юмор, правда, становившийся все более саркастическим.

В.Я. Виленкин
с.388-389 (12)

М.А. *...У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, чтоя подал в отставку в Художественном Театре и разорвал договор на перевод "Виндзорских".*
Довольно! Все должно иметь свой предел.
...Прикажи вынуть из своего погреба бутылку Клико, выпей за здоровье "Дней Турбиных", сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей. Снимаю перед старухой свою засаленную писательскую ермолку, жена меня поздравляет, в чем и весь юбилей. /Из письма П.С.Попову, 5 октября 1936 г./

У нас были Попов и Лямины. М.А. читал им куски из "Записок покойника". Поздно ночью М.А.:

— Мы совершенно одиноки. Положение наше страшно. /Из дневника 28 марта 1937 г./

Е.С. Булгакова
с.135 (21)

М.А. *...Сегодня я получил от этого театра (Харьковский Театр Русской Драмы — сост.) вызов в Московский Горсуд с целью взыскания с меня и В.В.Вересаева 3038 руб., выданных авторам по договору.*
Основанием иска служит, как пишет театр, что "М.А.Булгаков предоставил театру пьесу "Александр Пушкин", не получив предварительно от ГУРК разрешения на постановку этой пьесы и тем ввел театр Русской Драмы в заблуждение и в убыток в сумме руб. 3038".
Сообщаю, что я никак не принимал на себя предоставление разрешенной пьесы, что совершенно видно из договора, и что я, согласно законоположения, имею право взыскивать деньги с театра за непоставленную им пьесу, а не театр с меня, — протестую, главным образом, против опорочивающей меня фразы, что я "ввел театр в заблуждение", ибо никаких театров и никогда в заблуждение не вводил.
Вообще, сколько я понимаю, мое положение становится все тяжелее. Я не говорю о том, что я не могу поставить на отечественной сцене ни одной из сочиненных мною в последние годы

пьес (я с этим вполне примирился). Но мне приходится теперь, как бы в виде награды за мои драматургические работы, в том числе за пьесу о Пушкине, не только отбиваться от необоснованных попыток взыскания с меня денег (описанный здесь случай — не первый), но еще и терпеть опорочивание моего литературного имени. /Из заявления во Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР, 22 марта 1937 г./

М.А. *...Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, — такая есть примета. Уверяю тебя, что эта примета липовая. Теперь вижу, что в отношении меня 37-й не уступает предшественнику.*
В числе прочего второго апреля пойду судиться — дельцы из Харьковского театра делают попытку вытянуть из меня деньги, играя на несчастье с "Пушкиным". Я теперь без содрогания не могу слышать слово — Пушкин — и ежечасно кляну себя за то, что мне пришла злосчастная мысль писать пьесу о нем.
Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: "Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!" Я им очень благодарен, конечно! /Из письма П.С.Попову, 24 марта 1937 г./

Звонок из ЦК. Ангаров просит М.А. приехать. Поехал.
Разговор был, по словам М.А., тяжкий по полной безрезультатности. М.А. рассказывал о том, что проделали с “Пушкиным”, а Ангаров отвечал в таком плане, что он хочет указать М.А. правильную стезю.
Говоря о “Минине”, сказал: — Почему вы не любите русский народ? — и добавил, что поляки очень красивые в либретто.
Самого главного не было сказано в разговоре — что М.А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать так, как он не будет писать.
Обо всем этом, вероятно, придется писать в ЦК. Что-то надо предпринять, выхода нет. /Из дневника, 7 апреля 1937 г./ *Е.С. Булгакова с.138 (21)*

М.А. *...Я очень утомлен и размышляю. Мои последние попытки сочинять для драматических театров были чистейшим донкихотством с моей стороны. И больше я его не повторю. На фронте драматических театров меня больше не будет. Я имею опыт, слишком много испытал... /Из письма В.В.Вересаеву, 4 пареля 1937 г./*

...М.А. говорил, что после всего разрушения, произведенного над его пьесами, вообще работать сейчас не может, чувствует себя подавленно и скверно. Мучительно думает над вопросом о своем будущем. Хочет выяснить свое положение... /Из дневника, 9 мая 1937 г./ *Е.С. Булгакова с.144 (21)*

М.А. в ужасном настроении. Опять стал бояться ходить один по улицам. /Из дневника, 15 мая 1937 г./ *Е.С. Булгакова с.147 (21)*

М.А. *...Сидим с Люсей до рассвета, говорим на одну и ту же тему — о гибели моей литературной жизни. Перебрали все выходы, средства спасения нет.*

Ничего предпринять нельзя, все непоправимо. /Из письма С.А.Ермолинскому, 18 июня 1937 г./

...Добраницкий очень упорно предсказывает, что судьба М.А. изменится сейчас к лучшему, а М.А. так же упорно в это не верит. Добраницкий:

— А вы жалеете, что в вашем разговоре 1930-го года со Сталиным вы не сказали, что хотите уехать?

— Это я вас могу спросить, жалеть ли мне или нет. Если вы говорите, что писатели немеют на чужбине, то мне не все ли равно, где быть немым — на родине или на чужбине? /Из дневника, 20 августа 1937 г./

Е.С. Булгакова с.163 (21)

Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить?

Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение.. /Из дневника, 23 сентября 1937 г./

Е.С. Булгакова с.167 (21)

М.А. *...Недавно подсчитал: за 7 последних лет я сделал 16 вещей, и все они погибли, кроме одной, и та была инсценировка Гоголя! Наивно было бы думать, что пойдет 17-я или 19-я. Работаю много, но без всякого смысла и толка. От этого нахожусь в апатии. /Из письма В.В.Вересаеву, 5 октября 1937 г./*

...Днем пошли за деньгами в Вахтанговский театр (аванс за “Дон-Кихота” — *сост.*)...

Получили деньги, вздохнули легче. А то просто не знала, как жить

дальше. Расходы огромные, поступления небольшие. Долги... /Из дневника, 7 декабря 1937 г./

Е.С. Булгакова с.177 (21)

...Были в Агенстве литературном у Уманского — из Польши запрашивают “Мольера” для постановки.

Ясно, что разрешения на это не дадут. Как М.А. сказал — даже по спине Уманского видно, что не дадут... /Из дневника, 17 января 1938 г./

Е.С. Булгакова с.181 (21)

...Звонок Уманского — речи быть не может об отправке “Мольера” в Польшу! Стало быть — ни дома, ни за границей!... /Из дневника, 19 января 1938 г./

Е.С. Булгакова с.181 (21)

...Подумать только, у М.А. написано двенадцать пьес, — и ни копейки на текущем счету. Идут только две пьесы — в одном театре... /Из дневника, 12 сентября 1938 г./

Е.С. Булгакова с.202 (21)

Утром звонок по телефону из Вахтанговского театра, приехал кто-то из дирекции Свердловского театра, хочет поговорить с М.А. относительно пьесы.

— Которой? — спросила я.

— “Дон-Кихота”, — после паузы удивленно ответил этот приезжий — Георгиевский.

Условились, что напишет из Свердловска.

А вечером Акимов Ник. Пав. звонил — о том же. Приедет завтра утром.

Как все повторяется. М.А. напишет пьесу — начинается шевеленье, звонки, разговоры, письма. Потом пьеса снимается — иногда с

Е.С. Булгакова
с.202-203 (21)

грохотом, как “Мольер”, иногда тихо, как “Иван Васильевич”, — и наступает полная тишина. /Из дневника, 19 сентября 1938 г./

...Постоянный возврат к одной и той же теме — к загубленной жизни М.А.

М.А. обвиняет во всем самого себя. А мне тяжело слушать это. Ведь я знаю точно, что его погубили. Погубили писатели, критики, журналисты. Из зависти. А кроме того, потому, что он держится далеко от них, не любит этого круга, не любит богемы, амикошонства.

Е.С. Булгакова
с.203-204 (21)

Ему это не прощается. Это как-то под пьяную лавочку высказал все Олеша. /Из дневника, 21 сентября 1938 г./

...За ужином — вдвоем — говорили о важном. При работе в театре (безразлично, в каком, говорит Миша, а по-моему, особенно в Большом) — невозможно работать дома — писать свои вещи. Он приходит такой вымотанный из театра — этой работой над чужими либретто, что, конечно, совершенно не в состоянии работать над своей вещью. Миша задает вопрос — что же делать? От чего отказаться? Быть может, переключиться на другую работу?

Е.С. Булгакова
с.231-232 (21)

Что я могу сказать? Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл. /Из дневника 21 декабря 1938 г./

М.А. *...У меня нередко возникает желание поговорить с Вами, но я как-то стесняюсь это делать, потому что у меня, как у всякого разгромленного и затравленного литератора, мысль все время устремляется к одной мрачной теме о моем положении, а это утомительно для окружающих.*

Убедившись за последние годы в том, что ни одна моя строчка не пойдет ни в печать, ни на сцену, я стараюсь вырабатывать в себе равнодушное отношение к этому. И, пожалуй, я добился значительных результатов.
Одним из последних моих опытов явился "Дон Кихот" по Сервантесу, написанный по заказу вахтанговцев. Сейчас он и лежит у них и будет лежать, пока не сгниет, несмотря на то, что встречен ими шумно и снабжен разрешающею печатью реперткома.
В своем плане они его поставили в столь дальний угол, что совершенно ясно — он у них не пойдет. Он, конечно, и нигде не пойдет. Меня это нисколько не печалит, так как я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны — как велики будут неприятности, которые она мне доставит? И если не предвидится крупных, и за то уже благодарен от души. /Из письма В.В.Вересаеву, 11 марта 1939 г./

Помню Булгаковых перед отъездом в Батуми. Это было в период подготовки к работе над принятой театром пьесой Михаила Афанасьевича о юности Сталина, где Хмелев должен был играть молодого вождя.

Михаил Афанасьевич был возбужден, весел, даже помолодел, так был увлечен предстоящим трудным делом. И казалось, что впереди его ждут большие свершения и наконец большое признание. Но все произошло иначе. И уже не было встреч, а были лишь известия о том, как его вернули с дороги, как принял он этот приказ, как слег, чтобы больше не встать.

С.С. Пилявская
с.171-173 (54)

Елена Сергеевна

Л.Е. Белозерская с.148 (4)

В 29-30 годах мы с М. А. поехали как-то в гости к его старым знакомым, мужу и жене Моисеенко (жили они в доме Нирензее в Гнездниковском переулке). За столом сидела хорошо причесанная интересная дама — Елена Сергеевна Нюренберг, по мужу Шиловская. Она вскоре стала моей приятельницей и начала запросто и часто бывать у нас в доме.

Так на нашей семейной орбите появилась эта женщина, ставшая впоследствии третьей женой М. А. Булгакова.

На днях будет еще один 32-летний юбилей — день моего знакомства с Мишей. Это было на масленой, у одних общих знакомых (...) Сидели мы рядом, (...) у меня развязались какие-то завязочки на рукаве, (...) я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь. (...) Тут же мы условились идти на следующий день на лыжах. И пошло. После лыж — генеральная "Блокады", после этого — актерский клуб, где он играл с Маяковским на биллиарде... Словом, мы встречались каждый день и, наконец, я взмолилась и сказала, что никуда не пойду, хочу выспаться, и чтобы Миша не звонил мне сегодня. И легла рано, чуть ли не 9 часов. Ночью (было около трех, как оказалось потом) Оленька (сестра Е.С. Шиловской — Ольга Сергеевна Бокшанская. — *сост.*), которая всего этого не одобряла, конечно, разбудила меня: иди, тебя твой Булгаков зовет к телефону (...) Я подошла. "Оденьтесь и выйдите на крыльцо", — загадочно сказал Миша и, не объясняя ничего, только повторял эти слова. Жил он в это время на Бол. Пироговской, а мы на Бол.Садовой, угол Мал. Бронной, в особнячке, видевшем Наполеона, с каминами, с кухней

внизу, с круглыми окнами, затянутыми сиянием, словом, дело не в сиянии, а в том, что далеко друг от друга. А он повторяет — выходите на крыльцо. Под Оленькино ворчание я оделась (...) и вышла на крылечко. Взял под руку и на все мои вопросы и смех — прикладывает палец ко рту и молчит... Ведет через улицу, приводит на Патриаршие пруды, доводит до одного дерева и говорит, показывая на скамейку: здесь они увидели его в первый раз. И опять — палец у рта, опять молчание...

Потом пришла весна, за ней лето, я поехала в Ессентуки на месяц. Получала письма от Миши, в одном была засохшая роза и вместо фотографии — только глаза его, вырезанные из карточки...С осени 29 г., когда я вернулась, мы стали ходить с ним в Ленинскую библиотеку, он в это время писал книгу (...) /Из письма Е.С.Булгаковой к Н.А.Булгакову, февраль 1961 г./

Е.С. Булгакова с.326-327 (21)

Мы познакомились очень неожиданно. Я интересовалась им давно. С тех пор как прочитала "Роковые яйца" и "Белую гвардию". Я почувствовала, что это совершенно особый писатель, хотя литература 20-х годов у нас была очень талантлива. Необычайный взлет был у русской литературы. И среди всех был Булгаков, причем среди этого большого созвездия он стоял как-то в стороне по своей необычности, необычности темы, необычности языка, взгляда, юмора: всего того, что, собственно, определяет писателя.

Все это поразило меня.

Я была женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение. Двое прекрасных сыновей...

Вообще все было хорошо. Но когда я встретила Булгакова случайно в одном доме, я поняла, что это моя судьба, несмотря на все, несмотря на безумно трудную трагедию разрыва. Я пошла на все это, потому что без Булгакова для меня не было бы ни смысла жизни, ни оправдания ее...

Это было в 29-м году в феврале, на масленую. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом. Это была быстрая, необычайно быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на все жизнь.

Потом наступили гораздо более трудные времена, когда мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но, очевидно, все-таки это была судьба. Потому что, когда я первый раз вышла на улицу , я встретила его, и первой фразой, какую он сказал, было: "Я не могу без тебя жить". И я ответила: "Я тоже". И мы решили соединиться, несмотря ни на что.

Е.С. Булгакова
с.387-388 (15)

По-моему, в начале весны (1931 г. — *сост.*) я прихожу как-то к Елене Сергеевне на Ржевский. Она ведь дружила с Любовью Евгеньевной, и мы все с ней были хорошо знакомы, она была на нашей свадьбе с Ермолинским. Прихожу — мне открывает дверь Шиловский, круто поворачивается и уходит к себе, почти не здороваясь. Я иду в комнату к Елене Сергеевне, у нее маникюрщица, она тоже как-то странно со мной разговаривает. Ничего не понимаю, прощаюсь, иду к Булгаковым на Пироговскую, говорю: “Не знаете — что там происходит?...” Они на меня как напустятся: “Зачем ты к ним пошла? Они подумали, что это мы тебя послали!” Люба говорит: “Ты разве не знаешь?” — “Нет, ничего не знаю.” — “Тут такое было! Шиловский прибегал, грозил пистолетом...” Ну, тут они мне рассказали, что Шиловский как-то открыл отношения Булгакова с Еленой Сергеевной. Люба тогда против их романа, по-моему, ничего не имела. У нее тоже были какие-то свои планы...

М.А. Чимишкян
с.452 (69)

Любаша была почти на шесть лет моложе Лены и резонно полагала, что эти шесть лет дают ей ощутимый перевес. Но Михаил Афанасьевич думал иначе. И когда Люба поняла свою ошибку, увидела, сколь далеко зашли его отношения с Еленой, исправить, изменить что-либо было поздно. Тогда она решилась.

Я спросил однажды Елену Сергеевну: “Как Шиловский узнал о вашей связи?” Помедлив, она сказала: “Люба...”

А. Шварц
с.53 (72)

Елена Сергеевна рассказывала, что они встретились — впервые после 15 месяцев разлуки, в ресторане “Метрополь”, на людях, при посредстве Ф.Н.Михальского, давнего (с первого московского года) друга Елены Сергеевны. Обоим стало ясно, что они по-прежнему любят друг друга. Это было в июне; Елена Сергеевна уехала с детьми в Лебедянь.

Она рассказывала нам, как ходила по два часа в поле, в лесу — думала. И наконец написала мужу письмо — “Отпусти меня!...” “Мо-

лила Бога об ответе — и откуда-то сверху упал конверт: бросил в форточку почтальон... Пошла искать место, где бы прочесть без детей. Читала в деревенской уборной, солнце сквозь щели, жужжали мухи. С тех пор люблю жужжанье мух. Шиловский отпустил меня. Он писал: "Я относился к тебе как к ребенку, был неправ... Можно мне приехать?" Приехал, жил несколько дней. Вдруг — стал умолять, чтобы осталась в доме. Я, дура, согласилась", — сокрушенно вспоминала она. В конце лета вернулась в Москву. "Миша сказал мне, когда узнал, что я собираюсь остаться в доме, — "Ты что, с ума сошла?" Я написала Шиловскому в Сочи. М.А. приписал: "Дорогой Евгений Александрович, пройдите мимо нашего счастья...". Шиловский прислал ответ — мне. Была приписка: "Михаил Афанасьевич, то, что я делаю, я делаю не для Вас, а для Елены Сергеевны". Миша побледнел, — Елена Сергеевна всегда именно так описывала состояние его глубокой задетости чьими-то словами. — Всю жизнь это горело на его лице как пощечина".

М.О. Чудакова с.487-488 (69)

Шиловский потребовал, чтобы Булгаков пришел к нему в дом для последнего разговора. Ей он не позволил присутствовать при разговоре. Она рассказывала нам осенью 1969 года, что пряталась на противоположной стороне переулка, за воротами церкви ("Ворота и сейчас там стоят, Вы можете их увидеть", — поясняла она), видела, как понурый и бледный прошел он в дом. Во время разговора Шиловский, не сдержавшись, выхватил пистолет. Булгаков, побледнев, сказал (Елена Сергеевна передавала его тихую, сдержанную интонацию): "Не будете же Вы стрелять в безоружного?... Дуэль — пожалуйста!"

М.О. Чудакова с.489 (69)

Я никогда не спрашивал Елену Сергеевну об ее отношениях с Шиловским после смерти Михаила Афанасьевича, знал лишь, что встречались они редко, почти всегда в гостях. Круг Шиловского не был ее кругом. Да и он не искал с ней встреч. Марианна Алексеевна Толстая (вторая жена Е.А.Шиловского, дочь писателя А.Н.Толстого — *сост.*) была на двадцать один год моложе генерала... У них была уже маленькая дочь, Марианна растила Женю, старшего сына Елены Сергеевны, и не трудно было догадаться, что генерал был рад забыть все свои злоключения с первою женою.

"Она причинила ему много горя", — говорила Марианна. Как же был я удивлен, когда узнал от той же Марианны тайну генерала. "Он получал двенадцать тысяч, а мне давал только шесть. Я никогда не напоминала ему об этих деньгах, но знала, что по секрету от меня он отдавал их Елене Сергеевне"...

Генерал умер в 1952 году в своем служебном кабинете в Академии Генштаба. С той поры жизнь Елены Сергеевны заметно изменилась, и в дом ее зачастили оценщики из комиссионных магазинов...

А. Шварц с.185 (72)

— Нет, я не виню его ни в чем...

— Но ведь он ушел от вас?

— Нет, его увели... Когда я вспоминаю его жалкое, бледное лицо во время нашего расставания, глаза, полные слез... Нет, нет, он здесь ни при чем.

Все может женщина понять и даже простить, но понять, почему оставил ее Булгаков, да еще простить его — этого Любовь Евгеньевна никак не может. Говорит "не виню", а глаза темные, сорок лет не выветрили из них ни обиды, ни злой гордыни.

А. Шварц с.54 (72)

М.А. *...Итак, я развелся с Любовью Евгеньевной и женат на Елене Сергеевне Шиловской. Прошу ее любить и жаловать, как люблю и жалую я. На Пироговской живем втроем — она, я и ее шестилетний сын Сергей. Зиму провели у печки в интереснейших рассказах про Северный полюс и про охоты на слонов, стреляли из игрушечного пистолета и непрерывно болели гриппом. За это же время я написал биографию Вашего парижанина Жана-Батиста Мольера, для серии "Жизнь замечательных людей"... /Из письма Л.Н. и Е.И.Замятиным, 10 апреля 1933 г./*

Любовь Евгеньевна, в это время занятая собственной романтической историей, по свидетельствам ее приятельниц, М.А.Чемишкиан и Н.А.Ушаковой, вполне дружески встретила эти события. Елена Сергеевна рассказывала нам об этом так: "...Когда я пришла к ней и сказала, что мы с Мишей решили пожениться (я дружила с ней), она приняла это спокойно. Она давно знала о нашей близости. Она только сказала:

— Но я буду жить с вами!

И я ответила:

— Ну, конечно, Любочка!

(Когда я написала об этом своим родителям в Ригу — они решили, что я помешалась).

Но потом она стала говорить мне о Мише дурно: "Ты не знаешь, на что идешь. Он жадный, скупой, он не любит детей".

И тогда я сказала:

— Нет, Любочка, боюсь, нам не придется жить вместе. Я слышать

не могу, как ты говоришь о нем плохо. Ну, какой Миша скупой!...

И тогда решили купить Любе однокомнатную холостяцкую квартирку — тут же, через стену".

М.О. Чудакова с.489-490 (69)

М.А. *Я и Люся сейчас с головой влезли в квартирный вопрос, черт его возьми. Наша еще не готова и раздирает меня во всех смыслах, а Любе я уже отстроил помещение в этом же доме, где и я живу сейчас. /Из письма к сестре Надежде, 1 октября 1933 г./*

Про Елену Сергеевну сказал (К.М.Симонов — *сост.*), что в Москве 30-х годов не было более изящной женщины.

С.М. Смелянский с.39 (63)

Все три жены Булгакова являются как бы вехами трех периодов его жизни и вполне им соответствуют. (...) Скромная и печальная Татьяна была хороша только для поры скитаний, неустройства и неизвестности... Она могла быть лишь незаметной, бессловесной и выносливой нянькой и очень неказиста была бы в блестящем театральном окружении (...) Любочка — прошла сквозь огонь, воду и медные трубы — она умна, изворотлива, умеет себя подать и устраивать карьеру своему мужу (...) Она и пришлась как раз на ту пору, когда Булгаков, написав "Белую гвардию", выходил в свет и играл в оппозицию, искал популярности в интеллигентских, цекубуских кругах — Любочка заводила нужные знакомства, возобновляла старые — где лестью, где кокетством (?) пробивала Мише дорогу в МХАТ (...) Когда пошли "Дни Турбиных", положение Булгакова окрепло — акции Любы у Миши сильно пали — был момент, угрожав-

ший разрывом, но тут помог РАПП — улюлюканье и крик, поднятый им по поводу "Дней Турбиных", а после снятие и запрещение самой пьесы — ввергли на долгое время Булгакова в матерьяльный кризис и Любочка с ее энергией снова пригодилась — сожительство их продолжилось... До нового разрешения постановок "Дней Турбиных", принятия к постановке "Мольера" и пр. (...) К славе снова притекли деньги — чтобы стать совсем своим человеком в МХАТе, нужно было связать с ним не только свою творческую, но и личную судьбу — так назрел третий брак...

Все закономерно и экономически и социально оправдано... Мало того — и в этом сказывается талант, чутье и чувство такта и стиля. Многие даровитые люди гибли, п.ч. у них не было этого "седьмого" чувства — их любовь не подчинялась требованиям закона развития таланта и его утверждения в жизни.

Ю.Л. Слезкин
с.24-25 (10)

М.А. *...Сообщаю тебе, что в моей жизни произошла громадная и важная перемена. Я развелся с Любой и женился на Елене Сергеевне Шиловской. Ее сын, шестилетний Сергей, живет с нами. /Из письма к брату Николаю, 14 января 1933 г./*

Много вечеров до поздней ночи проводили мы с ней на кухне за круглым столом. О многом она рассказывала: о юности, о семье и о первом замужестве, и о первой встрече с Михаилом Афанасьевичем. Оказывается, ее муж — генерал Шиловский. любивший ее очень, был еще и очень ревнив. И вот однажды, уезжая в командировку, он попросил Елену бывать только в семье его друзей и нигде больше. И именно в этом доме, "на блинах", рядом с ней за столом оказался Михаил Афанасьевич. И случилось так, что они ушли вместе и очень долго гуляли по Москве.

Фраза из "Мастера и Маргариты": "Любовь выскочила на нас, как убийца из-за угла", вполне соответствует истине. И случайная встреча, когда она шла с желтыми цветами, — тоже.

Елена Сергеевна рассказывала и о всех сложностях ухода к Михаилу Афанасьевичу с маленьким сыном, и о несостоявшейся поездке в Батум, и о болезни Михаила Афанасьевича, о последних его днях и часах.

С.С. Пилявская
с.335 (54)

И в первый раз шел в новый булгаковский дом настороженный. Лена (тогда еще для меня Елена Сергеевна) встретила меня с приветливостью, словно хорошего знакомого, а не просто гостя, и провела в столовую. Там было чинно и красиво, даже чересчур чинно и чересчур красиво. От этого веяло холодком. Направо приотворена дверь, и был виден синий кабинет, а налево — комната маленького Сережи. Книги были выселены в коридор (это мне не понравилось). Из коридора высунулась домработница, но, получив деловитое и беспрекословное распоряжение, тотчас исчезла. Повернувшись ко мне — лицо хозяйки из озабоченного снова превратилось в приветливое, — она сказала:

— Сейчас будем ужинать, Миша в ванной.

Лена держалась непринужденно, но я видел, что она напряжена не меньше, чем я. Со всей искренностью она хотела расположить к себе тех из немногих его друзей, которые сохранились от его "прежней жизни". Большинство "пречистенцев" не признавали ее или принимали со сдержанностью, почти нескрываемой. Одета она была с

милой и продуманной простотой. И, легко двигаясь, стала хозяйничать. На столе появились голубые тарелки с золотыми рыбами, такие же голубые стопочки и бокалы для вина. Блюдо с закусками, поджаренный хлеб дополняли картину. "Пропал мой неуемный Булгаков, обуржуазился;", — подумал я сумрачно.

Но вот появился и он. На голову был натянут старый, хорошо мне знакомый вязаный колпак. Он был в своем выцветшем лиловом купальном халате, из-под которого торчали голые ноги. Направляясь в спальню, он приветственно помахал рукой и скрылся за дверью, но через секунду высунулся и, победоносно прищурившись, осведомился:

— Ну как, обживаешься? Люся, я сейчас.

А потом, уже за столом, говорил:

— Ты заметил, что меня никто не перебивает, а напротив, с интересом слушают?

С.А. Ермолинский
с.443-444 (15)

М.А. *...Живем по-прежнему, за исключением этого ленинградского безобразия, в тишине, согласии и в мечтах... /Из письма Н.Н.Лямину, 23 августа 1933 г./*

Когда Сергей Александрович (Ермолинский — *сост.*) ее первый раз увидел, он ахнул — субретка. И сказал: “Миша, ты сошел с ума!” А тот: “Не твое дело!”

Т.А. Луговская
с.294 (39)

Когда я узнал ее — еще женой Шиловского — это была одна женщина, я бы сказал — жена военного, пожалуй, даже немного дурного тона. И в первый же год жизни с Булгаковым она совершенно изменилась! И все время менялась. ...Впоследствии я рассказывал ей,

какой она была в момент нашего знакомства. Она хохотала. И нередко просила меня — Сережа, расскажи, какая я была поганка!”

С.А. Ермолинский
с.621 (68)

Ее пластичность была не только умением приспосабливаться к обстоятельствам, но чем-то большим. Она поражала меня гибкостью ума, деятельным интересом к новым для нее мыслям, фактам, идеям. Было очевидно, что передо мной человек, способный меняться.

М.О. Чудакова
с.621 (68)

...Она по-прежнему являлась в генеральскую квартиру, давала указания прислуге, вела хозяйство, принимала ванну и, уходя, целовала генерала в лоб. Спешу заверить, кокеткой, бессердечной львицей Елена Нюренберг, дочь податного инспектора из Риги, не была, я знал эту женщину, и жизнь ее проследил от самого начала.

А. Шварц
с.34 (72)

...В рассказах подруг Любови Евгеньевны эти свидетельства получают подтверждение — похоже, что жизнь в доме на Пироговской и правда шла под знаком слов: “Ты не Достоевский!” Хозяйка дома сама была человеком живым, неординарным; у нее были свои интересы, свой круг друзей, друзья любили ее. Не беремся судить — высоко ли ценила она талант человека, который был с ней рядом. Его жизнь не была, во всяком случае, в центре ее внимания.

М.О. Чудакова
с.477 (69)

М.А. *...Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно. Хотя было и много интересного. /Из письма к П.С.Попову, 14 марта 1934 г./*

...И я увидел, что он такой же, как был, но вместе с тем и другой. Нервная возбужденность, а иногда и желчь исчезли. Можно было подумать, что дела его круто и сразу повернулись в лучшую сторону, исчезли опасности и угрозы и жизнь вошла наконец в спокойное русло.

Ничего этого не было на самом деле и в помине, но появился — дом, и дом этот дышал и жил его тревогами и его надеждами. Появился дом, где он ежедневно, ежечасно чувствовал, что он не неудачник, а писатель, делающий важное дело, талантливый писатель, не имеющий права сомневаться в своем назначении и в своем прочном, ни от кого, ни от одного власть имущего человека не зависящем месте на земле, — в своей стране, в своей литературе, полноправно и полноценно.

Я задумывался не раз: как это получилось?

Не только силой любви, но и силой жизни, жаждой радости, жаждой честолюбивого и прекрасного самоутверждения возникает эта удивительная способность к созиданию счастья. Даже вопреки любым обстоятельствам.

В дни кризиса и преодолений его, когда легко потерять веру в себя и покатиться вниз, в такие дни нет ничего хуже уныния, скорбной жертвенности, жалостных слов.

Дом их, словно назло всем враждебным стихиям, сиял счастьем и довольством! А были, пожалуй, одни лишь долги при самом туманном будущем. Хозяйка была энергична и безудержно легкомысленна. И жизнь перестала быть страшной.

С.А. Ермолинский с.444-446 (15)

М.А. *...Жену мою зовут Елена Сергеевна. И живем мы втроем: она, я и 8-летний Сергей, мой пасынок, — личность высоко*

интересная. Бандит с оловянным револьвером и учится на рояле. /Из письма А.П.Гдешинскому, 2 марта 1935 г./

Михаил Булгаков называл ее королевой.

Только двух женщин в своей жизни называл так: свою мать и потом — третью свою жену, Елену Сергеевну Булгакову.

Женат был трижды. Все три женщины, поочередно носившие его имя, были прекрасны, женственны, благородны и заслуживали восхищения и любви. И в каждую из них — поочередно — он был влюблен. Но королевой назвал только одну из них.

Л.М. Яновская с.265 (78)

М.А. *...Целую тебя, мой друг. Умоляю, отдыхай. Не думай ни о театрах, ни о Немировиче, ни о драматургах, ничего не читай, кроме засаленных и растрепанных переводных романов (а может, в Лебедяни и их нет?)*
Пусть лебедянское солнце над тобой будет как подсолнух, а подсолнух (если есть в Лебедяни!) как солнце... /Из письма Е.С.Булгаковой, 27 мая 1938 г./

Была ли очень красива Елена Сергеевна? Да, конечно... Впрочем, я не уверена в этом. Может быть, и нет...

Она была прекрасна. И безусловно была королевой.

Изящество сочеталось в ней с замечательной волей. Ее чувство собственного достоинства было прекрасно и сильно. Люди охотно становились ее... рабами? Нет, не рабами — подданными. И не только мужчины, но — что удивительней — женщины, в том числе очень красивые, гордые женщины, понимавшие, что такое Женщина (с большой буквы).

Л.М. Яновская
с.281-282 (78)

Королевское достоинство — отнюдь не святость. Королева — не монахиня. Была ли Елена Сергеевна очень добра? Нет, пожалуй. Чужие беды как-то обтекали ее, не касаясь, если не относились к ее страсти — миру ее королевства.

Л.М. Яновская
с.282 (78)

Она умела с королевским достоинством произнести непечатное слово — к восторгу окружающих мужчин...

Когда я познакомилась с Еленой Сергеевной Булгаковой, ей, было около семидесяти лет. Но я совершенно терялась в догадках относительно ее возраста. Шестьдесят? Пятьдесят? Сорок? Вдова давно умершего писателя, мать двоих сыновей, из которых младший — мой ровесник, не могла быть такой молодой, как казалось! Спрашивать я стеснялась. В моих глазах она была королевой — еще до того, как я прочитала роман "Мастер и Маргарита".

Я смотрела на нее, распахнув глаза, не пытаясь преодолеть дистанцию; ...больше слушала, чем спрашивала, и если спрашивала, то больше о Булгакове, чем о ней.

А когда ее не стало и уже не только творчество, но и жизнь и личность Михаила Булгакова все глубже раскрывались передо мною и все острее влекла загадка женщины, которую он, избалованный вниманием женщин, единственную по-настоящему любил, оказалось, что я знаю о ней удивительно мало.

Я знала, что она родилась в Риге. (Теперь можно уточнить: в октябре 1893 года.) Что ее мать, Александра Александровна. Горская, была дочерью православного священника. (Это Е.С. сказала мне сама, и, как потом выяснилось, я запомнила верно.)

Л.М. Яновская
с.311-313 (78)

А отец? Я знала, что его звали Сергей Маркович Нюренберг, что он был податным инспектором в Риге, очень увлекался театром и умер в 1933 году...

В общении с Е.С., от которой исходило впечатление сильной — очень! — и авантюрной личности, готовой вступить в любую рискованную (в том числе и в моральном отношении) ситуацию, нельзя было не думать о соотношении фамильных и личных свойств. В одной из наших бесед Е.С. неожиданно стала рассказывать о том, как в январе 1956 года она приехала в Ригу к умирающей матери. Это было, кажется, воспаление легких, которое уже не могли остановить — из-за старости и слабости организма. Но сердце было, видимо, здоровое, и уже в бессознательном состоянии жизнь продолжалась. При больной неотлучно находилась медсестра. И Е.С. без какой бы то ни было заминки рассказала мне о том, как она распорядилась, чтобы медсестра ввела матери смертельную дозу морфия, и о том, как она держала ее за руку до последней минуты.

М.О. Чудакова
с.620 (68)

Понятно, сколь ошеломляющим было впечатление от такого рассказа, особенно от совершенно спокойного, я бы сказала, непринужденного тона.

Л.М. Яновская
с.296 (78)

Женская дисциплинированность Е.С. (парикмахерская, маникюр, тщательная продуманность одежды в любое время дня etc., etc.) была железной и, как ни странно, вызвала крайнее раздражения у булгаковедов. Было сказано даже что-то такое неприязненное о "фабрике красоты", сопровождавшей ее всю жизнь.

...В Музее Маяковского — вечер Ахматовой. Первый после постановления 1946 года.

Мы прошли без билетов, называя только фамилии, по какому-то особому "списку друзей"... Во облаке духов предстала передо мною давно невиданная и помолодевшая за этот долгий срок еще лет на десять Елена Сергеевна Булгакова. Ослепительно золотящийся свитер, с непостижимым искусством разглаженная юбка, туфли из серии "мечта поэта". Она заговорила любезно приветливо, даже сердечно, но разговор наш был прерван: вечер начался. /Из дневника, 31 мая 1964 г./

Л.К. Чуковская с.222-223 (71)

Свою роль ангела-хранителя Булгакова Елена Сергеевна знала твердо, ни разу не усомнилась, в трудный час ничем не выдала своей усталости. Она поддерживала его силы и охоту к работе своим не знавшим сомнений восхищением, безусловной верой в его талант.

"Когда мы стали жить вместе с Михаилом Афанасьевичем,— вспоминала Елена Сергеевна,— он мне сказал однажды: "Против меня был целый мир — и я один. Теперь мы вдвоем, и мне ничего не страшно".

В.Я. Лакшин с.361 (34)

...Как известно, любая неприязнь Михаила Булгакова к кому бы то ни было у Елены Сергеевны немедленно превращалась в ненависть.

Л.М. Яновская с.61 (78)

Все мы говорили, что Елена Сергеевна была необыкновенная женщина (и такая, и сякая, и эдакая) и никому не приходит в голову простейшая мысль, что такой ее сделал и воспитал Булгаков, что она была разновидность "душечки".

Душечка-то душечка, скажете Вы, но душечка высшего порядка, т.к. она поддавалась не только воспитанию мужчин, но и воспитанию жизненных обстоятельств. Восприимчива, артистична, практична и душевно, и материально, с юмором, талантлива.

Вот почему она так блестяще "сыграла" Маргариту (к которой не имела никакого отношения), а Л.Е.Белозерской не удалось (она не была душечкой)...

Т.А. Луговская с.196 (17)

Т.А.Луговская, с военных — "ташкентских" — лет близко знавшая Е.С., наблюдавшая ее роман (1940-1943 г.г. — *сост.*) со своим братом В.А.Луговским и дружившая с ней до ее смерти, рассказывала мне, как однажды спросила ее: "Ваша любовь к М.А. — была ли она больше духовной или физической, интимной, плотской?" И, подумав, Е.С. ответила — "Духовной".

М.О. Чудакова с.641 (68)

Его смерть была для нее неподдельным, охватывающим всю ее горем. Не утратой, не потерей, не вдовьей печалью, а именно горем. И оно было такой силы, что не придавило, а, напротив, пробуждало к жизни.

В этом нет ничего странного. Любви без воображения не бывает. Когда растворяется неизбежный житейский сор, возникает возвышенная чистота отношений, и они незаметно вырастают в легенду, которую отнюдь не следует разрушать. Внутренне сильные натуры, как она, подвластны такому самотворящему чувству, когда игру уже нельзя отличить от правды. Тут не было ни лжи, ни фальши. При нем она искренне притушевывала себя, готовая на повседневное подчинение. Отходила на второй план, иногда, быть может, молчаливо бунтуя и опять смиряясь.

Она отнюдь не испытывала женского рабства, ибо он зависел от нее не менее, чем она от него. Это было добровольное и радостное подчинение. Когда оно вдруг кончилось, она вместе с потрясшим ее горем не могла не почувствовать... какого-то высвобождения! В этом тоже не было ничего странного. Что-то, все время сдерживаемое внутри, прорвалось. Она стала еще более общительной. Произошло что-то похожее на взрыв. Замкнутые в последнее время двери ее дома распахнулись, и сперва она была даже неразборчива в выборе новых друзей, случайных привязанностей, шумно нахлынувших знакомых.

С.А. Ермолинский
с.202-203 (25)

Ярко артистичная Е.С., испытывала сильные чувства, их тут же и играла. Рассказывая мне о том, как она сидела у постели умирающего Булгакова, а затем, семнадцать лет спустя. — у постели умирающего с теми же самыми, по страшной иронии судьбы, симптомами 36-летнего сына, она, уж конечно, испытывала заново подлинное горе (приведу сказанные ею мне слова: “Самое тяжелое, что было в моей жизни — это разговор с Женечкой, когда я уходила из дома Шиловского к Михаилу Афанасьевичу, — и его смерть”) — но одновременно его же талантливо играла...

М.О. Чудакова
с.621 (68)

Правду сказать, Елена Сергеевна поражала меня удивительным сплетением гостеприимства, безмерной щедрости и голого расчета.

А. Шварц
с.187 (72)

М.А. *Я счастлив, что Елена взяла на себя всю деловую сторону по поводу моих пьес и этим разгрузила меня. Я выдал ей нотариальную доверенность на ведение дел по поводу моих произведений. В случае, если бы она написала тебе вместо меня, прошу ее сообщения договорные или гонорарные принимать как мои. /Из письма брату Николаю, 14 сентября 1933 г./*

Она была умна — но в людях иногда ошибалась. В ее поздних дневниках таких ошибочных суждений немало — и восторженных по отношению к тем, кто никаких восторгов не заслуживал, и поспешно отрицательных.

Л.М. Яновская
с.221 (78)

В своей игре с людьми она была естественна — и в корысти, и в беспечности... В ней была легкость, которая омрачалась лишь настигавшей ее старостью.

С.А. Ермолинский
с.205 (25)

И еще у Елены Сергеевны была черта... А может быть, это и была ее самая соблазнительная черта: в ней шампанским вскипала радость. В ней был — нет, в ней бил! — какой-то потаенный и неисчерпаемый источник жизни. Готовность к радости. Настроенность на счастье...

Л.М. Яновская
с.282 (78)

Елена Сергеевна была удивительной женщиной. Об этом говорили все, кто ее знал. Она дарила людям покой, надежду и силу даже в самые страшные минуты их жизни. И Анне Андреевне (Ахматовой — *сост.*) пришлось тоже это испытать.

З.Б. Томашевская
с.72 (17)

Ее способность радоваться и жить была его опорой, его вдохновением, источником сил в трагической его судьбе.

Л.М. Яновская
с.284 (78)

Эту способность радоваться — вопреки всем бедам и утратам! — она сохранила на всю жизнь, не старея.

...В те, особенно тяжелые для семьи Луговских, ташкентские дни Елена Сергеевна, как могла, поддерживала их семью. Татьяна Александровна (Луговская — *сост.*) с благодарностью вспоминала ее фантастическое умение оказываться в нужное время в нужном месте. Многие ее считали богемной и светской дамой, но это было только внешнее впечатление. По воспоминаниям знавших ее тогда людей, ей ничего не стоило подоткнуть подол, взять ведро и спокойно вывезти любую грязь, навести порядок.

Н.А. Громова
с.71-72 (17)

Анна Андреевна пошла к Булгаковым и вернулась, тронутая поведением Елены Сергеевны, которая заплакала, услыхав о высылке (О.Э.Мандельштама в 1934 г. — *сост.*), и буквально вывернула свои карманы.

Н.Я.Мандельштам
с.35 (40)

Она наизусть знала тексты и любила следить, как читают другие. Знала, где будет вздох, где будет смех, в самых интересных местах оставляла какую-нибудь свою работу в другой комнате или в кухне и подходила взглянуть... Так Булгаков когда-то, в последние годы своей жизни, работая либреттистом в Большом театре, любил войти в ложу во время репетиции или спектакля, чтобы послушать любимое место в "Аиде".

Л.М. Яновская
с.24 (78)

У нее был от природы счастливый характер. Характер, созданный для счастья. Она была не только энергична, но прекрасна, и не любила показывать свой возраст, свою слабость или принимать гостей, болея.

Л.М. Яновская
с.20 (78)

Все, кто бывал у нее, помнят: она была великолепная рассказчица. Накрывала круглый стол в кухне — маленький, инкрустированный, изящный круглый стол — тот, что когда-то в ее и Булгакова квартире стоял под зеркалом в прихожей... Ее легкие, суховатые от возраста, но все еще красивые белые руки (она не забывала следить за их красотой) разливали чай, кофе, подавали обед, и, нимало не затрудняясь этим действием и садясь напротив, она рассказывала о Булгакове... Ее можно было слушать часами — и ее слушали часами.

Л.М. Яновская
с.21-22 (78)

Помните житомирского кузена Лариосика, который объявился в квартире Турбиных с собранием сочинений Чехова, завернутым в единственную рубашку? Вот примерно мой образ 1963 года, когда прямо с Курского вокзала, купив дешевый букет цветов, я объявился на Суворовском бульваре и нажал звонок квартиры номер 25. Дверь открыла хрупкая невысокая женщина в атласном ярком халате, светло-голубой газовый шарфик на ее шее подчеркивал прозрачную голубизну ее глаз. Я несколько опешил. Мои ожидания шли в строго заданном русле: увидеть писательскую вдову 1893 года рождения. Заглянув через плечо очаровательной дамы, открывшей дверь, я полагал увидеть в глубине квартиры искомую вдову, может быть, в какой-нибудь инвалидной коляске. Дама, стоявшая в дверном проеме, улыбнулась, оценив мою оторопь, и сообщила, что она-то и есть Елена Сергеевна, и попросила войти. Огромный мохнатый ленд-лорд вальяжно вышел из глубины квартиры, и мне показалось,

что он поздоровался со мной. Впечатление того, что пес обладал сверхъестественным умом, немедленно подтвердилось. “Булат, пожалуйста, принеси тапочки гостю”, — нежно попросила пса Елена Сергеевна, и тот притащил их безропотно.

А.М. Смелянский
с.30-31 (63)

То, что Михаил Афанасьевич Булгаков спознался с нечистой силой, да еще не оскорбил, а усмирил ее, одомашнил и взял в попутчики, как глумливого Коровьева, нагловатого Азазелло или бесцеремонного Кота, перестроило вокруг него весь быт и уклад, людей и обстановку.

Даже Елена Сергеевна Булгакова, которая всему свету известна как Маргарита (когда она приехала в Венгрию, в газете появилась статья "Маргарита в Будапеште"), мало-помалу превратилась рядом с Михаилом Афанасьевичем в существо — боюсь вымолвить, чур меня, чур!..— ну, скажем так, отчасти оккультного толка. Возможно, она не ведьмой родилась, и кто знает, был ли у нее от рождения хоть крохотный хвостик. Но перевоспиталась в колдунью, и на то есть авторитетные литературные свидетельства.

Многолетний друг Булгакова С. А. Ермолинский знал Елену Сергеевну совсем молоденькой женщиной, когда она не была еще знакома с Михаилом Афанасьевичем. И вот что осталось его впечатлением тех давних лет: это была веселая, кокетливая, небезупречного вкуса особа, которая на какой-то вечеринке лазила под стол и которую звали Ленка-боцман. Несомненно, это сущая правда, но представить ее такой мне не дано. В 1962 году я познакомился и, смею сказать, подружился с дамой совсем иного рода — сердечной и безукоризненно светской, расчетливой и безудержно щедрой, веселой

и горестно-проницательной, имевшей поверх всего этого еще легкий флер инфернальности, короче, с ученой ведьмой, опытной ведуньей и чаровницей. Но что там мои субъективные впечатления, если в 1943 году в Ташкенте, когда судьба свела с ней Ахматову, та со своим даром узнавания тотчас ее раскусила, посвятив ей полные значения строки:

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолунья.
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит...

В.Я. Лакшин
с.354-355 (34)

...Я здоровался с хозяйкой, а из кухни тем временем выходил серый мохнатый... кто? Пес? Теленок? Годовалый медведь? Булька, Булат, необыкновенное создание, интеллект которого граничил со всепониманием.

Я уж не говорю о его воспитанности. Случалось, он ел за общим столом, важно сидя на полу, — при его росте стула ему не требовалось. Морда его чуть возвышалась над тарелкой, где ему сервировали пирог с капустой. Он захватывал его с блюда мягкой мордой и доедал под столом, а потом его огромная мохнатая голова добродушного ленд-лорда снова появлялась над пустой тарелкой, с достоинством ожидая, пока другие жующие поймут, что есть за столом еще кто-то, кто не отказался бы от лишнего кусочка пирога.

С Булатом Елена Сергеевна вела долгие, одним им вполне ведомые разговоры. А однажды в новогоднюю ночь, когда оказалось, что средства радио- и телетехники парализованы в доме (не присутствием ли какой-то иной, посторонней силы?) и нельзя достоверно сказать, когда наступит Новый год, Елена Сергеевна предложила встретить его "под Булата", о чем-то пошепталась с ним, и, когда стрелки часов сошлись на цифре 12, из-под стола ровно и гулко забухало торжественным лаем — ровно двенадцать раз. Мы чокнулись шампанским.

В.Я. Лакшин
с.357 (34)

А вы еще спрашиваете, откуда я знаю, что она колдунья!

Ездила Елена Сергеевна в Париж, куда так стремился и не сумел попасть Булгаков. Она ходила по Парижу и говорила себе: "Миша, я вижу это все, все, что хотел ты видеть". Между прочим, просила повести ее и к чаше мольеровского фонтана: он показался ей беднее, скучнее, чем издали, преображенный вдохновением Булгакова... Но я не о том хотел рассказать. Из Парижа она привезла от Эльзы Триоле книгу для Твардовского, антологию русской поэзии, где были его стихи, переведенные Эльзой. Для Елены Сергеевны это был давно ожидаемый повод познакомиться с Твардовским, и она попросила меня: когда в редакции выдастся тихий час, Твардовский будет один и согласится ее повидать, позвонить ей, она будет тотчас.

День такой и час такой выдался вскоре. Я зашел в кабинет Александра Трифоновича и предупредил, что его хочет навестить и передать ему книгу вдова Булгакова. Он охотно согласился принять ее. Я тут же перезвонил Елене Сергеевне, что она может приехать. Она радостно ответила: "Когда?" — "Да сейчас". — "Так ждите меня",— сказала она и повесила трубку.

В редакции "Нового мира" Елена Сергеевна никогда прежде не бывала, и я решил, что спущусь встретить ее у подъезда, провожу к себе в кабинет на второй этаж, чтобы она отдышалась с дороги, а потом проведу к Твардовскому. Я прикинул, сколько времени понадобится ей, чтобы собраться, и, зная, как тщательно готовится Елена Сергеевна к каждому своему выходу, рассудил, что никак не менее часа. Мой звонок застал ее наверняка врасплох, по-утреннему, в халате... Ей предстояло одеться, причесаться, потом найти такси, что не всегда легко сделать у ее дома, или проехать три остановки на троллейбусе, пройтись немного, разыскать наш Малый Путинковский, подняться по лестнице... Словом, раньше, чем минут через сорок, ждать ее было нечего, а вернее, через час, решил я и углубился в чтение корректуры, рассчитывая заранее выйти ее встретить.

Прошло пять — семь минут. В дверь постучали. Я поднял глаза над версткой. На пороге стояла Елена Сергеевна в весеннем черном пальто, в шляпке с легкой вуалью, изящная, красивая, улыбаясь с порога. "Как?! — вскричал я.—,На чем же вы..." — "На метле",— не смутившись ни капли, призналась она и радостно засмеялась моей недогадливости. .

Итак, я, человек чуждый всякому мистицизму и оккультным наукам, готов подтвердить под присягой, что в тот день она выбрала именно этот вид транспорта, потому что простейшие расчеты времени начисто исключают всякую иную вероятность.

В.Я. Лакшин
с.359-360 (34)

Елена Сергеевна встречала гостей в каком-то одновременно праздничном и мило домашнем, до пят одеянии, расшитом звездами, которое я назвал бы халатом, если бы это вульгарное слово не ме-

шало представить всю прелесть ее наряда. Она была причесана красиво и строго, на ней были золотые туфельки без каблуков, и вообще она была молода, прекрасна, смех ее звучал звонко и волнующе. А низкий, со срывами голос Маргариты сразу узнал бы каждый. Молода? Я не оговорился? Ей было в ту пору... деликатность не позволяет мне сказать, сколько в ту пору ей было лет. Но по ненавистному ей сухо математическому расчету выходило так, что она родилась еще в минувшем веке, и не в последние его годы. Только, помилуй бог, не подумайте, что в ней была какая-то черточка молодящейся старости. У нее были свои отношения с возрастом, который она в самом деле, а не в своем лишь воображении победила. Возможно, не последнюю роль играл тут крем Азазелло, но в эти подробности я не рискну входить. Однако никогда не забуду, как она с очаровательной досадой сказала о человеке, годами пятнадцатью ее моложе: "Надоел мне этот старик!" — и хлестнула черной перчаткой по воображаемой его руке!

В.Я. Лакшин
с.356-357 (34)

Мне иногда кажется, что есть люди, которым не к лицу бедность. Лена принадлежала к их числу. Ощущение бедности угнетало, давило ее, хотя прожила она в таком положении недолго. Редкие гости, приходившие к ней, наверно, не замечали, что у нее плохо. Только мне, живущему с ней рядом, это было видно.

С.А. Ермолинский
с.195 (25)

В 1957 году на Елену Сергеевну обрушивается страшный удар: умирает ее старший сын Евгений Шиловский... Он умер в возрасте 35 лет. От гипертонии — той самой, от которой умер Михаил Булгаков. Но болезни не могут передаваться по наследству от отчима к

пасынку! Рок лежал на ее семье. Все трое ее любимых — Михаил Булгаков и оба сына — болели одинаково и умерли рано. Младший, Сергей, истерзав ее сердце ужасом перед неотвратимо развивающейся его болезнью, — все-таки после нее...

Л.М. Яновская
с.288 (78)

Это было особое племя, великие старухи — Раневская, Ахматова, Елена Сергеевна Булгакова, Надежда Мандельштам, легендарные женщины, войти в дом которых считалось честью, дружить с которыми было радостно и тяжело, настолько любезно они снисходили до простых смертных.

В их присутствии люди становились выше, умнее, веселее, красивее себя.

После общения с этими великими женщинами было чувство, что аудиенция кончилась и можно вздохнуть — но проходило время и к ним тянуло с неодолимой силой.

Л.С.Петрушевская
с.339 (39)

В тот день, когда я видел ее в последний раз, она была взбудоражена, тревожно-весела. Мы ехали на киностудию смотреть рабочий материал ленты "Бег". На Бородинском мосту нас застала гроза. Крупный дождь забарабанил по крыше, как град. Над Москвой-рекой вспыхнула молния и прокатился гром. Елена Сергеевна переменилась в лице: "Дурной знак". Забившись в угол на заднем сиденье "Волги", она твердила одно: когда у Булгакова что-то запрещали, надвигалась нежданная беда, всегда случалась гроза. Мы с женой пытались ее разуверить, она сердилась: "У Миши это была верная примета". Вспоминала: так было и с последней пьесой. Четыре обсуждения — и, до смешного точно, четыре раза гремела гроза.

Мы вышли из машины под проливным дождем, три часа провели в просмотровом зале, а когда оказались снова на улице, сквозь быстро редевшие облака пробилось солнце, парок подымался над асфальтом. Елене Сергеевне картина понравилась, и она себя и нас убеждала: "Вы увидите, это даст дорогу Булгакову". Мы разъехались по домам, но едва я вернулся к себе, как услышал ее голос в телефонной трубке: ей хотелось поделиться своими, уже немного отстоявшимися впечатлениями, расспросить меня. Она собиралась подробно разговаривать с режиссерами. Простились до понедельника — я уезжал за город.

В.Я. Лакшин с.364-365 (34)

А гроза над Бородинским мостом гремела не зря. Через день Елена Сергеевна умерла — внезапно и незаметно, будто отлетела.

Одна из самых загадочных особенностей мемуаров о Елене Сергеевне Булгаковой (а судя по обилию этих мемуаров, после выхода "Мастера и Маргариты" в свет исследователи и поклонники Михаила Булгакова шли в ее дом нескончаемой чередой) — то, что мемуаристы запомнили ее всегда и абсолютно здоровой. Даже легенда родилась у читателей, я слышала эту легенду неоднократно: дескать, вот ведь была совершенно здорова, а летом 1970 года взяла и умерла, потому, вероятно, что "Мастер" уже вышел и она свою миссию считала законченной.

Нелепая и жестокая легенда. До полного издания романа в России Елена Сергеевна не дожила.

Л.М. Яновская с.19 (78)

Все 1960-е годы, последнее десятилетие своей жизни, она болела часто. Держалась надеждами, радостно и активно держалась. Но сердце ее, уставшее от катастроф и утрат, уже давало сбои.

К этому времени Елена Сергеевна стала сильно недомогать. К тому же она затеяла ремонт квартиры. Там был сильный запах краски и лака, и сын отвез ее на время на другую квартиру. Не могло быть речи о том. чтобы Люся отказалась от просмотра. И вот мы на двух машинах — в одной Люся с сыном и Ермолинские, в другой — Лакшины и я, поехали на "Мосфильм". По дороге нас застала сильная гроза. Когда мы все бежали под дождем от машины, гремел гром, и счастливая Люся, смеясь, прокричала нам: "Слышите, как всегда у Маки!" (Булгаков любил грозу — для него она была хорошей приметой.) Промокли мы насквозь. Картина шла больше трех часов, в маленьком зале было душно, но для Люси это были звездные часы.

Через день она собиралась принимать у себя Алова и Наумова и еще кого-то из исполнителей. Я поехала к ней сказать "до свидания" и с опозданием отправилась в "Архангельское". В тот вечер мы с ней говорили по телефону, и мне показалось, что она превозмогает себя. Кажется, прием гостей отложили. Перезванивались мы с ней по два раза в день.

Вечером следующего дня я позвонила Люсе перед ужином, часов в восемь, и услышала очень слабый голос. На мой вопрос о здоровье она сказала: "Ничего, пройдет". Я спросила: кто с ней?

"Сережа поехал за вентилятором". На мой вопрос о враче Люся ответила, что приедет всегдашний, частный. (В это лето горел торф, страдали не только от жары, но и от дыма.) Последнее, что я услышала, было: "Я вас очень люблю".

Большой тревоги я почему-то не чувствовала, думала — действительно пройдет.

В 8 утра мне позвонила моя знакомая — она временно жила у ме-

ня в квартире — и сказала, что звонил Шиловский и просил сообщить мне, что вчера около 10 часов вечера скончалась Елена Сергеевна Булгакова. Меня стало трясти, но до конца я поверила только после того, как смогла дозвониться до Сергея.

Отказало сердце — обширный инфаркт. Последние ее слова были: "Неужели ничего нельзя сделать?"

Я приехала на Суворовский бульвар в день кремации. Сразу пойти к Люсе не смогла, прошла на кухню, где какие-то дамы суетились над закусками для поминок.

Сережа, крепко взяв меня за плечи, повел в столовую. На столе, за которым столько раз мы сиживали, в светлом гробу лежала Елена — Люся — Елена Сергеевна Булгакова. Красивая, спокойная и совсем холодная. Потом Сережа отвел меня в спальню, где были Ермолинские и еще кто-то.

Перед выносом я вышла на улицу. Помню, там были Белокопытовы — Галина Ивановна и Андрей Алексеевич, Наталья Ильина и еще несколько человек. В нашем театре был отпуск, большинство отсутствовало. В машине с гробом сидели по одну сторону Сергей с сыном, по другую — мы с Лилей Шиловской и еше люди. Алов и Наумов — своим ходом.

Сразу после кремации я уехала в "Архангельское". Через неделю хоронили урну в могилу Булгакова. На захоронение меня не пустили — врачи в "Архангельском" были строгие.

Я позвонила Сереже, и он привез ко мне Ксению Александровну и Люсиного немецкого племянника. Им удалось приехать на погребение урны. Ксения Александровна, плача, все пеняла мне за то, что я не сообщила ей о болезни Люси, но кто же мог знать!

Смерть Елены Сергеевны была для меня невосполнимой утратой. Помню, я написала письмо Нине Львовне Дорлиак — они с Рихтером были далеко, на гастролях. Как мне потом рассказывали. Святослав Теофилович, узнав о смерти Люси, замолчал надолго.

С.С. Пилявская
с.344-345 (54)

Я хочу вам сказать, что, несмотря на все, несмотря на то, что бывали моменты черные, совершенно страшные, не тоски, а ужаса перед неудавшейся литературной жизнью, но если вы мне скажете, что у нас, у меня была трагическая жизнь, я вам отвечу: нет! Ни одной секунды. Это была самая светлая жизнь, которую только можно себе выбрать, самая счастливая. Счастливее женщины, какой я тогда была, не было...

Е.С. Булгакова
с.390 (15)

Закатный роман

В течение всей нашей десятилетней дружбы он работал над романом "Мастер и Маргарита", считая его своей главной книгой — своим "Фаустом" (или "Антифаустом"). Работал с вдохновением, хотя и с вынужденными перерывами.

Первые главы я слушал, когда он жил еще на Большой Пироговской. Чтение состоялось на квартире Павла Сергеевича Попова и обставлено было с сугубой таинственностью (Булгаков любил таинственность). Кроме меня, Павла Сергеевича и его жены, Анны Ильиничны (внучки Л. Н. Толстого), никого не было. Мы были строго-настрого предупреждены, что о чтении этом должны навеки умолчать:, "величайший секрет"!

Услышанное буквально потрясло меня.

Неожиданно Булгаков, доселе неведомый, открылся передо мной. Глава, в которой впервые появляется Понтий Пилат, а затем Иешуа,

даже в самой ранней редакции поражала точностью и строгой выразительностью каждого слова. И ведь слушал я эту главу в начале 1930 года, когда литература наша была полностью погружена в современность.

Мерещился поистине таинственный, загадочный роман!..

Мы возвращались вдвоем по пустынным арбатским переулкам. Искоса глянув на меня, он спросил:

— Ну?

— Гениально! — выпалил я со всей непосредственностью.

— Ну, брат, ты решительный критик! — захохотал Булгаков.

Его лицо порозовело, раскраснелось, то ли от мороза, то ли от возбуждения, и он, схватив меня за руку, стал выплясывать. Так, приплясывая, мы и вышли к Зубовской площади.

С некоторой неловкостью записал я эту сцену. Хотел ее вычеркнуть. Противно хоть чуть показаться хвастуном — эдаким тонким и прозорливым ценителем, по первым черновым страницам предугадавшим будущий роман. Не в этом тут дело. Просто Булгакову нужен был тогда не рассудительный критик, а человек, с пылкой искренностью подхвативший его странный замысел. И я сохраняю эту запись лишь потому, что в этот вечер, как думаю сейчас, у него появилось ко мне то особое внутреннее доверие, которое окончательно перешло в дружбу.

С.А. Ермолинский
с.110 (25)

М.А. *В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это. /Из письма к В.В.Вересаеву, 2 августа 1933 г./*

...У М.А. установилось название для романа — “Мастер и Маргарита”. Надежды на напечатание его — нет. И все же М.А. правит его, гонит вперед, в марте хочет кончить. Работает по ночам. /Из дневника, 1 марта 1938 г./

Е.С. Булгакова
с.189 (21)

Отдаваясь театру, М. А. Булгаков не оставляет повествовательного жанра. В продолжение почти десяти лет он работает над новым романом, который ему удалось закончить до начала роковой болезни: "Мастер и Маргарита". В романе этом Булгаков дает совсем новый образец своего творчества, развернувшегося в этой его предсмертной вещи с особой оригинальностью... Общий состав романа напоминает самые оригинальные и причудливые романы Гофмана. В своем романе М. А. Булгаков одновременно ультраромантик и ультрареалист, подобно Гофману. Есть и еще одна черта, роднящая Булгакова с Гофманом,— борьба с филистерством, под которым немецкий романтик разумел и самодовольную пошлость, и умственный застой, и эгоизм, и тщеславие, и формализм, превращающий человека в машину, и педантизм. Романтическую иронию оба автора умеют освобождать от мистической созерцательности и обращать в острую сатиру. Образ кота, представленный в романе Булгакова с такой предельной живостью, сродни по своей законченности и выдержанности бесцеремонному и торжествующему обжоре коту Муру Гофмана.

П.С. Попов
с.541-542 (5)

М.А. *...Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана (статья И.В.Миримского "Социальная фантастика Гофмана" — сост.). Я берегу ее для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в "Мастере и Маргарите"! Ты понимаешь, чего стоит это сознание — я прав! /Из письма Е.С.Булгаковой, 6-7 августа 1938 г./*

Роман... Сегодня вечером — чтение. М.А. давно обещал Цейтлину и Арендту, что почитает им некоторые главы (относящиеся к Иванушке и его заболеванию). Сегодня придут Цейтлины, Арендты, леонтьевы и Ермолинские.

Неожиданно вчера вечером позвонил Николай Эрдман и сказал, что приехал, хочет очень повидаться. Позвали его с женой, также Петю с Анусей.

Роман произвел сильное впечатление на всех. Было очень много ценных мыслей высказано Цейтлиным. Он как-то очень понял *весь* роман по этим главам. Особенно хвалили древние главы, поражались, как М.А. уводит властно в ту эпоху... /Из дневника, 4-8 апреля 1938 г./

Е.С. Булгакова
с.192 (21)

Ремарка М.А. *...Вечером — в Большом сцена Сусанина в лесу, потом у Якова Леонтьевича. Ночью — Пилат. Ах, какой трудный, путанный материал!... /Из письма Е.С.Булгаковой, 27 мая 1938 г./*

Когда я вспоминаю тридцатые годы, последнее десятилетие жизни Булгакова, я не перестаю изумляться энергии его творчества, мужественности и стойкости его поведения. Он не поддавался никакой мелкой тщеславной суете, а в своем творчестве никакой "моде". Он широко и раскованно работал над романом "Мастер и Маргарита". Писал его с увлечением. В этом романе мудрая зрелость мысли сочеталась с озорством подлинного вдохновения.

С.А. Ермолинский
с.128 (25)

М.А. *Моя дорогая Лю! Вчера я отправил тебе открытку, где писал, что, может быть проедусь до Ялты и обратно. Так вот — это отменяется!*
Взвесив всё, бросил эту мыслишку. Утомительно, и не хочется бросать ни на день роман. сегодня начинаю 8-ую главу... Сейчас наскоро вывожу эти каракули на уголке бюро — всюду и всё завалено романом... /Из письма Е.С.Булгаковой, 1 июня 1938 г./

М.А. *...Начнем о романе. Почти 1/3, как я писал в открытке, перепечатана. Нужно отдать справедливость Ольге (О.С.Бокшанская, сестра Е.С.Булгаковой — сост.), она работает хорошо. Мы пишем по многу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное. /Из письма Е.С.Булгаковой, 2 июня 1938 г./*

М.А. *...По окончании переписки романа я буду способен только на одно: сидеть в полутемной комнате и видеть и читать только двух людей. Тебя! И Жемчужникова. И больше никого. Я не могу ни обедать в компании, ни гулять... /Из письма Е.С.Булгаковой, 11 июня 1938 г./*

Вчера у нас Файко — оба, Марков и Виленкин. Миша читал "Мастера и Маргариту" — с начала. Впечатление громадное. Тут же настойчиво попросили назначить день продолжения. Миша спросил после чтения — а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я — дьявол. После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю. Но я попалась на удочку и написала ему — сатана.

Утром звонила Лидия Александровна — взволнованная, говорит: мы не спали почти, все время говорим только о романе. Я ночью догадалась и сказала Алеше. Не можем дождаться продолжения! /Из дневника, 27 апреля 1939 г./

*Е.С. Булгакова
с.256 (21)*

Вчера у нас было назначенное продолжение чтения: к той компании присоединились еще Вильямсы, которые, услышав про чтение, заявили, что они придут. Было опять очень хорошо. Аудитория замечательная, М.А. читал очень хорошо. Интерес колоссальный к роману.

Миша за ужином говорил: вот скоро сдам, пойдет в печать. Все стыдливо хихикали /Из дневника, 2 мая 1939 г./

*Е.С. Булгакова
с.256 (21)*

...Вечером — продолжение чтения. Оля напросилась, что она непременно хочет слушать. Вильямсы придти не могут, Ануся нездорова. Петя рассказывал, что про роман Самосуд все время кричит: гениально!! /Из дневника, 5 мая 1939 г./

*Е.С. Булгакова
с.257 (21)*

Вчера у нас было чтение — окончание романа. Файко — оба, Марков, Виленкин, Ольга, Ануся, мой Женя. К ужину подошли Петя и Женя.

Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя — ужасные последствия могут быть...

Звонил и заходил Файко — говорит, что роман пленителен и тревожащ. Что хочет много спрашивать, говорить о нем. /Из дневника, 15 мая 1939 г./

*Е.С. Булгакова
с.259 (21)*

Весной 1939 года Михаил Афанасьевич прочитал нам (А.М.Файко с женой, П.А.Маркову и мне), в четыре приема, целиком весь свой роман "Мастер и Маргарита", только что им законченный. (Потом он его еще дописывал, работа над ним продолжалась до его последних дней.) Первые три главы я уже слушал раньше...

Но самое большое впечатление произвело на меня, конечно, чтение всего романа. Оно началось 26 апреля, а кончилось 14 мая. Растянулось оно, я думаю, потому, что Михаил Афанасьевич очень уставал от своей ежедневной работы в Большом театре, где он уже несколько лет был консультантом по репертуару, писал и редактировал различные либретто. Впрочем, никакой усталости в нем не чувствовалось, когда он, бывало, приглашал нас к себе послушать то, что им было только что написано.

..."Мастера и Маргариту" Михаил Афанасьевич читал у себя в кабинете, сидя не за письменным столом, а где-то сбоку, на тахте, кажется. Как он читал свою прозу? Тоже необыкновенно просто, как будто без красок, ненавязчиво, никого из персонажей не играя, не "подавая" ни юмора, ни неожиданности переходов, какими бы невероятными они ни были. Но в чтении Булгакова все в этом романе — монументальное и лихорадочное, гротескное и лирическое — еще

усугублялось напряженностью и остротой его видений. Снова огромную роль в его чтении играли резкие смены ритма, особенно когда в наиреальнейший современный быт по ходу повествования неожиданно и стремительно врывалась фантасмагория.

Эти смены ритма как будто мгновенно приближали к нам несущиеся в невероятном фантастическом вихре образы и пейзажи, лица и хари, подобия и преображения. Но помнится (или это только мерещится мне теперь?), что все повторы, связывающие “современность” с “древностью”, с так называемыми “евангельскими” главами, у него звучали почти музыкально, почти кантиленно.

В этом чтении не было ничего случайного, хотя все как будто тут же при нас и рождалось, а не заранее было написано чернилами на бумаге. Иногда напряжение становилось чрезмерным, его трудно было выдержать. Помню, что когда он кончил читать, мы долго молчали, чувствуя себя словно разбитыми. И далеко не сразу дошел до меня философский и нравственный смысл этого поразительного произведения...

...Последнее чтение длилось до утра. За столом, на котором был наспех накрыт не то ужин, не то завтрак, я сидел рядом с Михаилом Афанасьевичем, и вдруг он ко мне наклоняется и шепотом спрашивает: “Ну, как по-вашему, это-то уж напечатают?” И на мое довольно растерянное: “По-моему, нет” — совершенно неожиданная бурная реакция, уже громко: “Но почему же?!” Он ведь никогда ничего не писал, как говорится, в стол, келейно, для себя. Он был уверен, что если и не завтра, то рано или поздно, все равно то, что он написал, станет достоянием литературы, дойдет до широкого круга читателей...

В.Я. Виленкин с.392-395 (12)

М.А. *...Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура (авторская), большая сложная, внимательная, возможно, с перепиской некоторых страниц.*
“Что будет?” Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.
Свой суд над этой вещью я уже совершил, и если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.
Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно. /Из письма Е.С.Булгаковой, 15 июня 1938 г./

М.А. *...Теперь я занят совершенно бессмысленной с житейской точки зрения работой — произвожу последнюю правку своего романа.*
Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог. /Из письма В.В.Вересаеву, 11 марта 1939 г./

Почти до самого последнего дня он беспокоился о своем романе, требовал, чтобы ему прочли то ту, то другую страницу.

Сидя у машинки, Лена читала негромко:

"С ближайшего столба доносилась хриплая бессмысленная песенка. Повешенный на нем Гестас к концу третьего часа казни сошел с ума от мух и солнца и теперь тихо пел что-то про виноград... Дисмас на втором столбе страдал более двух других, потому что его не одолевало забытье, и он качал головой, часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу.

Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытье, повесив голову в размотавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело".

Оставив чтение, она посмотрела на него. Он лежал неподвижно, думал. Потом, не повернув головы в ее сторону, попросил:

— Переверни четыре-пять страниц назад. Как там? "Солнце склоняется..."

— Я нашла: "Солнце склоняется, а смерти нет".

— А дальше? Через строчку?

— "Бог! За что гневаешься на него? Пошли ему смерть".

— Да, так, — сказал он. — Я посплю, Лена. Который час?

Это были дни молчаливого и ничем не снимаемого страдания. Слова медленно умирали в нем...

С.А.Ермолинский с.185 (20)

Во время болезни он мне диктовал и исправлял "Мастера и Маргариту", вещь, которую он любил больше всех других своих вещей. Писал он ее 12 лет. И последние исправления, которые он мне диктовал, внесены в экземпляр, который находится в Ленинской библиотеке. По этим поправкам и дополнениям видно, что его ум и талант нисколько не ослабевали. Это были блестящие дополнения к тому, что было написано раньше.

Когда в конце болезни он уже почти потерял речь, у него выходили иногда только концы или начала слов. Был случай, когда я сидела около него, как всегда, на подушке на полу, возле изголовья его кровати, он дал мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня. Я предлагала ему лекарство, питье — лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: "Твои вещи?" Он кивнул с таким видом, что "да", и "нет". Я сказала: "Мастер и Маргарита"? Он, страшно обрадованный, сделал знак головой, что "да, это". И выдавил из себя два слова: "Чтобы знали, чтобы знали".

Е.С. Булгакова с.389-390 (15)

В Ташкенте (речь идет о периоде эвакуации 1941-1943 г.г. — *сост.*) я часто у нее (А.А.Ахматовой — *сост.*) ночевала — лежала на полу и слушала "Мастера и Маргариту" Булгакова. Анна Андреевна читала мне вслух, повторяя: "Фаина, ведь это гениально, он гений!"

Ф.Г. Раневская с.49 (2)

Я все под впечатлением романа. Прочел первую часть... Я даже не ждал такого блеска и разнообразия: все живет, все сплелось, все в движении — то расходясь, то вновь сходясь. Зная по кусочкам, я не чувствовал до сих пор общей композиции, и теперь при чтении поражает слаженность частей: все пригнано и входит одно в другое. За всем следишь, как за подлинной реальностью, хотя основные элементы — фантастичны. Один из самых реальных персонажей — кот. Что ни скажет, как ни поведет лапой — рублем подарит...

...Вторая часть — для меня откровение. Этого я совсем не знал — тут новые персонажи и взаимоотношения — ведь Маргарита Николаевна — это вы и самого себя Миша ввел. А я думал по новому заглавию, что мастер и Маргарита обозначают Воланда и его подругу. Хотел сначала читать залпом, а теперь решил приступить ко второй части после паузы, подготовив себя и передумав первую часть...

Но вот, если хотите — грустная сторона. Конечно, о печатании не может быть и речи. Идеология романа — жуткая, и ее не скроешь. Слишком велико мастерство, сквозь него все еще ярче проступает, кое-где не только не завуалировал, а поставил точки над ”i”. В этом отношении я бы сравнил с “Бесами” Достоевского... Меня “Бесы” тоже пленяют своими художественными красотами, но из песни слова не выкинешь — идеология крайняя. И у Миши так же резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству — если бы изъять идеологию “Бесов”, не было бы так выразительно. Мне только ошибочно казалось, что у Миши больше все сгладилось, уравновесилось, — какой тут! В этом отношении чем меньше будут знать о романе, тем лучше. Гениальное мастерство всегда останется гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно будет пройти 50-100 лет”. /Из письма П.С.Попова Е.С.Булгаковой, 27 декабря 1940 г./

П.С. Попов
с.523-524 (15)

Болезнь.

У Михаила Афанасьевича появилась манера вдруг, среди самого веселья, говорить: "Да, вам хорошо, а я скоро умру". И он начинал говорить о своей предстоящей смерти. Причем говорил до того в комических тонах, что первая хохотала я. А за мной и все, потому что

удержаться нельзя было. Он показывал вовсе это не как трагедию, а подчеркивал все смешное, что может сопутствовать такому моменту. И все мы так привыкли к этим рассказам, что, если попадался какой-нибудь новый человек, он смотрел на нас с изумлением. А мы-то все думали, что это один из тех смешных булгаковских рассказов, настолько он выглядел здоровым и полным жизни. Но он действительно заболел в 39-м году. И когда выяснилось, что он заболел нефросклерозом, то он это принял как нечто неизбежное. Как врач, он знал ход болезни и предупреждал меня о нем. Он ни в чем не ошибся. Очень плохо было то, что врачи, лучшие врачи Москвы, которых я вызывала к нему, его совершенно не щадили. Обычно они ему говорили: "Ну что ж, Михаил Афанасьевич, вы врач, вы знаете сами, что это неизлечимо". Это жестоко, наверно, так нельзя говорить больному. Когда они уходили, мне приходилось много часов уговаривать его, чтобы он поверил мне, а не им. Заставить поверить в то, что он будет жить, что он переживет эту страшную болезнь, пересилит ее. Он начинал опять надеяться.

Е.С. Булгакова
с.389 (15)

М.А. *Дорогая Леля! Вот тебе новости обо мне. В левом глазу обнаружено значительное улучшение. Правый глаз от него отстает, но тоже как-будто пытается сделать что-то хорошее. По словам докторов выходит, что раз в глазах улучшение, значит есть улучшение и в процессе почек.*
А раз так, то у меня надежда зарождается, что на сей раз я уйду от старушки с косой и кончу кое-что, что хотел бы закончить. /Из письма сестре (Е.А.Светлаевой), 3 декабря 1939 г./

На глазах у всех Миша стал успокаиваться, как-то, если можно так выразиться, расцветать внешне, и к 1939-му году он был прелестен и внешне и душевно. Так что все его обычные разговоры о скорой смерти (а он их вел всегда в самой юмористической форме, за столом с друзьями — и все, глядя на его актерские показы и слушая его блестящий текст — не могли удержаться от смеха). Но так как он их вел всегда, то раз в год (обычно весной) я заставляла его проделывать всякие анализы и просвечивания. Все давало хороший результат, и единственное, что его мучило часто, это были головные боли, но он спасался от них тройчаткой — кофеин, фенацетин, пирамидон. Но осенью 1939 года болезнь внезапно свалила его, он ощутил резкую потерю зрения (это было в Ленинграде, куда мы поехали отдыхать), — и профессор, обследовав его, сказал: "Ваше дело плохо. Немедленно уезжайте домой". Эта докторская жестокость повторилась и в Москве — врачи не подавали ему надежды, говоря: "Вы же сами врач, и все понимаете". Миша всегда, с самого первого дня, когда попросил, чтобы я была с ним, взял у меня клятву, что я не отдам его в больницу, что он умрет у меня на руках, — предупреждая о том, что с ним будет все, как с отцом, Афанасием Ивановичем. И даже год сказал — 1939-й. Врачи мне тоже говорили, что это вопрос трех-четырех дней. Но Миша прожил после этого еще семь месяцев, как он говорил: "Потому, что верю тебе". А я клялась ему, что он выздоровеет. /Из письма Е.С.Булгаковой к Н.А.Булгакову, 17 октября 1960 г./

Е.С. Булгакова
с.318 (21)

Они зашли ко мне проститься. После короткого прощания (Михаил Афанасьевич не любил сентиментальностей) я подошел к окну

и глядел на них с четвертого этажа. Отлично помню спину Булгакова (он был в летнем пальто кофейного цвета и мягкой темной шляпе) — худую, с выступающими лопатками. Что-то скорбное, измученное было в этой спине. Я следил за его высокой фигурой, когда он, согнувшись, садился в такси, резким, характерным жестом отбросив в сторону папиросу. Хотелось крикнуть вслед какое-то прощальное слово, но я никак не мог его найти. Машина мягко тронулась с места и отъехала от нашего подъезда... "Неужели я больше никогда его не увижу, неужели?" — неожиданно подумал я.

Нет, я его увидел, и даже довольно скоро — примерно через месяц. Но Елена Сергеевна привезла обратно не отдохнувшего и успокоившегося, а уже очень больного и как-то сразу постаревшего человека. Михаил Афанасьевич слег и только спустя некоторое время, далеко не сразу, стал выходить к столу. Большей же частью он лежал на своей тахте, в легком халате (всякая излишняя одежда тяготила его). Подумать только, что и в те дни он находил силы, чтобы продолжать работу над романом, исправлять его, редактировать и кое-что дописывать заново!

И теперь еще случались, но редко, просветы в жизни — скажем прямо — умиравшего писателя.

А.М. Файко
с.350 (15)

Последний год жизни М. А. Булгаков работал особенно интенсивно и за лето сильно переутомился. Постепенно нараставшая болезнь грозно его подстерегала. В сентябре 1939 года обнаружился первый зловещий симптом: внезапная потеря зрения. В первые же дни заболевания глаз была выяснена глубокая органическая причина его: у Михаила Афанасьевича врачи засвидетельствовали неизлечимую

болезнь: склероз почек. Будучи сам врачом, Михаил Афанасьевич хорошо сознавал собственное положение, тем более что картина болезни писателя была точным повторением болезни его отца, умершего от склероза почек в том же возрасте, как и Михаил Афанасьевич...

...Тяжкие месяцы все прогрессировавшей болезни Михаил Афанасьевич проводил как подлинный герой. Картину своей болезни он наблюдал острым вниманием писателя и мог бы ее использовать в качестве творческого материала подобно Мольеру. Жизнелюбивый и обуреваемый припадками глубокой меланхолии при мысли о предстоящей кончине, он, уже лишенный зрения, бесстрашно просил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя. Мысль его не падала, а обострялась. Она могла затуманиваться (болезнь, от которой умер Михаил Афанасьевич, часто у других кончается прямым умоисступлением), но тем ярче она вспыхивала в моменты просветления. В дни сильнейшего недомогания он продолжал править свой роман, который ему заботливо перепечатывала и читала вслух его жена, Елена Сергеевна, окружавшая его неизменным вниманием. Михаил Афанасьевич говорил, лежа на смертном одре, что нужно продолжать работу, пока не лишишься сознания. Последний месяц организм не воспринимал пищи.

П.С. Попов
с.543-544 (5)

Осенью 1939 года он с Леной уехал в Ленинград. Дел у него там не было. Просто хотелось пожить в гостинице бездумным и праздным путешественником. Побродить по городу. Без суеты. Посидеть в ресторане. Спать сколько влезет. Не звонить знакомым. Лишь в крайнем случае. И прожить там как можно дольше. Но это не удалось сделать.

В Ленинграде болезнь его открылась. Резко ослабло зрение. Врачи определили остро развивающуюся высокую гипертонию. Он знал, что это склероз почек, и знал, к чему это должно привести. Ему посоветовали возвращаться в Москву. В Москве его уложили в постель.

Я пришел к нему в первый же день после их приезда. Он был неожиданно спокоен. Последовательно рассказал мне все, что с ним будет происходить в течение полугода — как будет развиваться болезнь. Он называл недели и месяцы и даже числа, определяя все этапы болезни. Я не верил ему, но дальше все шло как по расписанию, им самим начертанному.

Воспользовавшись отсутствием Лены, он, скользнув к письменному столу, стал открывать ящики, говоря:

— Смотри, вот папки. Это мои рукописи. Ты должен знать, Сергей, где что лежит. Тебе придется помогать Лене.

Лицо его было строго, и я не посмел ему возражать.

— Но имей в виду, Лене о моих медицинских прогнозах — ни слова...

С.А. Ермолинский
с.170 (25)

...Сердце мое сжалось, когда я оказался в маленькой квартире Булгаковых у Кропоткинских ворот. Елена Сергеевна еще в прихожей сказала мне, что Михаил Афанасьевич почти ослеп, что он не переносит света и лежит в темной комнате с занавешенными окнами.

И вот я вхожу в темную спальню, где лежит на кровати Булгаков. В углу на столике горит лампа, но свет в сторону больного не падает. Булгаков — в длинной белоснежной ночной рубахе, и невольно у меня возникает в памяти известный портрет умирающего Некрасова работы художника Ге.

Я пробыл тогда у Булгакова часа два-три. Говорил больше он, я молчал, слушал и иногда задавал вопросы.

О чем говорил Булгаков?

Главной темой была история с запрещением его последней пьесы о юности Сталина. Об этом писали многие, знавшие Булгакова ближе, чем я, и поэтому я не стану повторять то, что известно. Я скажу лишь о том, что волновало и тревожило в связи с этим печальным происшествием самого Булгакова. Он сказал мне:

— Вы же, наверное, успели уже узнать наши литературные нравы. Ведь наши товарищи обязательно станут говорить, что Булгаков пытался сподхалимничать перед Сталиным и у него ничего не вышло.

Тут он повысил голос, насколько смог, и закончил так:

— Даю вам слово, и в мыслях у меня этого не было. Ну подумайте сами — какой это замечательный драматический конфликт: пылкий юноша — семинарист, революционно настроенный, и старый монах — ректор семинарии. Умный, хитрый, с иезуитским складом ума старик. Ведь мой отец был доктором богословия, я таких "святых отцов" знал не понаслышке.

Л.С. Ленч
с.379-380 (15)

Я пришел к больному Михаилу Афанасьевичу. Он лежал, отгороженный от света большими шкафами. Когда я вошел, он сел, выпрямившись на белой подушке, в белой рубашке, в черной шапочке и темных очках. Глаз не видно, но он был как будто готов слушать. Я рассказал ему о репетициях, и мне казалось, что вот именно таким странно величественным был Дон Кихот Ламанчский. Он слушал собеседника и слышал что-то еще — как будто ему одному доступное.

И.М. Рапопорт
с. 364-365 (15)

В Москве в то время живут три сестры Булгаковых: старшая — Вера Афанасьевна (в замужестве Давыдова, 1892-1972), Надежда Афанасьевна и Елена Афанасьевна. С середины 30-х годов связь между братом и сестрами ослабевает: ездят в гости, встречаются, переписываются реже. Это объясняется, по-видимому, и обстоятельствами чисто внешнего порядка. Сестры Надя и Вера переезжают на далекие окраины Москвы, у них нет телефона. Младшая сестра Леля живет у Петровских ворот, недалеко от квартиры Булгаковых в Нащокинском переулке, но у нее тоже нет своего телефона.

Однако главной причиной ослабления семейных связей была общая атмосфера, создавшаяся вокруг М.Булгакова: постоянная травля на страницах газет и журналов, невозможность печататься.

Показательна запись в дневнике Н. А.Булгаковой-Земской, относящаяся к более раннему времени (11 декабря 1933 года) и передающая как бы внутреннюю речь писателя: "Михаил Булгаков, который "всем простил". Оставьте меня в покое. Жена и детишки. Ничего я не хочу, только дайте хорошую квартиру и пусть идут мои пьесы"

Болезнь, обрушившаяся на писателя в сентябре 1939 года, была для его родных неожиданным и тяжелым ударом.

Е.А. Земская
с.60 (66)

Всю осень 1939 г. (да и весь год) беспокойные мысли о том, что делается с Михаилом и что делается у него. Не видела его долго (с весны 1937 г., должно быть) и ничего о нем не знаю. Хочется его увидеть. <...>

8 ноября 1939 г. <...> Оля (старшая дочь Н.А.Булгаковой-Земской — *сост.*) за утренним чаем говорит <...>: "А ты знаешь, что дядя Миша сильно болен. Меня Андрюша Понсов спрашивает: А

что — выздоровел твой дядя? — А я ему сказала: А я даже и не знаю, что он был болен. Андрюша мне сказал, что он был очень серьезно болен уже давно" Я испугалась и тотчас пошла звонить по телефону Елене Сергеевне, услыхала о серьезности его болезни, услыхала о том, что к нему не пускают много народа, можно только в определенный срок, на полчаса; тут же Е. С. делает попытку объяснить, почему она нас никак не известила (хотя этот факт, говорящий сам за себя, в объяснениях не нуждается), от телефона, как была, в моем неприглядном самодельном старом пальтишке отправилась к нему, сговорившись об этом с Еленой Сергеевной.

Нашла его страшно похудевшим и бледным, в полутемной комнате в темных очках на глазах, в черной *шапочке Мастера* на голове, сидящим в постели. <...>

Когда мы остались одни, он рассказал мне историю "Батума" и начало своей болезни. <...>

(Среди записей Надежды Афанасьевны сохранился записанный ею со слов М.Булгакова рассказ о том, как началась его болезнь — *Е.А.Земская*)

“Заболевание.

1. Поиски, куда поехать в отпуск.

2. Первая замеченная потеря зрения — на мгновенье (сидел, разговаривал с одной дамой и вдруг она точно облаком заволоклась — перестал ее видеть). Решил, что это случайно, нервы шалят, нервное переутомление.

3. Поездка для отдыха, вместо юга, в Ленинград.

4. В гостинице.

5. Утром вышел на Невский и вдруг замечаю, что не вижу вывеcок. Тут же к врачу. Он советует немедленно вернуться в Москву и сделать анализ мочи.

6. Жене: "Ты знаешь, что он мне произнес мой смертный приговор"

7. В Москве. Болезнь та же, что у отца. Воспоминания о том, как болел отец. Теперь Мише стало лучше.

8. Я: "У отца это было хроническое, а у тебя острое воспаление, которое сейчас поддалось лечению". Он: "Может быть".

За это свидание он несколько раз говорит о желании повидать Андрюшу (А.И.Замский, муж Н.А.Булгаковой-Земской — *сост.*).

Вернувшись домой, я плачу, не веря надежде.

Когда я ухожу, плачем с Люсей (домашнее имя Елены Сергеевны), обнявшись, и она горячо говорит: "Несчастный, несчастный, несчастный!"

Я письмами — сообщаю о Мишиной болезни Леле и Вере в тот же день. Сообщаю Елене Сергеевне Лелин адрес и телефон.

Через несколько дней (когда?) Леля, которая начинает у Миши часто бывать, сообщает, что он уезжает в санаторий в Барвиху (правительственный).

Н.А. Булгакова-Земская с.60-61, 64 (66)

У меня и сейчас перед глазами эта картина. Был выходной, воскресенье. Михаил Афанасьевич пообедал, принял лекарство и задремал на диване, повернувшись лицом к стене Мне сказал: "Вы тоже отдохните". Очень внимательным был. Совсем немного времени прошло, как в дверь позвонили. Я увидела двух женщин, одна — высокая, другая — маленькая. ей по плечо. Пригласила их сесть и осторожно приблизилась к Михаилу Афанасьевичу. Он встрепенулся "Вас пришли навестить две сестрички", — говорю. Он стал при-

подниматься на руке и так, полулежа, повернул голову. Увидел сестер, но взгляд его не потеплел и будто мысли свои побежали. Конечно, он сильно страдал от боли, но показалось, что и отношения с сестрами натянутые. Может, раздор какой случился? Уж не помню, как сестры поздоровались с братом, только вдруг разом опустились на колени. И я вместе с ними. А потом быстро вышла из комнаты, поняла — надо оставить одних...

А.Е. Пономаренко (61)

Кто знает, были то минуты прощания близких людей или минуты прощения? Кто знает?

> **М.А.** *Лечат меня тщательно и преимущественно специально подбираемой и комбинированной диетой. Преимущественно овощи во всех видах и фрукты. Собачья скука от того и другого, но говорят, что иначе нельзя, что не восстановят иначе меня как следует. Ну, а мне настолько важно читать и писать, что я готов жевать такую дрянь, как морковь. /Из письма сестре (Е.А.Светлаевой), 3 декабря 1939 г./*

Мака — то ничего, держится оживленно, но Люся страшно изменилась; хоть и хорошенькая, в подтянутом виде, но в глазах такой трепет, такая грусть и столько выражается внутреннего напряжения, что на нее жалко смотреть. Бедняжка, конечно, когда приходят навещать Маку, он оживляется, но самые его черные минуты она одна переносит, и все его мрачные предчувствия она выслушивает, и выслушав, все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. "Я его не отдам, — говорит она, — я его вырву для жизни". Она любит его так сильно, это не похоже на обычное понятие любви между супругами, прожившими уж немало годов вместе... /Из письма О.С.Бокшанской к матери, декабрь 1939 г./

О.С. Бокшанская с.644 (69)

> **М.А.** *Чувствую я себя плохо, все время лежу и мечтаю только о возвращении в Москву и об отдыхе от очень трудного режима и всяких процедур, которые за три месяца истомили меня вконец.*
> *Довольно лечений!*
> *Писать и читать мне по-прежнему строго запрещено и, как сказано здесь, будет еще запрещено "надолго".*
> *Вот словцо, полное неопределенности! Не можешь ли ты мне перевести, что значит "надолго"? /Из письма П.С.Попову, 6 декабря 1939 г./*

...Михаил Афанасьевич тяжело и безнадежно болел. Временами ненадолго наступало улучшение в его самочувствии. И вот в один из таких дней он просит зайти за ним, чтобы немного прогуляться. Выходим на наш Гоголевский бульвар, и вдруг он меня спрашивает:

— Скажи, как ты думаешь, может так случиться, что я вдруг все-таки поправлюсь?

И посмотрел мне в глаза.

Боже мой! Что мне сказать? Ведь он лучше меня знает все о своей болезни, о безнадежности своего положения. Но он хотел чуда и, может быть, верил в него. И ждал от меня подтверждения.

Что говорила я, уже не помню, и не помню, как мы вернулись домой. Но забыть этой прогулки, забыть его взгляда никогда не смогу.

Н.А. Ушакова с.384 (59)

М.А. *Себе ничего не желаю, потому что заметил, что никогда ничего не выходит так, как я желал. Окончательно убедившись в том, что аллопаты-терапевты бессильны в моем случае, перешел к гомеопату. Подозреваю, что загородный грипп будет стоить мне хлопот. Впрочем, не только лечившие меня, но даже я сам ничего не могу сказать наверное. Будь, что будет.*
Испытываю радость от того, что вернулся домой. /Из письма сестре (Е.А.Светлаевой), 31 декабря 1939 г./

На столике у постели появлялось все больше лекарств. Все чаще ходили врачи. Их было несколько. Мхатовский врач Иверов совсем примолк в окружении светил. Они выходили от него растерянные. Он сам себе поставил диагноз, и ничего нельзя было от него скрыть. Однако они еще долго шушукались в коридоре, прощались с Леной, ободряя ее, уходили.

Лицо его заострилось. Он помолодел. Глаза стали совсем светло-голубые, чистые. И волосы, чуть встрепанные, делали его похожим на юношу. Он смотрел на мир удивленно и ясно.

Очень часто заходили друзья — Дмитриев, Вильямс, Борис Эрдман (брат Николая Робертовича, художник), забегал Файко, живший по соседству, на той же лестничной площадке. К постели больного приставлялся стол. Мы выпивали и закусывали, а он чокался рюмкой с водой. Он настаивал, чтобы мы выпивали, как раньше бывало. И для нашего удовольствия делал вид, что тоже немного хмелеет.

С.А. Ермолинский с.173 (25)

Но вскоре эти посиделки кончились. Они стали трудны для него.

М.А. *Ну, вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль,*

что вернулся я умирать.
Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло. Как известно — есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется.
Поточнее говоря о болезни: во мне происходит, ясно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни — улучшение зрения.
Но, довольно о болезни!
Могу лишь добавить одно: к концу жизни пришлось пережить еще одно разочарование — во врачах-терапевтах.
Не назову их убийцами, это было бы слишком жестоко, но гастролерами, халтурщиками и бездарностями охотно назову.
Есть исключения, конечно, но как они редки!
Да и что могут помочь эти исключения, если, скажем, от таких недугов, как мой, у аллопатов не только нет никаких средств, но и самого недуга они порою не могут распознать. /Из письма А.Г.Гдешинскому, 28 декабря 1939 г./

Особенно ярко, и уже навсегда, мне запомнился один из наших разговоров. Булгаков лежал на свое широкой тахте, окруженный подушками, Ему трудно было поворачиваться с боку на бок, он болезненно воспринимал всякое прикосновение. И вот он лежит передо мной, очень худой, весь какой-то зелено-желтый, к чему-то прислушивающийся, как будто мудрый и как будто ничего не понимающий вокруг. После короткого визита, обычного в то время, я собрался уходить, но он вдруг остановил меня: "Погоди, Алексей Михайлович,

одну минутку". Я хотел присесть на край тахты, но он предупредил меня: "Нет, не надо, не садись, я коротко, я быстро, а то ведь я очень устаю, ты понимаешь..." Я остался стоять, и какая-то мощная волна захлестнула меня. "Что, Михаил Афанасьевич?" — спросил я. "Помолчи". Пауза. "Я умираю, понимаешь?" Я поднял руки, пытаясь сказать что-то. "Молчи. Не говори трюизмов и пошлостей. Я умираю. Так должно быть — это нормально. Комментарию не подлежит". — "Михаил Афанасьевич..." — начал было я. "Ну что — Михаил Афанасьевич! Да, так меня зовут. Я надеюсь, что ты имени моего не забудешь? Ну и довольно об этом. Я хотел тебе вот что сказать, Алеша, — вдруг необычно интимно произнес он. — Не срывайся, не падай, не ползи. Ты — это ты, и пожалуй, это самое главное. Ведь я тебе не комплимент говорю, ты понимаешь?" Я, конечно, понимал, но вымолвить "да" не смог. "Ты не лишен некоторого дарования, — его губы криво усмехнулись. — Обиделся, да? Нет, не обиделся? Ну, ты умница, продолжай в том же духе. Будь выше обид, выше зависти, выше всяких глупых толков. Храни ее в себе, вот эту, эту самую, не знаю как она называется... Прощай, уходи, я устал..."

А.М. Файко
с. 352 (15)

...Тихо, при свечах, встретили Новый год: Ермолинский — с рюмкой водки в руках, мы с Сережей - белым вином, а Миша — с мензуркой микстуры. Сделали чучело Мишиной болезни — с лисьей головой (от моей чернобурки), и Сережа, по жребию, растрелял его... /Из дневника 1 января 1940 г./

Е.С. Булгакова
с.286-287 (21)

Как-то однажды, уже во время своей предсмертной болезни, видя, как она измучилась с ним, и желая немного ее отвлечь, Булгаков попросил ее присесть на краешек постели и сказал: "Люся, хочешь, я расскажу тебе, что будет? Когда я умру (и он сделал жест, отклонявший ее попытку возразить ему), так вот, когда я умру, меня скоро начнут печатать. Журналы будут ссориться из-за меня, театры будут выхватывать друг у друга мои пьесы. И тебя всюду станут приглашать выступить с воспоминаниями обо мне. Ты выйдешь на сцену в черном бархатном платье с красивым вырезом на груди, заломишь руки и скажешь низким трагическим голосом: "Отлетел мой ангел..." "И оба мы, — рассказывала Елена Сергеевна, — стали неудержимо смеяться: это казалось таким неправдоподобным. Но вот сбылось. И когда меня приглашают выступить, я вспоминаю слова Михаила Афанасьевича и не могу говорить".

В.Я. Лакшин
с.363 (34)

Ужасно тяжелый день. “Ты можешь достать у Евгения револьвер?” /Из дневника, 1 февраля 1940 г./

Е.С. Булгакова
с.291 (21)

Утром, в 11 часов. “В первый раз за все пять месяцев болезни я счастлив... Лежу... покой, ты со мной... Вот это счастье...”

“Счастье — это лежать долго... в квартире... любимого человека... слышать его голос... вот и все... остальное не нужно...” /Из дневника, 6 февраля 1940 г./

Е.С. Булгакова
с.291 (21)

7 февраля Андрюша сообщает, что Мише снова стало плохо и что *необходимо* его *поскорее* повидать.

8 февраля еду к нему с утра <...> Отдаю ему письмо от Оли. Он надписывает девочкам (племянницам Оле и Лене) карточку.

Встречает меня вопросом, могу ли я дежурить около него, ес-

ли получу телеграмму. Я: Да, могу. Он: Ну, так жди телеграммы. Сажусь у постели в кресло. Миша: "Ну, давайте веселиться!" Разговор об Андрюшиной (мужа Н.Аф.) бороде: "Вы еще тогда — в 60-е годы — народ"...

Когда на минуту мы остаемся одни (все выходят), разговор о револьвере...

Н.А. Булгакова-Земская с.72-73 (66)

Последний раз я вижу его умирающим в ночь с 9 марта на 10 марта. Вера (сестра) приезжает ночью за мной на автомобиле...

Дорогой Патя, благодарю тебя за твое хорошее, но очень печальное письмо. Я очень ясно представил себе обстановку Нащокинского переулка, и мне стало обидно, что я сейчас не могу быть там. Большой период моей жизни был связан с Макой, думаю, что и в его жизни я когда-то сыграл какую-то роль. Тебе, конечно, нужно возможно больше и чаще бывать у Маки. Ему это, наверное, очень приятно. Да и, кроме того, выражаясь громким языком, кто достаточно беспристрастен, чтобы запечатлеть и сохранить его подлинный образ. Это могут сделать только несколько его ближайших друзей и не конкурентов по писательской работе. Впрочем, может быть, все наши опасения излишни, Хочется думать, что он опять справится с новым приступом опасностей (...) Непременно передай от меня побольше нежных слов Маке. Вырази ему мою любовь так, как ты умеешь. /Из письма Н.Н. Лямина П.С. Попову, 12 февраля 1940 г./

Н.Н. Лямин с. 669 (69)

Пишу после длительного перерыва. С 25-го января, по-видимому, начался второй — сильнейший приступ болезни, выразившийся и в усилившихся, не поддающихся тройчатке головных болях, и в новых болях в области живота, и в рвоте и в икоте. Одним словом, припадок сильнее первого. /Из дневника, 15 февраля 1940 г./

Е.С. Булгакова с.290 (21)

Около двух недель пробыла я возле Булгакова. Тоже дежурила и дни, и ночи. Чем могла, старалась облегчить его страдания. Михаил Афанасьевич любил прогулки — по комнате, конечно Сил-то у него тогда уже совсем мало осталось, но держался, превозмогал боль и слабость. Бывало настанет час нашей "прогулки", он сначала спустит ноги с дивана (лежал он в своем кабинете), посидит немного — отдохнет. Потом подымется, опираясь правой рукой на костыль, а левой на мою руку. Высокий — я ему до плеча — и очень-очень худой в своем темно-зеленом халате. Сделаем мы круг по большой комнате. Вижу, трудно ему. Посмотрю на него — мол хватит уже, а он: "Нет, нет, еще раз..."

А.Е. Пономаренко (61)

Михаил Афанасьевич чувствовал себя все хуже и хуже. И вот наступил такой момент, когда врачи потребовали круглосуточного дежурства у больного. Предлагали много медсестер из Литературного фонда и клиники Большого театра, но М.А. отказался и просил вызвать его младшую сестру Елену Афанасьевну и обратился ко мне с просьбой (в надежде, что Сергей Александрович не будет возражать) переехать к нему в дом на то особенно тяжелое время. Что я и сделала.

М.А., как врач, предвидел все проявления болезни, которые его ожидают, и предупредил, чтобы мы не пугались, когда так случится.

Несмотря на свое тяжелое состояние, он еще находил в себе силы острить и шутить. Он говорил: “Не смейте меня оплакивать, лучше вспоминайте меня веселого”.

М.П. Чимишкян с.398 (59)

У Миши очень тяжелое состояние — третий день уже.

Углублен в свои мысли, смотрит на окружающих отчужденными глазами. К физическим страданиям прибавилось или, вернее, они привели к такому болезненному душевному состоянию. /Из дневника, 19 февраля 1940 г./

Е.С. Булгакова с.290 (21)

Утром: "Ты для меня все, ты заменила весь земной шар. Видел во сне, что мы с тобой были на земном шаре".

Все время, весь день необычайно ласков, нежен, все время любовные слова — любовь моя... люблю тебя — ты никогда не поймешь это. /Из дневника, 29 февраля 1940 г./

Е.С. Булгакова с.291 (21)

Утром — встреча, обнял крепко, говорил так нежно, счастливо, как прежде до болезни, когда расставались хоть ненадолго..

Потом (после припадка): умереть, умереть... (пауза)... но смерть все-таки страшна... впрочем, я надеюсь, что (пауза)... сегодня последний, нет, предпоследний день... /Из дневника, 1 марта 1940 г./

Е.С. Булгакова с.291-292 (21)

...Вчера днем была я у Люси. Ее я застала более собранной внутренне, но вообще картина ужасно грустная. У него появляются периоды помутнения рассудка, он вдруг начинает что-то говорить странное, потом опять приходит в себя. Я взяла у них сидя энциклопедию, прочитала об уремии и вижу, что страшно схожие признаки. Это идет отравление всего организма частицами мочи, и это действует главным образом на нервную систему и мозг. Бедная Люсинька в глаза ему глядит, угадывает, что он хочет сказать, т.к. часто слова у него выпадают из памяти и он от этого нервничает; утром у него был жестокий приступ боли в области печени, он решил, что чем-то отравился, но когда я пришла, он отоспался и болей не было. Ах, как грустно, как страшно на все это смотреть. Он обречен, и все мы теперь больше думаем о Люсе, как с ней будет, ведь столько силы душевной надо иметь и еще это выдержать, как на ее глазах мутится разум близкого человека. Но когда он в себе, он мил, интересен, ласков по-старому с Люсей. А потом вдруг страшно раздражителен, требователен. Хотя надо сказать, что к Люсе и Сереже у него замечат(ельное) отношение, сердится он на других, но теперь ведь ему все прощают, только б не мучился, не волновался... /Из письма О.С.Бокшанской матери, 3 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская с.488 (5)

У Люси сегодня с утра о(чень) плохо с Мишей, помутнение разума его достигает все больших размеров, вчера была у меня Лоли, рассказывала, что он испытывает и физич(еские) страдания, т.к. боли бывают повсеместно, а сегодня Женечка оттуда позвонил, говорит, что он в сильном возбуждении, но при этом в полном помрачении ума. С Женечкой говорила неск(олько) раз, Люся ему поручала звонить мне, сама она от него не отходит. К вечеру нет сведений, а сама звонить не решаюсь, не помешать бы... /Из письма О.С.Бокшанской матери, 5 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская с.489 (5)

Все печальнее и печальнее вести от Люси... Веня говорил с их друзьями, дежурившими там. Они сказали, что Маке все хуже и хуже. А сегодня пришел один знакомый художник, друг их, который ночевал там вот в эту последнюю ночь. Он под убийственным впечатлением: Мака уже сутки как не говорит совсем, только вскрики-

вает порой, как они думают, от боли. Мочеиспускание почти прекратилось, и если в этой области показывается что-то, он вскрикивает, вероятно, это болезненно. Люсю он как бы узнает, других нет. За все время он произнес раз одну какую-то фразу, не очень осмысленную, потом, часов через 10 повторил ее, вероятно, в мозгу продолжается какая-то работа, мысль идет по какому-то руслу. Сережу Люся отправила к отцу и Женюше. Женечка мне не звонил нынче, был ли он там — не знаю... /Из письма О.С.Бокшанской матери, 8 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская с.490 (5)

Все в том же положении Мака; сегодня звонила туда, говорила с дежурящей там их приятельницей. Она сказала, что накануне ночь и день были ужасные, ночь напролет ни он, никто глаз не сомкнул. А вот последнюю ночь он проспал, с докторским уколом наркотика, много, и Люся поэтому тоже отоспалась. Некоторые наркотики на него перестали уж действовать, он не засыпает, а вчерашний какой-то другой наркотический препарат вот подействовал. Конечно, надежд никаких не прибавляет эта спокойная для него ночь. Думаю, что теперь уж ни волоска надежды нет. /Из письма О.С.Бокшанской матери, 9 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская с.491 (5)

Смерть.

Теперь хочу рассказать Вам подробнее о смерти Миши, как это мне ни трудно делать. Но я понимаю, что Вам надо это знать. Когда мы с Мишей поняли, что не можем жить друг без друга (он именно так сказал), — он очень серьезно вдруг прибавил: "Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках". Я нечаянно улыбнулась — это был 1932-й год, Мише было 40 лет с небольшим, он был здоров,

совсем молодой... Он опять серьезно повторил: "Поклянись". И потом в течение нашей жизни несколько раз напоминал мне об этом. Я настаивала на показе врачу, на рентгене, анализах и т. д. Он проделывал все это, все давало успокоение, и тем не менее, он назначил 39-й год, и когда пришел этот год, стал говорить в легком шутливом тоне о том, что вот — последний год, последняя пьеса и т. д. Но так как здоровье его было в прекрасном проверенном состоянии, то все эти слова никак не могли восприниматься серьезно. Говорил он об этом всегда за ужином с друзьями, в свойственной ему блестящей манере, с светлым юмором, так что все привыкли к этому рассказу. Потом мы поехали летом на юг, и в поезде ему стало нехорошо, врачи мне объяснили потом, что это был удар по капиллярным сосудам. Это было 15 августа 1939 года. Мы вернулись в тот же день обратно из Тулы (я нашла там машину) в Москву. Вызвала врачей, он пролежал несколько времени, потом встал, затосковал, и мы решили для изменения обстановки уехать на время в Ленинград. Уехали 10 сентября, а вернулись через четыре дня, так как он почувствовал в первый же день на Невском, что слепнет. Нашли там профессора, который сказал, проверив его глазное дно: "Ваше дело плохо". Потребовал, чтобы я немедленно увезла Мишу домой. В Москве я вызвала известнейших профессоров — по почкам и глазника. Первый хотел сейчас же перевезти Мишу к себе в Кремлевскую больницу. Но Миша сказал: "Я никуда не поеду от нее". И напомнил мне о моем слове.

А когда в передней я провожала профессора Вовси, он сказал: "Я не настаиваю, так как это вопрос трех дней". Но Миша прожил после этого полгода. Ему становилось то хуже, то лучше. Иногда он да-

же мог выходить на улицу, в театр. Но постепенно ослабевал, худел, видел все хуже. Мы засыпали обычно во втором часу ночи, а через час-два он будил меня и говорил: "Встань, Люсенька, я скоро умру, поговорим". Правда, через короткое время он уже острил, смеялся, верил мне, что выздоровеет непременно, и выдумывал необыкновенные фельетоны про МХТ, или начало нового романа, или вообще какие-нибудь юмористические вещи. После чего, успокоенный, засыпал. Как врач, он знал все, что должно было произойти, требовал анализы, иногда мне удавалось обмануть его в цифрах анализа, — когда белок поднимался слишком высоко.

...Сестры медицинские были безотлучно, доктора следили за каждым изменением. Но все было напрасно. Силы уходили из него, его надо было поднимать двум-трем человекам. Каждый день, когда сменялось белье постельное. Ноги ему не служили. Мое место было — подушка на полу около его кровати. Он держал руку все время — до последней секунды. 9-го марта врач сказал часа в три дня, что жизни в нем осталось два часа, не больше. Миша лежал как бы в забытьи. Накануне он безумно мучился, болело все. Велел позвать Сережу. Положил ему руку на голову. Сказал: "Свету!.." Зажгли все лампы. А 9-го после того, как прошло уже несколько часов после приговора врача, очнулся, притянул меня за руку к себе. Я наклонилась, чтобы поцеловать. И он так держал долго, мне показалось — вечность, дыхание холодное, как лед, — последний поцелуй. Прошла ночь. Утром 10-го он все спал (или был в забытьи), дыхание стало чаще, теплее, ровнее. И я вдруг подумала, поверила, как безумная, что произошло то чудо, которое я ему все время обещала, то чудо, в которое я заставляла его верить, — что он выздоровеет,

что это был кризис. И когда пришел к нам часа в три 10-го марта Леонтьев (директор Большого театра), большой наш друг, тоже те-перь умерший, — я сказала ему: "Посмотрите, Миша выздоровеет! Видите?" — А у Миши, как мне и Леонтьеву показалось, появилась легонькая улыбка. Но, может быть, это показалось нам... А может быть, он услышал?

Через несколько времени я вышла из комнаты и вдруг Женичка прибежал за мной: "Мамочка, он ищет тебя рукой" — я побежала, взяла руку, Миша стал дышать все чаще, чаще, потом открыл неожиданно очень широко глаза, вздохнул. В глазах было изумление, они налились необычайным светом. Умер. Это было в 16 ч. 39 м. — как записано мной в тетради. Во время болезни я стала сначала записывать предписания врача, потом прибавилась полная запись дня, когда, какое лекарство принял, что ел, когда и сколько спал. Потом — его слова, потом, в последнее время его ухудшение состояния, — тяжелые минуты потери памяти (очень редкие), галлюцинации, и наконец подробные записи последних дней его страданий. Лицо его настолько изменилось от переносимых им страданий, что его почти нельзя было узнать. Я с ужасом думала — никогда не увижу Мишу, каким знала. А после смерти лицо стало успокоенным, счастливым почти, молодым. На губах — легкая улыбка. Все это, не я одна видела, об этом с изумлением говорили все видевшие его...

Простите меня, Никол, я знаю, что Вам тяжело будет все это читать. Но ведь я чувствую все время, что Вы ждете от меня рассказа о его последних минутах. Он умирал так же мужественно, как и жил. Вы очень верно сказали о том, что не всякий выбрал бы такой путь. Он мог бы, со своим невероятным талантом, жить абсолютно

легкой жизнью, заслужить общее признание. Пользоваться всеми благами жизни. Но он был настоящий художник — правдивый, честный. Писать он мог только о том, что знал, во что верил. Уважение к нему всех знавших его или хотя бы только его творчество — безмерно. Для многих он был совестью... /Из письма Н.А.Булгакову, 16 января 1961 г./

Е.С. Булгакова
с.321-323 (21)

Когда он уже умер, глаза его вдруг широко открылись и свет, свет лился из них. Он смотрел прямо и вверх перед собой — и видел, видел что-то, я уверена (и все, кто был здесь, подтверждали потом это). Это было прекрасно.

Е.С. Булгакова
с.651 (69)

Он умер 10-го числа, без двадцати минут пять, днем. После сильнейших физических мук, которые он терпел в последнее время болезни, день смерти его был тих, покоен. Он был в забытьи или под действием наркотиков, которые ему все время впрыскивали, чтоб он не терпел болей, под утро заснул, и Люсю тоже уснуть заставили, дали ей снотворного. Она мне говорила: проснулась я часа в два, в доме необыкновенная тишина и из соседней комнаты слышу ровное, спокойное дыхание Миши. И мне вдруг показалось, что все хорошо, не было этой страшной болезни, просто мы живем с Мишей, как жили до болезни, и вот он спит в соседней комнате и я слышу его ровное дыхание. Но, конечно, это было на секунду — такая счастливая мысль. Он продолжал спать и очень спокойно, ровно дышать. Часа в 4 она вошла в его комнату с одним большим их другом, приехавшим в этот час туда. И ОПЯТЬ ТАК СПОКОЕН был его сон, так ровно и глубоко дыхание, что — Люся говорит: подумала я, что это чудо (она

все время ждала от него, от его необыкновенной, непохожей на обычных людей натуры) — это перелом, он начинает выздоравливать, он поборол болезнь. Он так и продолжал спать, только около половины пятого по лицу прошла легкая судорога, он как-то скрипнул зубами, а потом опять ровное, все слабеющее дыхание, и так тихо-тихо ушла от него жизнь. Люся так и осталась сидеть около него, там были еще Женюша и близкие им муж и жена Ермолинские, которые вот уж сколько времени постоянно там дежурили и поддерживали Люсю. В начале шестого Женюша позвонил мне, и я тотчас поехала туда с одним соработником моим, тоже их другом. А Веня распрощался со мной до четырех и сказал, что пойдет пройтись и именно к Люсе и Маке придет. О том, что он доживает последние часы, я узнала по телефону от их близких друзей еще часов в 12, они мне сказали, что начался отек легких и пульс 40, что это не может длиться больше суток. И все-таки как-то нельзя было это усвоить, и Веня шел в надежде застать его еще в живых. Но пришел и узнал, что жизнь его кончилась. Люся проявила громадную выдержку, колоссальное мужество — все решительно, кто ни говорит о ней, потрясены ее стойкостью, героическими средствами сдержанности, благородства. По большей части она сидела около него, потом, когда приходили люди, уступала им место, говорила о нем, отвечая на расспросы — она очень охотно говорит о нем, вспоминает разное. Она рассказала, что когда он уж был совсем плох, юмор не покидал его. Там была одна из милос(ердных) сестер, которую он не жаловал, и выражал это только одним Люсе видным движением губ, как бы сплевывал: сестра готовит ему, скажем, шприц, а он делает губами вроде неслышного "тьфу". И тут, он еле смог повернуть голо-

ву в Люсину сторону, но повернул и чуть шевеля губами сделал это движение губами, когда обнаружил эту сестру около себя.

Все дела по организации похорон взял на себя Союз сов. Писателей, который прислал специального человека, а с ним переговаривался Сережа Ермолинский, чтоб Люсю избавить от этих дел. Она только сказала, что желание Миши было, чтобы не было музыки. В первый же вечер тело подверглось замораживанию, потому что по объяснению доктора эта болезнь повлечет за собой более быстрое разложение тканей. Во время этой операции мы все сидели с Люсей, а этим распоряжались Женичка и Сережа Ерм(олинский). Маленький Сережа был ведь в последние дни отправлен к отцу, но скоро после моего прихода и он туда пришел — его, видимо, потрясло сильно первое соприкосновение со смертью, Люся всячески старалась сделать это для него как можно проще, естественнее, мужественнее. Женечка был совершенно изумительно умен, тактичен, он — это главная Люсина поддержка, его она слушается, к нему все время тянется, и он так тонко, так поразительно верно во всем самом сложном душевном разбирается.

Веня уехал играть спектакль, потом вернулся, и мы уехали от туда во втором часу. Люся приняла снотворное, легла, понимая, что ей еще много сил надо для следующих дней. На след(ующее) утро я приехала к ним, там, как и накануне, были близкие. Накануне приезжали некоторые актеры из разных театров, все время приезжал народ. Около четырех привезли гроб и переложили Маку с кушетки, на кот(орой) он лежал, после чего на погребальной машине мы, окружая гроб, доехали в Дом Союза советских писателей, где гроб был установлен в зале на постаменте. Постепенно туда стали собиратья актеры, писатели, приносили венки — от нашего театра, от Союза писателей, от Большого театра, от театра Вахтангова, от театра Сатиры, от участников спектакля "Турбины", от Качаловых, от нас, от трех семейств очень друживших с ним художников - Вильямса, Эрдмана и Дмитриева (они с женами все время тоже с Люсей, даже по ночам), еще от дружественных каких-то лиц, — гроб был весь заставлен венками. В четверть шестого началась гражданская панихида — были две речи от Союза писателей (писатель Всев. Иванов и драматург А. Файко — сосед Булгаковых по квартире и хороший их друг, говорил он лучше всех), потом от нас — нар. арт. Топорков и от Большого театра — главный их режиссер Мордвинов. После этого постепенно все присутствовавшие становились в почетный караул, по четыре человека в каждой смене. По желанию Миши — музыки не было, а то бы непременно Большой театр и другие прислали бы музыкантов и певцов. Потом постепенно пришедшие ушли, остались мы там только самые близкие. И потом, за вечер, приходили одиночные друзья, которые не смогли быть на гражданской панихиде. Дежурили члены Комиссии по похоронам, в которую входили писатели, четыре делегата Большого театра и четыре нашего, среди них Веня. Люся, ребята, сестра Маки Елена, художники-друзья, Ермолинские остались там на всю ночь — в Доме Союза сов. пис. предоставили им два кабинета, где можно было отдыхать, — одни сидели у гроба в зале, другие в это время отдыхали. Я уехала с Веней после того, как Люся пошла лечь, Женечка ее уговорил, и Сережка уж сладко спал на диване. Это было примерно в час ночи. Сегодня к 10 мы пришли в театр, где собралось много наших, потому что было решено, что тело будет подвезено к Большо-

му театру (он ведь там работал последние годы) и к нашему и будет остановка около подъезда, где соберутся все, кто хочет отдать ему этот долг. Так и было, примерно к 10.40 подъехала машина, на которой был установлен гроб в цветах, затем шла машина с венками и легковая машина, в которой ехала Люся с Сережей (Женечка был около гроба). Процессия остановилась, Люся вышла из машины, к ней подошли некоторые наши, все-то боятся не растревожить подходом, сочувствием. Так постояли. Потом двинулась первая машина, и все, кто стоял на подъезде театра, двинулись за ней, проводив ее до угла, когда она уже постепенно стала уходить быстрее вперед. Люся поедет за гробом до крематория, где тело надо передать для вскрытия, потому что без этого по закону хоронить, а тем более сжигать, нельзя. Сегодня в 5 час. будет кремация. Сейчас из крематория Люся, пока будут производить вскрытие и проводить формальности, поехала домой, где немного отдохнет, а к пяти часам и она, и все мы поедем на кремацию — там тоже ожидается короткая по времени гражданская панихида. Вероятно, через несколько дней будет получена урна — и тогда состоятся похороны ее на кладбище Новодевичьего монастыря. Там у Художественного театра есть свой участок, засаженный вишневыми деревьями, а невдалеке расположены некоторые могилы Большого театра, и вот хотят похоронить урну на границе этой земли. Милая моя мамочка, я нарочно рассказываю тебе все так подробно, чтоб не останавливаться на нашем внутреннем состоянии — боюсь, сдержаться не смогу, и без того я вся исплакана, глаза не видят, а надо бы крепиться главным образом для Люси, чтоб не потащить ее к слезам, она держится из последних сил, и мы все стараемся плакать украдкой от нее, хоть и не

удается это всегда. Подумать страшно, как она будет тосковать о нем, вся ее жизнь вот с тех пор как они вместе, была им заполнена целиком. Вся надежда у меня на ребят, на предстоящую ей работу по оставленным им рукописям, на ее душевную крепость, стойкость вообще — она такой большой человек... /Из письма матери, 12 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская
с.492-496 (5)

Н.А.Ушакова говорила нам о его просветленном лице в первый день после смерти: "У него стало прежнее, знакомое лицо, а последний месяц было чужое". Это пристальный взгляд художницы, не разрисовавшей Булгакова.

М.О. Чудакова
с.670 (69)

10 марта в 4 часа дня он умер. Мне почему-то всегда кажется, что это было на рассвете.

На следующее утро — а может быть, в тот же день, время сместилось в моей памяти, но кажется, на следующее утро, — позвонил телефон. Подошел я. Говорили из секретариата Сталина. Голос спросил:

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

Тот, кто говорил со мной, положил трубку.

Поздно вечером приехал Николай Эрдман, проживавший тогда в ссылке в Вышнем Волочке. Мы провели с ним вдвоем, почти всю ночь. И даже разговаривали мало. Лена, не раздеваясь, прикорнула на диване. На рассвете он уехал.

Пахло формалином. Меркуров снимал маску.

Копию этой маски мне подарила Лена, но в военные годы, когда меня уже не было в Москве, ее бросили в дровяной сарай, а потом она куда-то исчезла.

Очень много народу перебывало в квартире. Меньше всего было литераторов...

...Да, в те траурные дни заходили попрощаться к нему не только его близкие знакомые, но и неведомо кто, и было тесно в доме. Дверь настежь, на лестнице люди. А когда его гроб перевезли в Союз писателей, то оказалось, народу совсем немного. В большом, полутемном зале стояли группки людей. Многие подолгу. Многие уходили и приходили опять. К вечеру собралось людей побольше. Было тихо. Музыки не было. Он просил, чтобы ее не было.

По дороге в крематорий заехали в Художественный театр. Вся труппа и служащие ждали его у подъезда. Затем проехали к Большому театру — у колонн стояло много людей — тоже ждали его.

С.А. Ермолинский
с.190-191 (25)

Грустно глядеть на нее, хоть она и старается быть оч(ень) стойкой. Зная его, зная их любовь — поэтическую, прекрасную, непохожую ни на какие обыденные, привычные понятия о супружеской любви, ясно, что для нее это утрата невозвратимая и незаменимая. /Из письма матери, 15 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская
с.504 (5)

Мака был человеком совершенно потрясающего обаяния и интереса, таким, который целиком заполнял ее жизнь, всю ее окрашивал для нее в потрясающие краски... /Из письма матери, 18 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская
с.506 (5)

Теперь тот нерв, которым она держалась последние дни, ее оставил, и она часто плачет, как говорил мне Женюша, тоскует, томится отсутствием Миши, кот(орый) заполнял ее жизнь целиком. Действительно, это был человек такой интересный, такой необыкновен-

ной сущности, так жарко к ней привязанный, так деливший с нею глубочайшие свои замыслы, фантазии, вдохновение, что жизнь ее стала пуста невероятно. Она старается изо всех сил сохранить бодрость, старается работать, да тут и не только старанье, но и жгучее желание продлить память о нем изданием его произведений, организацией всего этого дела. Зная хорошо его вещи, я должна сказать, что это был человек необычайной одаренности, и конечно он останется в веках, это для меня несомненно. /Из письма матери, 29 марта 1940 г./

О.С. Бокшанская
с.513 (5)

Елена Сергеевна рассказала, как вскоре после смерти Михаила Афанасьевича, поздно вечером пришла к ней Анна Андреевна Ахматова и прочитала стихи, написанные на смерть Булгакова. Ахматова не разрешила их записать, а просила Люсю запомнить. Та, плача от волнения, никак не могла выучить, а Анна Андреевна терпеливо повторяла строку за строкой, и Елена Сергеевна наконец запомнила. В тот вечер она читала это стихотворение мне, читала очень похоже на чтение Анны Андреевны (мне доводилось слышать ее не раз).

...О, кто поверить смог, что полоумной мне.
Мне, плакальщице дней погибших.
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всё потерявшей, всех забывшей, —
Придется поминать того, кто полный сил
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли...

С.С. Пилявская
с.338 (54)

1955

1966

1970

1991

Глава V

Другая жизнь:
“Чтобы знали, чтобы знали...”
Музей М.А.Булгакова.

Чтобы знали, чтобы знали...

Я долго не оформляла могилы, просто сажала цветы на всем пространстве, а кругом могилы посажены мной четыре грушевых дерева, которые выросли за это время в чудесные высокие деревья, образующие зеленый свод над могилой. Я никак не могла найти того, что бы я хотела видеть на могиле Миши — достойного его. И вот однажды, когда я по обыкновению зашла в мастерскую при кладбище Новодевичьем, — я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то глыбу гранитную. Директор мастерской, на мой вопрос, объяснил, что это — Голгофа с могилы Гоголя, снятая с могилы Гоголя, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубили площадочку для надписи: Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. 1891-1940 (четыре строчки. Золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле — Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. Теперь каждую весну я сажаю только газон. Получается изумрудный густой ковер, на нем Голгофа, над ней купол из зеленых густых ветвей. Это поразительно красиво и необычно, как был необычен и весь Миша — человек и художник...

Эту глыбу — морской гранит — привез Аксаков специально для могилы Гоголя... /Из письма Н.А.Булгакову, 16 января 1961 г./

Е.С. Булгакова с.320 (21)

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! В марте 1930 года Михаил Булгаков написал Правительству СССР о своем тяжелом писательском положении. Вы ответили на это письмо своим телефонным звонком и тем продлили жизнь Булгакова на 10 лет.

Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам, твердо веря, что Вы захотите решить и решите вопрос о праве существования на книжной полке собрания сочинений Булгакова. Наступившая вскоре война задержала выполнение его последнего желания...

...Из всего его литературного наследства: четырнадцать пьес, романы, повести, рассказы, оперные либретто, наброски и подготовительная работа для учебника истории СССР, — не печатается ничего, а на сцене идут: пьеса "Последние дни (Пушкин)" и инсценировка "Мертвые души", но в одном только Художественном Театре, причем спектакль о Пушкине Театр не имеет права ставить по субботам и воскресеньям и более двух-трех раз в месяц.

Булгаков не держал в руках гранок 15 лет, с 1926 года по день смерти, — хотя каждая строчка его произведений написана им для своего театра, для своей страны.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я прошу Вашего слова в защиту писателя Булгакова. Я прошу именно Вашего слова — ничто другое в данном случае помочь не может.

Сейчас, благодаря Вам, Советская Россия вспомнила многие несправедливо забытые имена, которыми она может гордиться. Имя Булгакова, так беззаветно отдавшего свое сердце, ум и талант бесконечно любимой Родине, остается непризнанным и погребенным в молчании. Я прошу Вас, спасите вторично Булгакова, на этот раз от незаслуженного забвения. /Из письма И.В.Сталину, 7 июля 1946 г./

Е.С. Булгакова
с.626-627 (6)

Именно Елене Булгаковой, посвятившей 30 лет после кончины мужа служению его могучему таланту, мы обязаны тем, что он предстал перед нами во всем величии своего дара Писателя, Драматурга, Человека.

С.С. Пилявская
с.272 (54)

...Рискнем добавить сюда и признание Е.С.Булгаковой в одной из наших бесед 1969 года: “Знаете, чтобы издать Мишины книги, я бы отдалась кому угодно!”...

М.О. Чудакова
с.546 (68)

Наступали пятидесятые годы. Недолго уже было и до антисталинской бури, но дела у Лены не шелохнулись: мертвая зыбь.

“Если бы ты знал, — писала она мне, — как трудно добиваться, что Мишу надо печатать".

Ей порекомендовали обратиться в издательство "Искусство", и она отправилась туда с бумажками от Союза писателей и Министерства культуры.

Секретарша не пускала ее к директору, сообщив, что его нет и неизвестно, когда он будет. Лена уселась чуть поодаль и терпеливо ждала, выказав неодолимое упорство во что бы то ни стало добиться встречи с директором. Секретарша попросила ее выйти в коридор, не скрывая раздражения возмутительной настойчивостью "дамочки". И все же директора она дождалась. Насколько помню, директором был тогда Евгений Евгеньевич Северин. Он внимательно ознакомился с бумажками, некоторое время поразмышлял и затем, отобрав две пьесы — "Дни Турбиных" и "Последние дни", — сказал: "Выпустим книжку с этими двумя пьесами,и постараемся сделать это поскорее, так сказать, вроде бы к десятилетию со дня..." Вышла тощая книжка его двух пьес, проверенных и перепроверенных, шедших в МХАТе.

С.А. Ермолинский
с.194-195 (25)

Простите меня, дорогой Самуил Яковлевич, если это письмо доставит Вам неприятные минуты. Ужасно то, что Вы, все Вы, никог-

да не поймете меня, так же, как сытый никогда не поймет голодного. Когда я слышу по радио (теперь, в последнее время, особенно часто) или читаю в газетах, как перечисляют всех, кого будут издавать в 1955 году, я почти всегда дохожу до слез, иногда впадаю в ярость. Ведь я дала ему клятву перед его смертью, что я добьюсь издания. Перечисляются все: талантливые и бездарные, свои и чужие, искренние и лживые, нужные и ненужные, такие, которые были, есть и будут любимы и уважаемы всегда, и такие, о которых, через год или через 10 лет, скажут что-нибудь вроде как о Сурове... — словом, все.

Нет только одного имени, светлого, чистого имени Булгакова.

В чем вина Булгакова? В бесстрашной правде, которую он считал своим писательским долгом говорить прямо, — больше ни в чем. Кажется, Эренбург сказал на съезде: воображаю, как бы встретили на улице Воровского Маяковского с его первыми стихами! А я добавлю: и Салтыкова-Щедрина, и Гоголя! /Из письма С.Я.Маршаку, 6 января 1955 г./

Е.С. Булгакова
с.629 (6)

Как раз в это время возникло его первое "собрание сочинений".

Первоиздательницей была Лена. Но об этом никто не знал. "Величайший секрет"! В ее распоряжении имелась пудовая, бесшумно действующая пишущая машинка американского происхождения, когда-то давно по случаю приобретенная Михаилом Афанасьевичем. Я приволок из Литфонда желтоватую бумагу в рулонах, мы нарезали ее по размеру книги, а не на обычные листы. Лена печатала целый день. Никто не торопил, но не терпелось скорее закончить. Перепечатывались все пьесы и романы, выуживались

из газет и профсоюзных журнальчиков двадцатых годов его старые фельетоны и рассказы...

В первом "собрании сочинений", создаваемом Леной, его фельетоны и очерки составили отдельный томик. Разумеется, мы нашли лишь небольшую, далеко не полную часть из того, что было напечатано в "Гудке", в "Накануне", во множестве других мелких изданий...

Тогда, естественно, мы с Леной были увлечены перепечаткой "Мастера и Маргариты", его окончательной редакцией, то есть с последними поправками уже слепого, умирающего автора. Лена волновалась, перепечатывая внесенные ее рукой под его диктовку изменения... И вот роман лежит стопкой аккуратных листков!...

Это один из самых главных томиков, а сколько всего получилось, не помню. Но каждый, как принято во всамделишных изданиях, был помечен: "Михаил Булгаков, т. 1, т. 2, т. 3" и т. д., и каждый переплетен в матерчатый переплет. Указан был год издания, не указана лишь цена, ибо, как вы понимаете, издание было поистине бесценно. Вот какое это было издание — единственное в своем роде! Бесшумный труд Лены был завершен.

С.А. Ермолинский
с.196-198 (25)

В писательской судьбе Булгакова вдруг круто все перевернулось. Внезапностью своей это напоминало чудо, но не было тут никакого волшебства: в жизни нашего общества произошли стремительные перемены...

Первым громко заговорил о нем с трибуны Второго съезда писателей Вениамин Александрович Каверин. Произошло это в декабре 1954 года, то есть через четырнадцать лет после смерти Булгакова. Романы его, как и все остальные сочинения, продолжали лежать в

машинописных копиях. Напечатанное в двадцатых годах забылось. Но Каверин, безусловно, знал — и, видимо, хорошо — его пьесы и то, что с ними происходило при жизни автора.

В конце своей речи, говоря о будущем нашей литературы, он сказал: "Я вижу нашу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит свое прошлое. Помнит, например, что сделал Юрий Тынянов для нашего исторического романа и что сделал Михаил Булгаков для нашей драматургии". Каверин не знал Елену Сергеевну, не знал и не видел Михаила Афанасьевича, но на следующий день получил от нее большую корзину цветов, а вместе с ней аккуратно перепечатанные машинописные томики прозы

С.А. Ермолинский
с.198-199 (25)

Его книги после 1926 года стали выходить лишь в 1955 году. Стало быть, через 30 лет...

Необходимо отметить, что в этой истории постепенного узнавания Елена Сергеевна сыграла незаменимую роль, умного, настоятельного, осторожного “толкача”, — в противном случае мы познакомились бы с творчеством Булгакова еще десятью годами позже. С уважением и восхищением я следил за ее неустанной деятельностью. Стоит прибавить к этому, что Елена Сергеевна была человеком необыкновенным. Она была очень хороша собой и обладала несомненным дипломатическим даром. Не буду перечислять других ее достоинств — это отняло бы слишком много места.

Дело в том, что отношение к Булгакову и его наследию менялось. Прежде чем окончательно установиться, оно претерпело ряд перемен. Сложная биография Булгакова как бы отбрасывала тень на все,

что он написал. И надо было осторожно, никого не обижая, отвести эту тень. Так и поступила Елена Сергеевна. Она действовала тонко, но настоятельно и изящно. Более того, она сумела привлечь в комиссию по литературному наследию Булгакова видных деятелей литературы и искусства.

В.А. Каверин
с.36-37 (27)

...Познакомившись с Еленой Сергеевной, Каверин сказал мне: "Боже мой, какая женщина! И как сохраняет она каждый листок, имеющий к нему отношение! Я увидел, что делается это такой трепетной рукой, что у меня сжалось сердце".

Он был прав. То, что составило архив Булгакова, ныне находящийся в рукописном отделе Ленинской библиотеки, прежде всего дело ее рук.

С.А. Ермолинский
с.199 (25)

Еще в середине 30-х годов Булгаков написал замечательную книгу — превосходную биографию Мольера для серии "Жизнь замечательных людей", основанной Горьким. С увлечением перечитав эту нимало не устаревшую книгу, я решил поступить просто: позвонить руководителю серии, деятельному и умному Ю.Н.Короткову — и спросить его, не хочет ли он провести вечер над чтением очень интересного маленького романа.

Он согласился и на следующий день отправил роман в производство. В том, что комиссия не стала бы возражать, я не сомневался.

В.А. Каверин
с.37 (27)

...Главное событие: “Театральная повесть” Булгакова — чудо. В 8-й книге “Нов. Мира”. Ослепительный талант. Есть гоголевские страницы... /Из дневника, 15 сентября 1965 г./

К.И. Чуковский
с.378 (70)

"Записки покойника" не были предназначены для публикации. Но обстановка второй половины пятидесятых — начала шестидесятых годов вынудила Елену Сергеевну хлопотать о напечатании именно "Театрального романа" — это было наиболее приемлемым началом. За ним последовало написанное ранее, а главное — многолетний труд "Мастер и Маргарита".

С.С. Пилявская
с.272 (54)

Вошедший представился. Это оказался в ту пору только что прогремевший своей первой повестью "Один день Ивана Денисовича" Солженицин. Не помню, как он представился, но и из слов, и из жестов вытекало, что он приехал бить мне морду. Для того, чтобы объяснить ситуацию, придется немножко вернуться назад.

В это время наши старшие курсы были достаточно сильными. Зара Григорьевна увлеченно пользовалась несколько расширившимися возможностями вносить в программу новации. Курс советской литературы быстро делался интересным. "Лауреатов" удалось потеснить и за их счет частично ввести эмигрантскую литературу и репрессированных писателей...

Так, на кафедре образовалась небольшая группа студентов, активно под руководством Зары Григорьевны изучавших Творчество Булгакова. Один из них, подававший большие надежды парень, из местных русских, очень способный молодой человек, но с детства алкоголик и клептоман (что нам было неизвестно), был участником этих занятий. С рекомендацией Зары Григорьевны и моей, он был гостеприимно принят Еленой Сергеевной Булгаковой и допущен к чтению по машинописной копии еще не опубликованного тогда романа "Мастер и Маргарита". Через некоторое время он стал появляться на кафедре с машинописью этого романа (это был не первый экземпляр, но с карандашной авторской правкой). Он заверил, что получил эту рукопись легальным путем от Елены Сергеевны.

Дальше разыгралась совершенно булгаковская история. Елена Сергеевна взволнованно сообщила нам, что экземпляр "Мастера и Маргариты" выкраден и что она крайне тревожится, поскольку ведет переговоры с Симоновым о публикации (переговоры довольно безнадежные и затянувшиеся, но не прекращавшиеся) и что если рукопись ускользнет за границу и там будет опубликована, то это навсегда (тогда казалось, что навсегда) закроет возможность издания ее в СССР.

Я поехал к упомянутому студенту домой... Первое, что мне бросилось в глаза — на полках большое количество пропавших у меня книг. Я повел себя несколько театрально, в духе маркиза Позы, о чем сейчас, может быть, стыдно сказать, но из песни слова не выкинешь. Я сделал театральный жест и произнес голосом шиллеровского героя: "Вам нужны эти книги? Я Вам их дарю!"... После этого я повернулся и опять-таки голосом маркиза Позы сказал, кажется, что-то в таком духе: что если в его душе есть остатки чести, он должен до вечера принести мне рукопись Булгакова, что шарить у него и делать обыск я не собираюсь. После этого я ушел.

Похититель, которого я ждал дома, не появлялся. Ночью (Зара Григорьевна и дети уже спали) я сидел у настольной лампы в темной комнате и ждал. Где-то около двух часов на лестнице раздались шаги. Через незапертую дверь просунулась рука и на стол в прихожей упало письмо...

Письмо было совершенно ужасное. Такое письмо могла бы написать смесь Свидригайлова с Мармеладовым. Оно было покаянное, с

отвратительными подробностями, с каким-то добавлением юродства, совершенно в духе Достоевского. Письмо сообщало, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне (деталь: бандероль он отправил незаказную, хотя тогда разница в стоимости исчислялась ничтожными копейками, зато незаказные часто терялись).

Эпизод этот закрыл его герою до этого бесспорно ему принадлежавшее место в аспирантуре. По распределению он ушел в пригородную школу недалеко от своего дома, а вскоре спился и умер. А, кстати, очень красивый был парень.

И вот эта история получила неожиданное продолжение. Я уже знал от Елены Сергеевны, что вопрос исчерпан (ее задело, что отправлено было простой почтой, а мне, как невольному соучастнику всей этой грязной истории, потом было тяжело с ней встречаться, хотя никаких упреков или обвинений с ее стороны я никогда не слышал). Но оказалось, что Елена Сергеевна некоторое время не знала, что рукопись отправлена к ней. И именно в это “некоторое время” я и услышал в воскресенье энергичный стук в нашу дверь. К счастью, в первых же словах я мог успокоить Солженицына известием, что рукопись уже отправлена...

Ю.М. Лотман
с.43-44 (38)

Что касается "Мастера и Маргариты"— книги, которая дважды была иллюстрирована до ее издания и с которой некоторые члены комиссии были знакомы, — она оставалась одним из немногих произведений Булгакова, о которых давно ходили слухи, отнюдь не побуждавшие кого-нибудь заговорить о ней первым. Наши заседания проходили, как маленькие банкеты, на которых приятно было бывать, — с вином, фруктами и прекрасно приготовленным ужином:

Елена Сергеевна не упустила и эту сторону дела. Вот на таком-то заседании-банкете я и заговорил о "Мастере и Маргарите". Заговорил неожиданно, без предварительной подготовки, ни о чем заранее не подумав и ни на что не рассчитывая. Но речь — довольно длинная — оказалась недурной. Я обрисовал смысл и значение этой книги и предсказал ее всемирный успех. Должно быть, я говорил убедительно, хотя и бессвязно, потому что Елена Сергеевна, прощаясь (мы были наедине в передней), обняла и поцеловала меня. Но, конечно, ничего еще не было решено. Вопрос был как бы поставлен. Но лиха беда начало. А вскоре редактор журнала "Москва" (Е.Поповкин — *сост.*), прочтя роман, напечатал его — с некоторыми купюрами...

В.А. Каверин
с.37-38 (27)

Нежданно-негаданно именно "Москва" заявила твердо, что будет печатать роман. Удар молнии! К ней (Е.С. Булгаковой — *сост.*) пришел представитель редакции с договором!

— Печатаем. Имеем основание думать, что это реально. Здесь указаны условия, 300 рублей за лист — наш обычный гонорар. Прошу подписать.

— "Обычный гонорар"? — высокомерно подняв голову, произнесла она. — Михаилу Афанасьевичу? За "Мастера и Маргариту"? — И вдруг — как в полубреду: — 400.

— К сожалению, я не уполномочен сказать, возможно ли это, — ответил представитель редакции. — Для этого понадобится особое разрешение.

Он ушел, и едва затворилась за ним дверь, как она метнулась за ним. Его уже не было. Он исчез. Господи, как же она так? Да ведь она даром,без всякого гонорара отдала бы этот роман, лишь

бы напечатали! В любом журнале! Хоть в "Пожарном вестнике". И она примчалась ко мне.

— Бей меня, — говорила она, швырнув сумку и даже не раздевшись. — Дура, дура! Что я наделала! Знаю только одно, что наплевать на самолюбие и бежать, звонить, умолять, завтра же, только бы не раздумали!..

Но звонить не пришлось — позвонили из редакции и сказали, что на ее условия согласны. Роман впервые (с некоторыми купюрами) был напечатан (в "Москве" в №11 за 1966 год и в №1 за 1967-й), и успех его был подобен взрыву.

С.А. Ермолинский
с.206 (25)

...Симонов рассказал, как он уговорил писателя-фронтовика Евгения Поповкина, редактора "Москвы", напечатать "Мастера": тебе, мол, только за это в будущем воздвигнут памятник. Поповкин доверился советскому классику, решил напечатать роман в двух разных номерах, первую часть в одиннадцатом номере за 1966 год, а вторую в первом номере следующего года. Может быть, он хотел повысить подписку на журнал. Задумав остаться в вечности, Поповкин совершил ошибку, дав цензуре опомниться... Цензоры стали сходить с ума, выламывать буквально десятки страниц из второй части романа. Перед Еленой Сергеевной стояла дилемма: согласиться на это уродство или запретить печатать роман. Она согласилась на уродство. Какая-то сила вела ее, она верно знала, что наступит день и "Мастер" будет издан полностью, до запятой. Она и тут угадала. При помощи все того же Симонова, который не меньше Поповкина думал о бессмертии, через несколько лет роман вышел в полном виде, что по условиям тогдашней литературной жизни было чудом.

А.М. Смелянский
с.40-41 (63)

Подошло время публикации романа "Мастер и Маргарита". Он вышел в журнале "Москва" с очень большими купюрами. Весь пропущенный текст Люся для друзей напечатала на машинке с точными указаниями страницы и даже строки. Есть такой экземпляр и у меня.

С.С. Пилявская
с.337 (54)

По завещанию Булгакова единственной его наследницей оставалась Елена Сергеевна. Я хорошо помню, как она сказала: "Мы все-таки добьемся, чтобы Михаил Афанасьевич был напечатан". И добилась...

Чудо, только чудо могло вырвать Мастера из тьмы. И оно свершилось. Ноябрьским вечером шестьдесят шестого года Елена Сергеевна показывала гостям только что вышедший номер "Москвы", в котором была напечатана первая часть романа, и, положив руки на сиреневую обложку, говорила: "Не верю, просто не верю — это такое счастье".

Ушел, вырвался из красной шифоньерки Мастер. Четверть века ждала она этого дня, но клятву свою сдержала...

...С тех пор Булгаков стал быстро проникать во многие журналы, и Елена Сергеевна торжествовала полную победу. Однако положение ее было странно. Как-то она сказала: "Я продаю рукописи Михаила Афанасьевича, как вещи..." И тут я узнал, что за годы борьбы вдова писателя утратила наследственные права на все его произведения, сроки истекли. "Симонов просил Косыгина продлить мои права, и тот продлил, но оказалось мало". Словом, пока Елена Сергеевна боролась, мерила коридоры, закон делал свое дело и, победив, она осталась ни при чем.

Но против закона есть всегда другой закон. Твардовский предложил купить рукопись "Театрального романа" и выплатил ей полный

гонорар, как если бы она имела право на наследство. Ни один бухгалтер, ни ревизор не смогли к нему придраться. И точно так же поступила редакция "Москвы", печатавшая годом позже "Мастера и Маргариту". Так вышли в свет все три булгаковских романа. И вместо авторского договора Елена Сергеевна всякий раз заключала с главредом "Купчую на продажу манускрипта".

А. Шварц
с.192-193 (72)

Вечером того же дня, когда Ф.Г. (Ф.Г.Раневская — *сост.*) говорила об историях в булгаковском духе, я по ее просьбе заехал к Елене Сергеевне — завез ей рецепт лекарства, которое можно достать только в Чехословакии (Е.С.Булгакова собиралась туда по приглашению чешских театральных работников). Она показала мне несколько новых книг мужа, изданных за границей, в том числе и "Мастера", появившегося в Италии спустя два месяца после публикации на русском языке,— надо же было суметь так быстро перевести и так великолепно издать его! Мы заговорили о премьере "Бега" у ермоловцев, вспомнили "Мольера" в "Ленинском комсомоле" и "Ивана Васильевича" в Студии киноактера.

— Булгаковский год! — сказал с улыбкой я.

— Да, да! — подхватила Елена Сергеевна. — И все это невероятно и абсолютно в духе его книг. Я представила сейчас, если бы я ему сказала в то время, когда ничего не издавалось, все лежало без движения и без надежды, когда его произведения упоминались только с определенными эпитетами, если бы я ему сказала: "Миша, успокойся, вот придет пятидесятый год советской власти и все будет издано: напечатаны "Белая гвардия", "Мастер" и "Записки покойника", пойдут пьесы — во всех театрах, по всей стране",— он, человек, обожавший невероятное, не поверил бы мне. Да и я не могла бы предположить такого. К 50-летию Октября МХАТ заново ставит "Дни Турбиных". На обвиненную когда-то в бог знает каких грехах пьесу — на "Бег" все билеты закупают участники сессии Верховного Совета. Представляете, какая это фантасмагория! Но это так! И ни одного критического слова в адрес его произведений. Мне иной раз самой не верится, что все это реальность, что все это на самом деле.

Г.А. Скороходов
с.89-90 (62)

Новый роскошный том с тремя романами Булгакова вышел уже после смерти Елены Сергеевны...

...Попечительно предусмотрено было, что большая часть 30-тысячного тиража будет продана за границей, как водка или меха, и книгу не поскупились одеть в соблазнительный, под свиную кожу, светло-кофейный и красновато мерцающий балакрон. В таком балакроне, выписанном по контракту откуда-то из Голландии, выходили до той поры по преимуществу труды лиц особо значительных, но за Булгакова кто-то тайно поворожил, и роскошный переплет разрешили. (В скобках замечу, что Ахматова издавалась следом и, как обычно, была неудачницей. Некто приметил и сигнализировал по инстанциям, что в балакрон одевают, как нарочно, былых литературных отщепенцев. "Раздеть Ахматову!" — выдохнул в припадке суеверного ужаса оробевший издательский директор.)

Но настоящие чудеса начались чуть позднее.

Приметили в какой-то день навещавшие издательство литературные граждане подозрительную возню возле киоска в вестибюле. Стучали молотком, навешивали новую дверь с аршинными петлями на книжный чулан, вдевали в ушки полупудовый

чугунный замок: по особому распоряжению готовились к приемке булгаковского тиража.

И не напрасно беспокоились. Уже шныряли по этажам уполномоченные профкома, тщательно выверяли списки сотрудников. Каждый редактор имел право приобрести за наличные один экземпляр: Булгакова выдавали как экспортную белорыбицу к празднику. Тоскуя, с искательными глазами ходили авторы, выспрашивая тщетно, не обломится ли им экземплярчик. “Этим вопросом занимается лично товарищ директор”, — объяснили им доверительно…

…А в обширной приемной перед директорским кабинетом тем временем что ни день роилась и густела толпа. Это были люди солидные, с новенькими папками и чемоданами “дипломат”. Они сидели по стенам в креслах в ожидании приема, терпеливо разглядывая портреты Горького и Сулеймана Стальского в большой мохнатой папахе. И лишь самые важные, подъезжая в казенных машинах, скользили мимо секретарши вне очереди за клеенчатую дверь.

В кармане у каждого лежала бумага — фирменный бланк с синим, черным или красным грифом наверху. Во всех бумагах было одно: ведомство, министерство, главк или комитет убедительно просили выделить им для неотложных производственных нужд… надцать экземпляров книги в балакроне. Несли и несли бумаги от треста Главрыба и журнала “Вопросы нумизматики”, Комитета по рационализации и управления Союзмехтехники — и каждая была подписана не меньше чем первым заместителем, а случалось и с а м и м.

Со лба директора не сходила испарина… Он встречал, жал руки, подписывал, выслушивал комплименты, благодарил и ждал на пороге следующего. Это был его звездный час. Но всякий раз что-то

вздрагивало и отрывалось у него внутри, когда он брал красный карандаш, долго вертел его в руках, вглядываясь в размашистую руководящую подпись, и там, где просили 7, соглашался на 3, там, где молили о 4, разрешал один…

Добром это кончиться не могло… Однажды к началу рабочего дня появились в издательстве двое аккуратных молодых людей в штатском, скромно представились, показав красные удостоверения, и приступили к тихим занятиям. Это грянул ОБХСС.

Инспектировали директорский книжный фонд, листали расписки рядовых сотрудников и важных получателей. Причина узналась позднее. На Кузнецком мосту и у памятника Первопечатнику, где гуляют, негромко переговариваясь, симпатичные граждане с огнем тайного вожделения в глазах и книгами, засунутыми за отворот пальто, случилась сенсация. Том Булгаова, шедший накануне за восемь червонцев, внезапно упал до 50 рэ. Встревожились книголюбы, и те, кто приглядывал за книголюбами, тоже обеспокоились. Кто-то наводнил рынок по меньшей мере тысячью новеньких экземпляров в балакроне. Чудилась крупненькая афера.

Сотрудники ходили потерянные, переговаривались вполголоса, жалели директора и в душе прощались с ним. К счастью, вскоре выяснилось, что издательство лихорадило напрасно: замок на киоске был надежен и криминальных упущений в распределении книг в балакроне не обнаружено.

Позднее следствию удалось установить, что сотни пачек книг таинственно исчезли из длинного, серебристого, наглухо запертого и опломбированного автофургона на перегоне из Ленинграда, где печатался тираж, в Москву. При этом, по слухам, не пострадали

транспортируемые тем же рейсом пособия для занимающихся в сети политпросвещения, логарифмические таблицы Брадиса, а также новенькие поэтические сборники “Дрозды” и “Майское утро”.

В.Я. Лакшин с.34-39. (35)

М.О.Чудакова рассказала мне (со слов Елены Сергеевны) трогательную историю, которая при всей ее простоте говорит о многом. Булгаков погребен на Новодевичьем кладбище, и Елена Сергеевна часто посещала могилу. Приехала она и вскоре после того, как был опубликован роман “Мастер и Маргарита”. Приехала, мысленно поздравила покойного мужа с долгожданным событием (которого он не дождался) и встретила неизвестного человека, который при ней положил на могилу цветы. Она подошла к нему, поблагодарила и записала фамилию и адрес. Через несколько дней скромный поклонник Михаила Афанасьевича получил по почте крупную сумму денег. От кого же? От Булгакова. Он не сомневался, что его лучшая книга будет опубликована. “И когда это произойдет, — сказал он Елене Сергеевне, — пошли часть гонорара тому, кто первый принесет цветы на мою могилу”.

В.А. Каверин с.40 (27)

Те, кто помнит время, когда наше общество вдруг узнало Булгакова — именно вдруг, внезапно прочитав впервые и пьесы и романы, — конечно, не забыли, как сознание огромного приобретения возникло рядом с почти личным ощущением глубокой потери. С некоторым смятением перечитывали мы в “Мастере и Маргарите” едкую фразу: “Что это у вас, чего не хватишься, ничего нет!” Мы все хватились автора — и хотели знать о нем как можно больше. А знали мало...

...Прежде биографии стала складываться легенда.

Ее творила главным образом Елена Сергеевна не только на глазах у тех, кто знал ее, но в каком-то смысле “на виду” и у тех, кто ее не знал и не видел, а только слышал об этой женщине. О ней самой тогда ходили рассказы, она быстро стала частью легенды о Булгакове. Да и как могло быть иначе, если стало известно, что это ей, ей в первую очередь, ее вере в гений своего мужа, ее страстному стремлению обнародовать несколько десятилетий остававшиеся в рукописях произведения обязаны мы были тем, что Булгаков вошел в нашу жизнь. Легенда упрочивалась обаянием ее личности, женственностью. Она берегла эту женственность долгие годы, не поддаваясь старости, будто твердо знала, что наступит момент, когда все самое выигрышное она должна будет предъявить — и от этого будет зависить успех ее жизненного дела. В 60-е годы все это потребовалось. Она безраздельно, и радостно и яростно, отдалась достижению цели — всеми путями. Эти пути были ей ясны. Она рассказывала нам о разговоре с родственницей, которая вызывалась помогать: “Я сказала ей:

— Сейчас главное — привить людям любовь к Булгакову — и усилить ее у тех, кто уже его любит. Можешь ты это делать?

Она ответила:

— Нет, этого я не умею.

— А ходить по редакциям, добиваться?

— Нет, этого я тоже не умею.

— Так как же ты мыслишь свою помощь мне?...”

Она не мыслила, что кто-либо может стать рядом с ней в ее действиях, неотрывных от сотворения легенды, — и была в этом права.

М.О. Чудакова
с.483-484 (15)

С особенным удовольствием повторяла она в те годы слова Булгакова: "О всех великих складывались легенды, но о каждом — своя, непохожая на другие"

Н.А.Булгакова-Земская (1893-1971) раньше других оценила талантливость брата. В ее воспоминаниях о брате, гимназисте старших классов, есть фраза: "В конце 1912 года он (Михаил) дал мне прочесть свои первые рассказы и тогда впервые сказал мне твердо: "Вот увидишь, я буду писателем"

Будучи филологом по образованию, Н.А.Земская, единственная из всех членов семьи, бережно хранила документы разного рода и пронесла их через годы революции, гражданской и Отечественной войн, время эвакуации. Собранный ею архив содержит письма отца и матери писателя, письма его самого, его сестер и братьев, дневниковые записи и тексты иного рода. Эти материалы охватывают временной период, начиная с конца XIX в. до 60-х гг. XX в.

Е.А. Земская
с.352 (49)

От того поколения Булгаковых, к которому принадлежал Михаил Афанасьевич, никого не осталось. Последней умерла старшая сестра Вера Афанасьевна (1892-1973). Следующее поколение малочисленно: всего пять человек. Из них сейчас живы четверо: четыре племянницы писателя (дочери Нади, Вари, Вани и Лели). Одна живет в Новосибирске, две в Москве, одна в Париже...

В душе всех Булгаковых жизнь на Андреевском спуске №13 запечатлелась навеки. Счастливые, радостные, полные смеха, шуток, музыки и пения детство и юность навсегда остались в душе писателя как источник воспоминаний и вместе с тем — душевных сил, как

идеал жизни, к которому он стремился. Не случайно героев романа "Белая гвардия" автор поселил в доме №13. Приверженность к числу 13 вообще характерна для Булгакова.

Е.А. Земская
с.247 (23)

Милый Сереженька!

Вас уже нет на свете, а я все время с Вами разговариваю... Да, Вы были правы, а я была дурой! Вы были правы, когда говорили, что Булгаков гений! И не оттого я убедилась в Вашей правоте, что все кругом кричат, что Булгаков гений, и пишут про него и вдруг все стали его друзьями. Нет, не от этого, просто я сама по себе, как в потемках, пробираюсь к Вашим словам и перечитываю "Мастера и Маргариту"...

Вы твердо говорили: Миша — гений. А я Вам: — Почему Вы так твердо это говорите? Вы же в ответ: — Когда Булгаков первый раз прочел кусок из "Мастера и Маргариты" (кажется, это было где-то около или на Собачьей площадке), и Миша неуверенно посмотрел на меня: — Ну как тебе? — Я твердо ответил ему: — Миша, по-моему, это гениально. И сейчас я говорю то же самое. И вы увидите, что через три дня, как только будет напечатан "Мастер", то же самое будет говорить весь мир... /Из ненаписанной книги о С.А.Ермолинском/

Т.А. Луговская
с.311 (39)

Дети тех, кто сжил со свету Михаила Булгакова, теперь ставят Булгакова, пишут о Булгакове, хвалят Булгакова, говорят "наш Булгаков!", "великий Булгаков" и т.д. Ставят Булгакова, причем ставят на свой лад, переделывая Булгакова, перелицовывая его, меняя смысл его книг на противоположный. Христос — у Булгакова — недосягаем в своем страдании и в своем величии. Между прочим,

Христос в книге — сириец. Родом из Сирии. Идиоты и сознательные антихристиане уродуют, корежат, извращают книгу Булгакова. Приспосабливают ее для проповеди своих идей, диаметрально противоположных идеям Булгакова.

Г.В. Свиридов
с.398-399 (60)

В середине 80-х я рецензировала — это была внутрииздательская, рабочая рецензия — рукопись сборника "Воспоминания о Михаиле Булгакове". Составленный за двадцать лет до того Еленой Сергеевной Булгаковой сборник к этому времени безнадежно устарел; я перетряхивала его, объясняла издателям, что именно устаревшее нужно выбросить и что новое, свежее необходимо ввести; показывала противоречия в мемуарах и подсказывала, как, не нарушая волю авторов-мемуаристов, уважительно и четко отметить в комментариях эти противоречия и ошибки... (Скажу сразу: это был напрасный труд; сборник делали холодные руки, и книга вышла плоской, даже какой-то недостоверной; а с противоречиями и ошибками поступили просто: сделали купюры и исправления.)

Л.М. Яновская
с.55 (78)

Настал 1965 год.

Стоит ли говорить о том счастье, которое пережили все мы, прочитав впервые появившиеся в печати “Театральный роман”, а год спустя “Мастера и Маргариту”. Через двадцать пять лет после смерти писателя мы познакомились с неведомыми нам до сих пор страницами булгаковской прозы. И были поражены. Обрадованы и поражены, о чем тут говорить. Но еще более обрадовала и поразила (меня во всяком случае) вторичная встреча с “Белой гвардией”. Ничто, оказывается, не померкло, ничто не устарело. Как будто и не

было этих сорока лет. Я с трудом заставлял себя отрываться от романа и делал это насильно, чтоб продлить удовольствие. На наших глазах произошло некое чудо, в литературе случающееся очень редко и далеко не со всеми, — произошло второе рождение.

В.П. Некрасов
с.59-60 (47)

Иногда мне кажется, что самым мощным союзником, принимавшим участие в восстановлении имени Булгакова, был сам Булгаков. О его прозе и драматургии долго не писали потому, что их долго не читали, а когда прочитали, поняли, что не только читать его, но и писать о нем — наслаждение.

Чудо его таланта жило рядом с нами. С его вторым рождением стало легче работать и жить, появилась необходимость оглянуться на собственную работу, сравнивая ее с тем, что было сделано им.

В.А. Каверин
с.125 (26)

Музей М.А.Булгакова

Для нас, киевлян, все это было особенно дорого. До Булгакова русская литература как-то обходила Киев — разве что Куприн, да и то очень уж довоенный. А тут все близко, рядом — знакомые улицы, перекрестки. Святой Владимир на Владимирской горке с сияющим, белым крестом в руках (увы, этого сияния я уже не помню), который был “виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводях и изгибах старика-реки, из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням”.

Не знаю, как для кого, но для меня очень важна всегда “география” самого произведения.

В.П. Некрасов
с.44 (47)

А Турбины? Где они жили? До этого года (точнее, до апреля этого года, когда я вторично через тридцать лет прочел “Белую гвар-

дию”), я помнил только, что жили они на Алексеевском спуске. В Киеве такой улицы нет, есть Андреевский спуск. По каким-то ведомым только одному Булгакову причинам он, автор, сохранив действительные названия всех киевских улиц (Крещатик, Владимирская, Царский сад, Владимирская горка), две из них, наиболее тесно “привязанных” к самим Турбиным, — переименовал. Андреевский спуск на Алексеевский, а Мало-Подвальную (там, где Юлия спасает раненого Алексея) на Мало-Провальную. Зачем это сделано — остается тайной, но так или иначе нетрудно было догадаться, что жили Турбины на Андреевском спуске. Помнил я и то, что жили они в двухэтажном доме под горой, на втором этаже, а на первом жил домовладелец Василиса. Вот и все, что я помнил.

В.П. Некрасов
с.48-51 (47)

Где же на этом самом Андреевском спуске жили Турбины? Не знаю точно почему, но я убедил себя, а потом стал убеждать и друзей, которых водил на ту самую горку, что жили они в маленьком домике, прилепившемся к Замку Ричарда. У него веранда, симпатичная калитка в глухом заборе; садик, перед входом один из этих кривулек-кленов. Ну, конечно же, они могли жить только тут. И жили: “Я вам это точно говорю...”

Но оказалось, что я жестоко ошибался.

В.П. Некрасов
с.56-59 (47)

Где же жили Турбины?

Оказывается, автор не делает из этого никакого секрета. Буквально на второй странице романа указан точный адрес: Алексеевский (читай Андреевский) спуск, №13...

...Итак, Андреевский спуск, №13...

Самое забавное — оказывается, у меня есть даже снимок этого дома, хотя, снимал его, я и понятия не имел о его значении и месте в русской литературе. Просто понравился этот уголок Киева (в свое время я увлекался фотографией, пейзажами Киева в частности), и точка, которую я нашел, взобравшись на одну из многочисленных киевских гор, была очень эффектна. Андреевская церковь, Замок Ричарда, горка, сады, вдали Днепр, а внизу — крутая излучина Андреевского спуска и прямо посередине под горкой дом Турбиных. Кстати, и с этой самой горки, вернее горы, той самой, о которой я уже говорил, дворик дома виден очень хорошо. Самый уютный и привлекательный, с голубятней, с верандочкой — я его сотни раз показывал друзьям, хвастаясь киевскими красотами.

Я, конечно, побывал в нем, в этом домике. Даже дважды. Первый раз мимолетом, несколько минут, в основном чтоб уточнить, действительно ли это он или нет, второй раз подольше.

В.П. Некрасов
с.62-66 (47)

Ничто с тех пор не изменилось. И дом, и дворик, и сарайчики, и веранда, и лестница под верандой, ведущая в квартиру Василисы (Вас. Лис.) — Василия Ивановича Лисовича — на улицу первый этаж, во двор — подвал. Вот только сад исчез — одни сарайчики...

...Войдя во двор, я робко позвонил в левую из двух ведущих на веранду дверей и у открывшей ее немолодой дамы-блондинки спросил, не жили ли здесь когда-нибудь люди по фамилии Турбины. Или Булгаковы.

Дама несколько удивленно посмотрела на меня и сказала, что да, жили, очень давно, вот именно здесь, а почему меня это интересует? Я сказал, что Булгаков — знаменитый русский писатель, и что все, связанное с ним...

На лице дамы выразилось еще большее изумление. — Как? Мишка Булгаков — знаменитый писатель? Этот бездарный венеролог — знаменитый русский писатель?

Тогда я обомлел, впоследствии же понял, что даму поразило не то, что бездарный венеролог стал писателем (это она знала), а то, что стал знаменитым...

...Бывшая столовая, судя по лепным тягам на потолке, была когда-то очень большой и, очевидно, уютной, сейчас же она превратилась в прихожую и одновременно кухню: справа у стенки красовалась газовая плита..

Обстановка в гостиной оказалась отнюдь не турбинской. И не булгаковской. На трех окнах, выходящих на улицу, на противоположную горку с начавшей уже зеленеть травой, — раздвижные в полокна занавесочки, на подоконнике цветы — лиловый сон в вазочках. Все остальное — как у всех теперь...

...Мы сели. Хозяйка полюбопытствовала, что нас интересует. Мы сказали, что все, касающееся жизни Михаила Афанасьевича Булгакова в той квартире.

В.П. Некрасов с.69-77 (47)

Вот в этой самой комнате, где мы сейчас сидим, с тремя окнами на улицу, с таким же точно видом на противоположную горку, которая с тех пор ничуть не изменилась (исчезли только акации, темнившие гостиную), в этой самой тогда гостиной жил себе и расхаживал быстрым шагом высокий голубоглазый человек, откидывавший назад волосы, ироничный и язвительный, уехавший потом в Москву и никогда больше сюда не возвращавшийся... В этой самой гостиной, тогда розоватой, с кремовыми занавесками, много-много лет назад в студеную декабрьскую ночь три офицера, один юнкер и нелепый, брошенный женой молодой человек из Житомира играли в винт, а в соседней комнате бредил тифозный, а внизу, на первом этаже, в это самое время петлюровцы чистили домовладельца, и потом он, бедняжка, прибежал сюда и упал в обморок, и его окатывали холодной водой...

В этой самой комнате, в этой квартире пахло когда-то на рождество хвоей, потрескивали парафиновые свечи, на белой крахмальной скатерти в вазе в виде колонны стояли гортензии и мрачные знойные розы, часы с бронзовыми пастушками каждые три часа играли гавот, и в столовой откликались им черные стенные, и на рояле лежали раскрытые ноты “Фауста”, и пили здесь вино и водку, и пели эпиталаму богу Гименею и кое-что другое, приводившее в ужас похожего на Тараса Бульбу домовладельца и его жену: “Что ж это такое? Три часа ночи! Я жаловаться наконец буду!”

И вот всего этого нету. Нет больше “книжной”, нет сокола на белой рукавице Алексея Михайловича, нет Людовика XIV в райских кущах на берегу шелкового озера, нет бронзовых ламп под зеленым абажуром, и холодные, старательно вымытые (начал еще Николка) саардамские изразцы тоскливо смотрят на голубые огоньки и кастрюли газовой плиты. И нижний этаж переселился в верхний, и Василиса, по-видимому, умер (мы почему-то, растерявшись, ничего о нем не спросили), а в угловой Николкиной комнате (двадцать шесть метров, как сообщила нам хозяйка) живет златокудрая Василисина внучка... А Николка?

В.П. Некрасов с.95-100 (47)

Моя тема — география. Я горжусь (и удивляюсь только, что до меня никто этого не сделал) своим открытием “дома Турбиных” и приглашаю всех, кто посетит Киев, спуститься вниз по крутому Андреевскому спуску до дома №13, заглянуть во дворик (слева, под верандой, прошу обратить внимание на лестницу, это именно там у бедного Василисы по животу прошел холодок при виде прекрасной молочницы Явдохи), а затем подняться назад, через “рыцарский” дворик Замка Ричарда Львиное Сердце пробраться на горку, усесться на краю ее обрыва, закурить, если куришь, и полюбоваться Городом, который так любил Булгаков, хотя никогда больше в него не возвращался.

В.П. Некрасов
с.127-128 (47)

В конце 60-х годов по “некрасовской” тропинке пришел к этому дому и я. Правда, как водилось в то время, парадная дверь с лестницей, ведущей на второй этаж, была заколочена. Но на стене дома слева от двери можно было разглядеть нацарапанную гвоздем по штукатурке надпись крупными буквами: “Дом Булгаковых”. На стене и на тротуаре — следы подтеков желтой краски — кто-то пытался замазать эти “выгравированные” слова. Однако краска не помогала и буквы просвечивали сквозь свежую желтизну. Надо заметить, что и после проведения реставрационных работ, хотя строители тщательно перекрасили фасад, даже сегодня проступают эти тринадцать знаков (если считать точку).

Много раз я заходил в небольшой зеленый двор, прежде чем решился постучать в заветную дверь, которая вела из “маленького, покатого, уютного дворика” в дом через деревянный мостик над “мрачным подземельем”.

А.П. Кончаковский
с.9 (56)

Оказалось, что известный киевский архитектор Н.Н.Горденин для жены купца 2-й гильдии В.А.Литошенко начал строить в 1888 году спроектированный им же двухэтажный каменный дом на неудобном месте, под горой, по Андреевскому спуску, 20 (по нумерации того времени). И в следующем году постройка была завершена. В.А.Литошенко заняла весь первый этаж, квартиру №1, а квартиру №2 — на втором этаже — сдавала.

После ряда перепродаж этот дом в 1909 году приобрел гражданский архитектор-инженер В.П.Листовничий. Он занял квартиру №1, не потревожив Булгаковых, занимавших квартиру №2, на втором этаже, уже в течение трех лет.

А.П. Кончаковский
с.16 (56)

В ходе реставрационных работ необходимо было полностью восстановить первоначальную планировку мемориальной квартиры второго этажа, сохранить стены всего здания. Непременным условием было сохранение главного уличного фасада, первоначальных щитовых паркетных полов, кафельных печей, дверей, ступеней парадной лестницы. Главное внимание, естественно, было уделено мемориальной квартире №2. Четыре комнаты ее с балконом над входной дверью с улицы выходили на Андреевский спуск.

Без особого труда удалось найти все двери по анфиладной линии, сохранить белые кафельные печные изразцы. Оказалось, что при постройке дома для печей был применен кафель фабрики М.Л.Гуревича из города Копыс и отмечен клеймами фабрики с обозначением “формат Берлин и “формат Рига”

При обмере здания обнаружилось, что угол стены, примыкающей к щели между 11 и 13 номерами домов и фасадом, состав-

ляет 72 градуса. Это как раз одна пятая часть окружности — угол пятиконечной "Марсовой звезды".

Исследуя маршруты передвижений по квартире героев романа "Белая гвардия", можно было получить точные координаты почти всех помещений в доме. В надежде найти следы "давно минувших дней", были тщательно обследованы каждый метр стены, каждый дверной и оконный проем.

И поиски увенчались успехом. Например, на "половине Тальбергов" на стене в правом углу примерно на уровне протянутой руки был обнаружен небольшой заштукатуренный крюк, на котором вполне могла быть укреплена икона. Как не вспомнить о том, что в романе "Белая гвардия" Елена стоит на коленях перед иконой Богоматери и молит ее о чуде!

А.П. Кончаковский с.16-17 (56)

Удивительным образом в гостиную возвратилось булгаковское трюмо. Оно было обнаружено на загородной даче. Когда-то хозяин его жил в доме №13 в коммунальной квартире и пользовался мебелью, оставленной прежними жильцами. Прекрасно сохранилось само зеркало, а вот дерево очень пострадало. В Музее истории Киева была проведена реставрация, позволившая вещи вернуться на место в гостиную.

А.П. Кончаковский с.19 (56)

Узнав о том, что в Киеве создается музей М.А.Булгакова, родные и близкие писателя решили передать для экспозиции и фондов семейные реликвии — все, что так или иначе было связано с именем Мастера. Они охотно поделились воспоминаниями о писателе и сохранившимися семейными преданиями. Мы искренне благодарны

племянницам писателя — Елене Андреевне Земской, его крестнице; Ирине Леонидовне Карум, гулявшей в 1923 году с дядей Мишей по Крещатику; Варваре Михайловне Светлаевой. А Ирина Александровна Гусева и Оксана Николаевна Жежель дороги нам не меньше, хотя они двоюродные племянницы.

Мы всегда будем помнить Т.Н.Кисельгоф, Л.Е.Белозерскую-Булгакову, Н.А.Ушакову, М.А.Чимишкян, Т.А.Луговскую, Е.П.Кудрявцеву, которые в разное время передали для музея хранившиеся у них реликвии, связанные с именем М.А.Булгакова.

Благодаря этим замечательным женщинам экспозиция включает подлинные вещи, книги, автографы, оригинальные фотографии писателя и его близких.

И вот 15 мая 1991 года, в день столетнего юбилея Михаила Афанасьевича Булгакова, Дом Турбиных распахнул двери для друзей и почитателей таланта великого писателя. Навсегда останется в памяти то особенное душевное волнение, охватившее всех, кто впервые вступил в дом сразу вслед за раскатами весеннего грома в ясном безоблачном небе.

Первые посетители увидели совершенно пустые комнаты — главный экспонат, №1 — "Дом Булгаковых-Турбиных". Ему было возвращено подлинное объемно-пространственное и планировочное решение. И каждому, кто поднимался на второй этаж, его собственное воображение рисовало обстановку и "узнаваемые" семь комнат, где развивались события романа "Белая гвардия" и пьесы "Дни Турбиных".

А.П.Кончаковский с.19-20 (56)

Музей Булгакова выстрадан киевлянами и поэтому ими заслужен. Но, как и у самого Булгакова, в его музее все начиналось "не так, как у других". Дело в том что, к моменту официального рождения

музея на правах отдела Музея истории Киева, передо мной — автором научно-художественной композиции — предстала жестокая, но ясная картина отсутствия коллекции, которая обычно дает право на создание, а затем и существование нового музея. Что делать в таком случае? Ответ прост: обратиться к самому Булгакову. "Чтобы знали", — завещал он Елене Сергеевне. Только ли ей, — подумали мы, — и только ли о "Мастере и Маргарите" он просил? Мы посмели предположить, что эти слова относятся ко всему Булгакову, чтобы знали всю правду о нем, т.е. чтобы знали истину. Истина же, по прямому слову Мастера, открылась автору "Черного снега" в романе, а затем и в пьесе о Киеве периода Гражданской войны, о Семье, о Доме, о Людях, коим не дозволено убивать, а дано любить...

...о Семье, о Доме, о Людях... Нет уже семьи и людей. Но дом есть! Стоит киевский долгожитель с 1888 г. Дом — это и есть то главное, в нашем бесколлекционном случае чуть ли не единственное, что нам нужно. Ибо, как опописанный роман и пьеса родились "из снов", так и наш музей родился из материи эфемерной, "соткавшись" из "жирного воздуха" любимого автором города и дыхания его "народонаселения".

К.Н. Питоева с.127-128 (8)

Началась работа. К этому времени была уже создана научная концепция экспозиции, а значит, мы знали:

— что в верхнем этаже одновременно будут жить две семьи (Булгаковы и Турбины), и что это "уплотнение" не потеснит многодетную булгаковскую семью, т.к. герои литературные будут являться только их создателю (и нам, конечно!);

— что те редкие булгаковские мемории, которыми музей тогда обладал, займут "свои" места в доме, а мир литературы, мир вымысла оденется белым, морозным флером сна, воспоминаний, ностальгии;

— что этот, пока еще огромный по размерам пласт будет лишь фоном, который подчеркнет, укрупнит, отстранит натуральный предмет;

— что использовать будем только булгаковские оригиналы (а не музейную типологию), отчего "диалог" с литературными (турбинскими) предметами станет особенно острым, театрально-игровым;

— что удачно найденная подсветка и подцветка создадут нужное настроение для погружения в воображение, затронет механизм памяти, собственных ассоциаций каждого;

Мы особенно остро чувствовали удивительную притягательность белого цвета, выстраивая главный фокус собирания коллекции именно на нем. Многое мы знали к этому времени. Но все (или почти все) эти знания были еще плоскостными. Пора было выходить в пространство. И мы с художником Альбертом Михайловичем Крыжопольским бродили по пустым комнатам, выверяя, соразмеряя, мысленно помещая уникальный предмет в единственно правильно найденное для него место в магическом пространстве жизненных и литературных комнат.

К.Н. Питоева с.128-129 (8)

Цвет, свет, запахи и звуки становятся действующими лицами экспозиции. Скрипят старинные половицы, полосы теплого света просвечиваются из дверей, играют пятнами блики огня из печи, капор "розовит" комнату Елены, в воздухе запах французских духов, шоколада, ладана, под лестницей — папирос.

Каждый год 22 декабря у темного лика домашней булгаковской иконы Казанской Божьей матери мы зажигаем лампаду, читается

“Молитва Елены” и “смуглая дева”, как и в романе, вслушивается в проникновенные слова. Тогда и нам кажется, что “темное лицо, врезанное в венец, явно оживало”. Этот день один из самых композиционно-важных в музейном цикле “47 дней с Турбиными”, ибо в романе в этот день свершилось главное христианское чудо — чудо воскресения. И уж коль удалось вернуть в музей “родную” икону (а у нас есть основания предполагать, что именно эта икона описана Булгаковым) — сам дом со внесением святыни стал чудотворным и “богоспасаемым”, как назвал его Мышлаевский.

Булгаковский миф о доме-спасителе, выделенный нами, акцентированный в общем булгаковском мифе, как и положено, живет во времени. Среди всех экспонатов, которые как магнитом притянуло в дом на оставленные для них места, и лампа, и скатерть с семейной монограммой, и ноты с автографами членов семьи и самого Михаила, и медицинский инструментарий, мебель, книги, автографы. Но именно икона олицетворяет и благославляет бессмертие вещей и их возврат в родное гнездо. Это становится некой символической акцией, несущей надежду. Вера, Надежда и Любовь — извечные символы этого дома...

К.Н. Питоева
с.131 (8)

Понимая по-своему булгаковскую театральность, мы создавали некий музейный спектакль, используя не принятые в музее приемы, пользуясь не только булгаковскими текстами, но и подтекстами его творчества, жизни и мифа.

Этот наш музейный текст включал, естественно, и своеобычный юмор Булгакова, и его мистику, “выросшую из быта”, и его тайну, загадочность, а с ними и притягательность его личности. Для этого

нужно было поселить в доме неконкретность, недосказанность, разряженность атмосферы, хотелось создать ощущение предрассветного сна, тумана, создать эффект ожидания: вот-вот всплывет со дна сказочный и мистический Китеж. Так бывает лишь в детстве, когда снег “крупный и ласковый”, когда сны сладостны и не хочется просыпаться. Только в таком состоянии можно надеяться, что “вся жизнь пройдет в белом цвете”...

К.Н. Питоева
с.132 (8)

Лицо музея — экспозиция. Те, кто ее создавал, те, кто выходят каждый день в ее пространство, должны быть на неё похожи, должны нести её людям как произведение искусства. Это нелегко: ведь у каждого свой Булгаков, свои пристрастия, вкусы, понятия. Для того, чтобы коллектив стал творческой единицей, есть, как мне кажется, один способ — стать семьей. Отсюда и концепция жизни музея, как дома, отсюда — МУЗЕЙДОМ. Все мы любим и знаем Булгакова, любим и служим его и нашему Дому. Он не выбирал нас. Это мы выбрали его, и каждый раз гадаем: нравится ли ему то, что мы делаем. Потомки Булгакова, его племянницы и их семьи, приняли нас. Они приезжают в Дом с детьми и внуками, с учениками, сослуживцами, друзьями. Мы любим всех наших гостей, мы рады общаться со всеми, хотя порой не хватает сил для другого, для научной работы, например. Но — так живет наша музейная семья. Это наши праздники-будни. Правильно ли это? Не знаю. Когда задумывался музей и все мы были еще чужие и такие разные, казалось, что это единственная возможная форма существования. Сейчас, когда материалы, сведения, люди потекли рекой, много и непредвиденных забот. Идет постоянная замена "турбинских" предметов на булгаков-

ские, мемориальные. Меняется равновесие, точка опоры, нарушается "диалог" предметов, а значит и сюжеты рассказов, их композиция, акцентировка. Это очень тонкая работа — выстроить в законченной экспозиции новые связи. Но этим достигается ее живость, "живучесть". Концепция экспозиции очень жесткая. Наш рассказ порой более подвижен, чем хотелось бы. Когда музей рождался, сверхзадачей был рассказ о человеческой норме, о семье, доме. Сейчас — иное. Наши гости, привыкшие следить в экспозиции за каждым новым предметом, все активнее желают, чтобы мы рассказали о "Мастере и Маргарите", например. Так на материале коллекции В.И. Экземплярского возникла выставка "Что есть истина?", к детскому Рождеству уже прибавилась Пасха для взрослых, и день рождения Булгакова, и день Михаила, и зимний цикл "47 дней с Турбиными"...

Теперь музей имеет не только Дом, но и коллекцию, отвоеванные у пространства выставочные залы, профессиональный коллектив единомышленников. А белое поле экспозиции продолжает притягивать предметы, идеи, людей, заставляя их не только мыслить, но и чувствовать, сопереживать. Каким станет музей в следующем десятилетии? Сама жизнь срежиссирует, а мы будем жить дальше. "Будем жить!?"

К.Н. Питоева
с.133-134 (8)

Краткая биографическая хроника жизни и творчества М.А.Булгакова

1891 г.

В ночь со 2 на 3 мая (15 мая по н. ст.) — в Киеве на ул.Воздвиженской, 28 (дом священника Матвея Бутовского) родился М.А Булгаков. **18 (30) мая —** крещен в Крестовоздвиженской церкви на Подоле священником Матвеем Бутовским. Крестными родителями были ординарный профессор КДА Николай Иванович Петров и бабушка Булгакова по отцовской линии Олимпиада Федоровна Булгакова.

1892 г.

17 (29) мая — переезд семьи на ул.Госпитальную, 4 (дом Попова). **Июнь-июль —** В.М.Булгакова с Михаилом едет к родителям в г.Карачев Орловской губернии.

1895 г.

20 августа — переезд в пер.Кудрявский, 9 (в дом В.Н.Петровой, дочери крестного отца Михаила). Здесь семья Булгаковых проживет восемь лет.

1898 г.

Октябрь — Михаилом написан первый рассказ "Похождения Светлана" (текст не сохранился).

1900 г.

Март — семья покупает участок земли в поселке Буча под Киевом и начинает строительство дачи. **18 августа —** Михаил зачислен в

приготовительный класс 2-ой киевской гимназии (Бибиковский бульвар, 18). Его дядя С.И.Булгаков — регент гимназии. Учебу в приготовительном классе окончил с наградой второй степени.

1901 г.

22 августа — зачислен в первый класс (второе отделение) Киевской 1-ой мужской (с 1911 г. — Александровской) гимназии. (Бибиковский бульвар, 14).

1902 г.

Февраль — в семье поселяется Ирина Лукинична Булгакова, акушерка, вдова С.И.Булгакова. **Август —** завершается строительство дачи в Буче: пятикомнатный одноэтажный, деревянный дом с двумя верандами.

1903 г.

Январь — благотворительный спектакль "Принцесса Горошина" (реж. В.М.Булгакова), поставлен на квартире друзей семьи Сынгаевских (Мало-Подвальная, 13) и в Лукьяновской богадельне. Михаил играет две роли: лешего и атамана разбойников. **Март —** семья переезжает на ул.Волшскую, 5 (дом КДА). **Лето —** Михаил успешно с наградой заканчивает второй класс гимназии.

1904 г.

Март — семья переезжает на ул.Прозоровскую, 10. **Лето —** Михаил заканчивает третий класс гимназии с наградой второй степени.

1906 г.

Март — семья переезжает в Дионисьевский переулок, 4. **Август —** семья перезжает на Андреевский спуск, 13, кв.2 (дом З.П.Мировича). Снимают второй этаж, семь комнат. **Лето —** Михаил переведен в шестой класс с наградой первой степени.

1907 г.

8 февраля — А.И.Булгаков удостоен звания ординарного профессора с присвоением этому званию содержания. **14 марта —** смерть Афанасия Ивановича Булгакова. **16 марта —** похороны А.И.Булгакова. **Лето —** Михаил переведен в седьмой класс в ведомости за 1906-1907 учебный год появилось "удовлетворительно" по физике.

1908 г.

Июнь — Михаил переведен в восьмой, выпускной класс гимназии. В ведомости за 1907-1908 учебный год — "удовлетворительно" за год по алгебре и тригонометрии. **Лето —** подрабатывает кондуктором на железной дороге (направление Буча), занимается репетиторством. Знакомство с Татьяной Лаппа.

1909 г.

8 июня — получает аттестат об окончании 1-ой Киевской гимназии. **Июнь-август —** участвует в любительских спектаклях в п.Буча: "По бабушкиному завещанию", "Спиритический сеанс", "Юбилей", "Предложение" А.Чехова (дача Попперов). **17 июля —** подает прошение ректору Киевского университета св.Владимира о зачислении его на медицинский факультет. **20 августа —** зачислен студентом на

медицинский факультет. **7 ноября —** дом № 13 на Андреевском спуске покупает Листовничий В.П.

1910 г.

Весна — успешно сдает экзамены за первый курс медицинского факультета. **Лето —** участвует в любительских спектаклях на даче Семенцовых, Попперов, в летнем театре п.Буча. Спектакли: "На рельсах", "Разлука та же наука", "Коломбина". Михаил выступает под псевдонимом — Агарин.

1911 г.

27 июля-14 сентября — приезд Татьяны Лаппа, окончившей гимназию в Саратове. **Осень —** повторно остается на втором курсе медицинского факультета. **25 декабря —** Михаил уезжает с Татьяной в Саратов.

1912 г.

15 января — возвращение Михаила из Саратова в Киев. **30 мая-20 августа —** Михаил в Саратове. По возвращению в Киев, Татьяна поступает на Высшие женские курсы. **10 сентября —** подает прошение ректору университета об оставлении его еще на один год на втором курсе (сверх положенного срока) по неуспешности из-за болезни. Получает свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (ратник ополчения II разряда). **28 декабря —** читает сестре Надежде свой рассказ "Огненный змей" (не сохранился). Надежда записывает в дневнике его слова: "Вот увидешь, я буду писателем".

1913 г.

24 марта — получает официальное разрешение от Министерства народного просвещения на повторное обучение на втором курсе. Успешно досдав в весеннюю сессию два экзамена (анатомию и гистологию), переведен на третий курс. **26 апреля —** венчание в церкви Николы Доброго, таинство венчания совершает о.Александр (А.А.Глаголев), поручители: Б.Богданов, П.Гдешинский, К.Булгаков, А.Гдешинский. **Май —** Михаил и Татьяна снимают квартиру на ул.Рейтарской, 25. **Лето —** Михаил и Татьяна живут на даче в Буче. **Сентябрь —** Михаил и Татьяна снимают квартиру в доме доктора И.П.Воскресенского (Андреевский спуск, 38). **Осень-зима —** в доме на Андреевском спуске 13 проходят молодежные журфиксы по нечетным субботам.

1914 г.

Июль — Михаил и Татьяна отдыхают в Саратове, на даче под городом в имении "Родничок", которое на лето снимала семья Лаппа. август — Михаил служит в госпитале при Казенной палате в Саратове. **Конец августа —** возвращаются в Киев, Михаил продолжает учебу на четвертом курсе медицинского факультета, Татьяна поступает на службу в госпиталь. **Декабрь —** Михаил, как старшекурсник, дежурит в лазарете Красного Креста г.Киева.

1915 г.

Март-апрель — призывная кампания в университете. Булгаков добровольцем изъявляет желание идти на службу в Морское ведомство в качестве военврача. После семестровых экзаменов на четвертом

курсе получает звание зауряд-врача II разряда. **Май —** признан "негодным к несению военной походной службы. **18 мая —** получает удостоверение в том, что он студент пятого курса. Служит в одном из лазаретов Красного Креста. **Лето —** Булгаковы всей семьей на даче в Буче. **22 декабря —** заканчивает последний семестр медицинского факультета.

1916 г.

3 января — получает выпускное свидетельство за весь курс медицинского факультета и звание зауряд-врача 1-го разряда. **10 февраля-31 марта —** успешно сдает выпускные экзамены на медицинском факультете, удостаивается степени "лекаря с отличием". **Апрель —** получает назначение в Каменец-Подольский госпиталь Красного Кре-ста (Юго-Западный фронт). **Июнь-сентябрь —** служит в госпитале в Черновицах, где становится хирургом. **16 июля —** зачисляется в резерв Московского окружного военно-санитарного управления как ратник ополчения 2-го разряда. **20-22 сентября —** в Москве получает новое назначение в Смоленскую губернию (в Никольскую земскую больницу Сычевского уезда). **27 сентября —** прибывает к месту службы в с.Никольское.

1917 г.

14 февраля-17 марта — поездка с женой в отпуск через Москву. Из Киева едут в Саратов, где и находятся до конца отпуска. **7 марта —** вместо временного свидетельства получает диплом, датированный 31.X.1916 г. **20 сентября —** переводят в Вяземскую больницу, где заведует венерическим и инфекционным

отделением. **Декабрь —** едет в Москву хлопотать о демобилизации, получает отказ.

1918 г.

19 февраля (н. ст.) — получает освобождение от воинской службы по болезни. **22 февраля —** уезжает из Вязьмы через Москву в Киев. **1 марта —** приезжает в Киев, поселяется с женой на Андреевском спуске, 13. **Апрель —** открывает частную практику, как врач-венеролог на Андреевском спуске 13. **Лето —** семья Булгаковых на даче в Буче, Михаил и Татьяна в Киеве. **Конец лета-осень —** работает над медицинскими рассказами (будущие "Записки юного врача") и читает их домашним. **Зима** - сожжена дача Булгаковых в Буче.

1919 г.

В ночь со 2 на 3 февраля — мобилизован петлюровцами. Побег. **июль-август —** в связи с объявленной большевиками мобилизацией врачей скрывается в лесах под Киевом. **12 сентября —** мобилизован белыми и направлен военным врачом во Владикавказ. **Октябрь-ноябрь —** находится в г.Грозном. **13 ноября —** первая известная публикация в газете "Грозный", эссе "Грядущие перспективы" .

1920 г.

28 февраля — начало работы в газете "Кавказ". **Апрель —** работает в литературной секции подотдела искусств, которым заведует Ю.Слезкин. **Конец мая —** назначен заведующим театральной секцией подотдела искусств. **3 июня —** на сцене Владикавказского театра премьера пьесы М.Булгакова "Самооборона". **21 октября —**

премьера пьесы "Братья Турбины" в Первом Советском театре Владикавказа. **25 ноября —** уволен из подотдела искусств с формулировкой: "чуждый элемент". **Декабрь —** написана пьеса "Глиняные женихи" ("Вероломный папаша").

1921 г.

Январь — отправляет в Москву на конкурс пьесу "Парижские коммунары". **Февраль —** пишет пьесу "Сыновья муллы". **Начало марта —** премьера "Парижских коммунаров" в Первом Советском театре Владикавказа. **17-26 сентября —** приезд в Киев. **27 сентября —** приезжает в Москву. Работает секретарем литературного отдела Наркомпроса (ЛИТО). **Октябрь —** Булгаковы поселяются на Большой Садовая 10, кв. 50. **Декабрь —** поступает заведующим хроникой в еженедельную газету "Торгово-промышленный вестник".

1922 г.

середина января — закрытие "Торгово-промышленного вестника", М.Булгаков остается без работы. **1 февраля —** в Киеве от сыпного тифа умерла мать, В.М.Булгакова. Похоронена на Байковом кладбище. **Март —** принят на работу в газету "Рабочий", где с марта по сентябрь опубликовал 29 репортажей и статей под различными псевдонимами (М.Б., Булл., М.Булл., Михаил Булл, и др.). **Начало апреля —** Булгаков поступает обработчиком писем в газету "Гудок **12 апреля —** публикация первого репортажа в "Гудке" "У курян", подписанного М. Б. Всего за 1922-1926 гг. в "Гудке" было напечатано более 120 булгаковских репортажей, очерков и фельетонов. **Май —** начало сотрудничества с московской редакцией берлинской газеты "Накануне". В начале мая Булгаков упоминается среди предполагаемых авторов "Накануне". **18 июня —** первая публикация: в "Литературном приложении" №18 газеты "Накануне" опубликованы "Записки на манжетах", часть первая.

1923 г.

Январь — в журнале "Россия", № 5 опубликованы "Записки на манжетах", часть вторая (полностью при жизни опубликованы не были). **20 апреля —** становится членом Всероссийского Союза писателей (в этот день ему выдан членский билет). **21 апреля —** командирован в Киев газетой "Накануне". Пробыл там до 10 мая. **6 июля —** публикация очерка "Киев-город" в "Накануне". **Середина октября —** знакомство с главой издательства и альманаха "Недра" Н. С. Ангарским. Передает в "Недра" повесть "Дьяволиада".

1924 г.

Начало января — участвует в вечере, устроенном издателями "Накануне" в Бюро обслуживания иностранцев (Бюробин). На вечере знакомится с недавно вернувшейся из-за границы Любовью Евгеньевной Белозерской, будущей женой. **25 февраля —** первая публикация повести "Дьяволиада", альманах "Недра" №4. **Апрель —** развод с Татьяной Николаевной Булгаковой (Лаппа). **20 апреля —** публикация фельетона "Багровый остров" в газете "Накануне" ("Литературная неделя").. **Август —** переезд Булгакова и Т. Н. Лаппа из кв. 50 в кв. 34 дома 10 по Большой Садовой. **Осень —** начало совместной жизни с Л. Е. Белозерской. **Ноябрь —** перезд с Л.Е.Белозерской в Обухов переулок, 9, кв.4.

1925 г.

Февраль — первая публикация повести "Роковые яйца", альманах "Недра №6 ". Публикация первой части романа "Белая гвардия", журнал "Россия" №4. **Апрель —** публикация второй части романа "Белая гвардия", журнал "Россия" №5 (третья часть при жизни не вышла) **3 апреля —** Булгаков принимает предложение режиссера Б.И.Вершилова написать инсценировку романа "Белая гвардия" для МХАТа. **30 апреля —** регистрация брака с Л. Е. Белозерской. **12 июня - 7 июля —** Булгаков с женой отдыхают в Коктебеле по приглашению М.Волошина. **Июль —** в издательстве "Недра" выпущен сборник "Дьяволиада" ("Дьяволиада", "Роковые яйца", "Дом Эльпитрабкоммуна 13", "Китайская история", "Похождения Чичикова"). **Начало сентября —** читает пьесу "Белая гвардия" труппе МХАТа в присутствии К.С.Станиславского. **Ноябрь - декабрь —** работает над пьесами "Белая гвардия" и "Зойкина квартира".

1926 г.

Январь - февраль — участвует в репетициях "Белой гвардии" во МХАТе. **26 апреля —** выходит в свет второе издание сборника "Дьяволиада". **7 мая —** обыск в комнате Булгакова в Обуховом переулке, произведенный сотрудни-ками ОГПУ. Изъяты машинописные экземпляры повести "Собачье сердце" и рукопись булгаковского дневника. **Конец июня - начало июля —** переезд на новую квартиру по адресу: Малый Левшин-ский переулок, 4, кв.1. **24 августа —** принятие нового названия пьесы — "Дни Турбиных" ("Белая гвардия"). **5 октября —** премьера пьесы "Дни Турбиных" во МХАТе. **22 октября —** премьера "Зойкиной квартиры" в Театре русской драмы

в Киеве. **28 октября —** премьера "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова. **Декабрь —** издан сборник рассказов "Трактат о жилище", издательство "Земля и Фабрика".

1927 г.

7 февраля — выступает на диспуте ""Дни Турбиных" и "Любовь Яровая"" в Театре им. В. Э. Мейерхольда. **Апрель —** начата работа над пьесой "Бег". **Май - июль —** отдыхает с Л.Е.Белозерской в Судаке на даче композитора А.А. Спендиарова. **Конец августа —** переезжает с женой на новую квартиру по адресу: ул.Большая Пироговская, 35-а, кв.6 в трехкомнатную квартиру. **17 сентября —** известие о снятии с репертуара МХАТа "Дней Турбиных". **20 октября —** возобновление постановки "Дней Турбиных" во МХАТе. **4 декабря —** премьера пьесы "Дни Турбиных" в "Русском театре в Париже". **Декабрь —** в Париже в издательстве "Concorde", по соглашению с Булгаковым, выходит первый том романа "Белая гвардия", второй том вышел в 1929 г. под названием "Дни Турбиных" (на русском языке).

1928 г.

2 января — чтение в МХАТе пьесы "Бег". **15 января —** премьера пьесы "Зойкина квартира" в "Новом русском театре" (г.Париж) **Середина февраля —** подает заявление в административный отдел Моссовета заявление о двухмесячной поездке за границу для устройства своих издательских и постановочных дел. **8 марта —** Административный отдел Моссовета отказывает Булгакову в выезде за границу. **21 апреля - середина мая —** поездка с женой на Кавказ.

Посещение Тифлиса, Батума, Зеленого Мыса, Владикавказа, Гудермеса. **24 октября —** запрещение Главреперткомом пьесы "Бег". Постановка при жизни М.А.Булгакова не была осуществлена. **Октябрь —** начало работы над первой редакцией "Мастера и Маргариты" ("Копыто инженера"). **20 октября —** премьера пьесы "Дни Турбиных" в Бреслау Объединенным Театром. **11 декабря —** премьера "Багрового острова" в Камерном театре.

1929 г.

28 февраля — Булгаков знакомится с Еленой Сергеевной Шиловской, будущей третьей женой. **6 марта —** публикация решения Главреперткома о снятии с репертуара всех пьес Булгакова. **Начало июля —** Булгаков пишет письма И.В.Сталину, М.И.Калинину, начальнику Главискусства А.И.Свидерскому, А.М.Горькому с просьбой разрешить выезд из СССР. **2 октября —** подает заявление о выходе из Всероссийского Союза писателей. **Октябрь —** Булгаков начинает работу над пьесой о Мольере ("Кабала святош").

1930 г.

11 февраля — завершена работа над пьесой о Мольере "Кабала святош" (второе название — "Мольер"). **Февраль —** начинает работу над романом "Театр" ("Театральный роман"). **18 марта —** Главрепертком запрещает постановку "Кабалы святош". Булгаков сжигает черновики комедии "Блаженство", "романа о дьяволе" ("Копыто инженера") и начало романа "Театр". **28 марта —** пишет письмо Правительству СССР. **17 апреля —** принимает участие в похоронах Владимира Владимировича Маяковского. **18 апреля —** телефонный звонок И.В.Сталина на квартиру Булгакова (ул. Б.Пироговская, 35-а). **10 мая —** зачислен в МХАТ на должность ассистента-режиссера. **17 мая —** начало работы над инсценировкой романа Гоголя "Мертвые души" для МХАТа. **14 июля - 3 августа —** поездка Булгакова с ТРАМом (Театр рабочей молодежи) в Крым, в Мисхор.

1931 г.

Январь — работает над романом "Мастер и Маргарита". **25 февраля —** разрыв отношений с Е.С.Шиловской по требованию ее мужа — Е.А.Шиловского. **15 марта —** увольняется из ТРАМа по собственному желанию. **30 мая —** пишет письмо И.В.Сталину с просьбой о заграничном отпуске. Письмо осталось без ответа. **3 октября —** разрешение Главреперткомом пьесы "Кабала святош". **15 октября —** заключение договора с МХАТом на постановку "Кабалы святош".

1932 г.

15 января — принято решение возобновить постановку "Дней Турбиных" во МХАТе. **18 февраля —** состоялся первый спектакль возобновленных "Дней Турбиных". **25 февраля —** завершил работу над инсценировкой "Войны и мира" (постановка не была осуществлена). **31 марта —** начало репетиций "Кабалы святош" в Художественном театре. **11 июля —** заключает договор с издательским объединением "Жургаз" на создание биографии драматурга Жана Батиста Мольера для серии "Жизнь замечательных людей". **Июль - август —** возобновление отношений с Е.С.Шиловской. **3 октября —**

развод с Л.Е.Белозерской. **4 октября —** регистрация брака с Е.С.Шиловской. **Конец октября —** переезд Е.С.Булгаковой с младшим сыном Сергеем в квартиру Булгакова на Большой Пироговской улице. **28 ноября —** премьера пьесы "Мертвые души" во МХАТе.

1933 г.

28 февраля — премьера пьесы "Комедианты господина Мольера" в театре русской драмы в Риге. **5 марта —** завершен роман "Жизнь господина де Мольера". При жизни не издан. **Апрель-май —** пьеса "Дни Турбиных" идут в Париже, Берлине, Праге, Варшаве, Китае, США. **Лето - осень —** продолжение работы над романом "Мастер и Маргарита". **1 сентября —** Е.С.Булгакова начинает вести дневник. **20 ноября —** в МХАТе начало репетиций "Пиквинского клуба". Булгаков занят как ассистент режиссера, репетирует роль судьи.

1934 г.

Январь — заключен договор на издание "Белой гвардии" на английском языке. **18 февраля —** переезд в трехкомнатную квартиру в кооперативном писательском доме по адресу: Нащокинский переулок (позднее — улица Дмитрия Фурманова), 3, кв. 44. **28 апреля —** чтение пьесы "Блаженство" в театре Сатиры. Постановка не была осуществлена. **29 мая —** подает заявление о приеме в Союз советских писателей. **4 июня —** принят в Союз советских писателей. **13 июня — 16 июля —** поездка в Ленинград с МХАТом на гастроли. **20 июня —** 500-й спектакль "Дней Турбиных" во МХАТе. **12 августа —** Булгаков завершает и сдает на кинофабрику киносценарий "Мертвые души". **16 августа —** Булгаков заключает договор с киевской киностудией "Украинфильм" о создании киносценария "Ревизор" по Гоголю. Не состоялся. **17-23 августа —** поездка с Еленой Сергеевной в Киев. **Конец октября —** завершение первого полного варианта романа "Мастер и Маргарита" из 37 глав. **30 октября —** Булгаков начинает новую тетрадь рукописных дополнений к "Мастеру и Маргарите". **1 декабря —** премьера спектакля "Пиквикский клуб" в Художественном театре. Булгаков играет роль Судьи. **17 декабря —** заключение договора с Театром им. Евг. Вахтангова на пьесу о Пушкине. **27 декабря —** радиопремьера мхатовского спектакля "Пиквикский клуб" с участием М.Булгакова.

1935 г.

27 марта — завершает черновую редакцию пьесы "Александр Пушкин" ("Последние дни"). **23 апреля —** с Еленой Сергеевной присутствуют на балу в американском посольстве. **2 и 18 июня —** читает пьесу "Александр Пушкин" вахтанговцам. **15 июня —** подает заявление в Иностранный отдел Мособлисполкома о заграничной поездке вместе с женой. **Середина июля —** в заграничной поездке Булгаковым отказано. **10 сентября —** завершает работу над пьесой "Александр Пушкин". **30 сентября —** завершает работу над пьесой "Иван Васильевич". **10 декабря —** заключает договор на перевод пьесы Мольера "Скупой" с издательством "Academia".

1936 г.

16 января - завершает перевод пьесы Мольера "Скупой". **16 февраля -** премьера пьесы "Кабала святош" в МХАТе под названием "Мольер". **4 марта —** снятие "Мольера" с репертуара. **5 марта —**

принимает участие в конкурсе на создание учебника по истории СССР. Работа не закончена. **13 мая —** генеральная репетиция "Ивана Васильевича" в Театре сатиры, пьеса запрещена к постановке. **31 мая - 12 июня —** поездка с Еленой Сергеевной в Киев на гастроли МХАТа. **17 июня —** подписывает договор с Большим театром на либретто оперы "Минин и Пожарский". **27 июля - 1 сентября —** поездка с Еленой Сергеевной на Кавказ. **15 сентября —** подает заявление об уходе из МХАТа. **1 октября —** зачислен в Большой театр либреттистом-консультантом. **Ноябрь —** работает над "Театральным романом" ("Записки покойника").

1937 г.

9 февраля — премьера "Зойкиной квартиры" в Париже. **18 марта —** завершает либретто оперы "Черное море". Постановка не состоялась. **Конец июня —** начало работы над либретто оперы "Петр Великий" композитора Б.В. Асафьева. **15 июля - 14 августа —** с женой отдыхают на даче актера МХАТа В. А. Степуна под Житомиром в Богунье. На обратном пути неделю прожили в Киеве. **13 сентября —** завершает либретто "Петр Великий". Постановка не состоялась. **3 декабря —** заключает договор с театром им. Евг.Вахтангова на инсценировку "Дон Кихота". При жизни постановка не состоялась.

1938 г.

23 мая — завершена последняя рукописная редакция "Мастера и Маргариты". **26 мая - 24 июня —** перепечатка рукописи "Мастера и Маргариты" Ольгой Сергеевной Бокшанской. **25 июня - 22 июля —** уезжает к семье в г. Лебедянь. **9 сентября —** визит к Булгакову зав-

лита МХАТа П.А.Маркова и сотрудника литературной части МХАТа В.Я.Виленкина с предложением писать пьесу о Сталине для Художественного театра. **5 ноября —** разрешение Реперткома на постановку "Дон Кихота". Постановка не состоялась. **Ноябрь —** пьеса "Дни Турбиных" идут в Лондоне под названием "Белогвардейцы".

1939 г.

Январь — работает над пьесой о Сталине, получившей название "Батум". **26 марта —** завершена работа над либретто "Рашель". Постановка не состоялась. **26 апреля - 14 мая —** читает полный текст "Мастера и Маргариты" своим друзьям. **15 июня —** заключает договор с МХАТом на пьесу "Батум". **24 июля —** завершает работу над "Батумом" и отдает текст в Художественный театр. **26 июля —** разрешение Реперткома на постановку пьесы о Пушкине "Последние дни". **27 июля —** чтение пьесы "Батум" во МХАТе. **14 - 15 августа —** отъезд постановочной бригады МХАТа в Грузию для работы над пьесой "Батум". Возвращение Булгаковых в Москву после телеграммы, отменяющей поездку. Постановка пьесы "Батум" не была осуществлена при жизни М.А.Булгакова. **10 сентября —** уезжает с женой в Ленинград. **11 сентября —** резкое ухудшение зрения. **15 сентября —** возвращение в Москву. Консилиум врачей подтверждает поставленный в Ленинграде диагноз: гипертонический нефросклероз. **4 октября —** начата правка последней редакции "Мастера и Маргариты". **10 октября —** составляет доверенность жене на ведение всех дел и завещание. **19 ноября - 17 декабря —** находится на лечении в подмосковном санатории Барвиха. **Декабрь —** последняя прижизненная публикация: перевод пьесы Ж.-Б.Мольера

"Скупой" (Мольер Ж.-Б., собрание сочинений т.3, М.,Л.: Academia).

1940 г.

22 января — подписывает договор с МХАТом на постановку пьесы "Последние дни". При жизни постановка не состоялась. **Январь —** продолжение правки романа "Мастер и Маргарита" **13 февраля —** последний раз диктует поправки к тексту "Мастера и Маргариты". **10 марта —** в 16 часов 39 минут Михаил Афанасьевич Булгаков умер. **11 марта —** гражданская панихида в здании Союза Советских писателей. **12 марта —** кремация, урна с прахом захоронена на Новодевичьем кладбище.

Коротко об авторах воспоминаний

Анциферов Н.П. (1889-1958), историк, культуролог. Закончил Первую Киевскую гимназию.

Ардов В.Е. (1900-1976), писатель.

Белозерская Л.Е. (1895-1987), вторая жена М.А.Булгакова, автор воспоминаний “У чужого порога” и “О, мед воспоминаний”.

Белозерский И.В. (1915-1997), кадровый военный, племянник Л.Е.Белозерской.

Богдашевский Д.И. (1861-1933), ректор Киевской Духовной Академии, коллега А.И.Булгакова.

Бокшанская О.С. (1891-1948), секретарь дирекции МХАТ и личный секретарь Вл.И.Немировича-Данченко, в МХАТе работала с 1919 г. до конца жизни, сестра Е.С.Булгаковой.

Букреев Е.Б. (1890-?), врач,

Булгакова В.М. (1869-1922), мать М.А.Булгакова.

Булгакова-Земская Н.А. (1893-1971), сестра М.А.Булгакова, филолог.

Булгакова Е.С. (1893-1970), третья жена, вдова М.А.Булгакова.

Василенко С.Н. (1872-1956), композитор, народный артист РСФСР, профессор Московской консерватории.

Виленкин В.Я. (1911-1997), театровед, с 1933 г. — секретарь, затем — зам. заведующего литературной частью МХАТа.

Глаголев А.А. (1872-1937), профессор-геброист, последний ректор КДА, настоятель церкви Николы Доброго, друг семьи Булгаковых.

Гладыревский Н.Л. (1896-1973), врач, друг юности М.А.Булгакова.

Гдешинский А.П. (1893-1951), музыкант, преподаватель музыкальной школы им. Н.Лысенко, друг юности М.А.Булгакова.

Громова Н.А., современный литератор, автор книги "Все в чужое глядят окно", где впервые опубликована переписка Е.С.Булгаковой с В.А.Луговским.

Зайцев П.Н. (1889-1970), писатель, секретарь редакции издательства и альманаха "Недра".

Земская Е.А., доктор филологических наук, профессор, племянница М.А.Булгакова.

Ермолинский С.А. (1900-1994), русский советский писатель, сценарист, драматург. Близкий друг М.А.и Е.С. Булгаковых, автор воспоминаний "Михаил Булгаков. Из записок разных лет".

Каверин В.А. (1902-1989), русский советский писатель.

Калужский Е.В. (1896-1966), артист и режиссер в труппе МХАТ с 1916 по 1952 г., муж О.С.Бокшанской.

Карум Л.С. (1888-1968), муж Варвары Булгаковой.

Карум И.Л., врач, дочь В.А.Булгаковой, племянница М.А.Булгакова.

Катаев В.П. (1897-1986), русский советский писатель, автор воспоминаний "Алмазный мой венец".

Кисельгоф Т.Н. (1892-1980), первая жена М.А.Булгакова.

Конский Г.Г. (1911-1972), артист, режиссер, педагог, в труппе МХАТ с 1930 до конца жизни.

Кончаковская И.В. (1902-1985), дочь хозяев дома №13 по Андреевскому спуску.

Кончаковский А.П., директор Литературно-мемориального музея М.А.Булгакова в Киеве.

Лакшин В.Я. (1933-1993), доктор филологических наук, литератор, критик, был в дружеских отношениях с Е.С.Булгаковой.

Лёвшин В.А. (1904-1984), математик и писатель, был соседом М.Бул-

гакова по квартире (Москва, ул.Большая-Садовая, 10).

Ленч Л.С. (1905-1991), писатель

Лотман Ю.М. (1922-1993), литературовед, культуролог, профессор Тартуского университета.

Луговская Т.А. (1909-1994), художница, писательница, сестра поэта В.А.Луговского, вторая жена С.А.Ермолинского.

Лямин Н.Н. (1892-1941), филолог, специалист по романским литературам, в 20-е г.г. работал в ГАХНе, близкий друг М.А.Булгакова, муж Н.А.Ушаковой.

Марков П.А. (1897-1980), театровед, режиссер, педагог, с 1925 по 1949 г. — заведующий литературной частью МХАТ.

Миндлин Э.Л. (1900-1981), журналист, писатель, автор книги воспоминаний “Необыкновенные собеседники”.

Некрасов В.П. (1911-1987), русский советский писатель, автор очерка “Дом Турбиных” (1967 г.), в котором первым расшифровал топоним адреса жилища героев романа М.А.Булгакова “Белая гвардия”.

Овчинников И.С. (1890-1977), педагог и журналист, работал в газете "Гудок" со дня ее основания и был одним из тех, кто ведомственную газету сделал популярным и читаемым изданием. В середине двад-

цатых годов он заведовал знаменитой "Четвертой полосой", к работе над которой привлек В. Катаева, И.Ильфа, Е.Петрова, Ю.Олешу, М.Булгакова.

Паустовский К.Г. (1892-1968), русский советский писатель, земляк М.А.Булгакова в одно время с ним учился в Киевской Первой гимназии.

Пилявская С.С. (1911-2000), актриса МХАТ, народная артистка СССР, профессор, близкая подруга Е.С.Булгаковой.

Питоева К.Н., театровед, музеевед, зав. сектором научно-исследовательской работы Киевского литературно-мемориального музея М.А.Булгакова, автор концепции этого музея.

Пономаренко А.Е., (?-?) одна из медсестёр-сиделок, дежуривших возле постели больного М.А.Булгакова в последние дни его жизни.

Попов П.С. (1892-1964), философ, литературовед, близкий друг и первый биограф М.А.Булгакова.

Прудкин М.И. (1898-1994), актер МХАТ, народный артист СССР, первый исполнитель роли Шервинского в пьесе “Дни Турбиных”.

Пырьев И.А. (1901-1968), кинорежиссер, народный артист СССР, в 1934 г. работал над фильмом “Мертвые души” по сценарию М.А.Булгакова, фильм снят не был.

Ракицкий Н.П. (1888-1979), ученый-агрономом, коллекционер.

Рапопорт И.М., актер и режиссер, приятель М.АБулгакова..

Рыбинский В.П. (1867-1944), профессор Киевской Духовной Академии, сослуживец отца М.А.Булгакова.

Слезкин Ю.Л. (1885-1947), русский советский писатель, М.А.Булгаков сотрудничал с ним во Владикавказе, затем — в Москве.

Смирнова М.П. (?-?), предмет кратковременного увлечения М.А.Булгакова в начале 30-х г.г. в период вынужденного разрыва отношений с Е.С.Шиловской.

Симонов Р.Н. (1899-1968), актер, народный артист СССР, профессор, главный режиссер Театра им. Евг. Вахтангова с 1939 г. по 1968 г. Первый исполнитель роли Аметистова в пьесе М.А.Булгакова "Зойкина квартира".

Скороходов Г.А., журналист, автор книги "Разговоры с Раневской".

Смелянский А.М. (р.1942), театровед, заместитель художественного руководителя МХАТ им.А.П.Чехова, ректор Школы-студии МХАТ, автор ряда книг в т.ч. "Михаил Булгаков в Художественном театре" (1986) и книги воспоминаний "Уходящая натура" (2001).

Сынгаевская-Истомина К.Н. (1904-1992), педагог, крестница

В.М.Булгаковой, сестра Н.Н.Сынгаевского близкого друга детства и юности М.А.Булгакова.

Сынгаевская-Васнецова Л.Н. (1893-1983), музыкант, режиссер, сестра Н.Н.Сынгаевского близкого друга детства и юности М.А.Булгакова.

Сынгаевская-Немировская В.Н. (1891-1985), педагог, сестра Н.Н.Сынгаевского близкого друга детства и юности М.А.Булгакова.

Собесский М.И. (?-?), доктор медицины, коллега Н.А.Булгакова по Пастеровскому институту в Париже.

Ушакова Н.А. (1899-1993), художница, книжный иллюстратор, жена Н.Н.Лямина — близкого друга М.А.Булгакова.

Файко А.М. (1893-1978), драматург, сосед М.А.Булгакова по писательскому дому.

Чимишкян М.А., близкий друг М.А.Булгакова, первая жена С.А.Ермолинского.

Чудакова М.О., известный литературовед, автор ряда книг о М.А.Булгакове.

Чуковская Л.К. (1907-1996), русская писательница, дочь К.И.Чуковского, близкий друг А.А.Ахматовой.

Шапошникова Н.В., искусствовед, внучка Б.В. Шапошникова, который входил в круг “пречистенцев” и был дружен с М.А.Булгаковым.

Шварц А., автор книг о современной науке, с 1973 г. живет в США, был знаком с Е.С.Булгаковой.

Шверубович Д.В. (1901-1981), театральный деятель, сын В.И.Качалова, с 1932 г. по 1959 г. заведовал постановочной частью МХАТа.

Шереметьева Е.М., с 1927 г. по 1935 г. заведующая литературной частью “Красного театра” (г.Ленинград).

Эрлих А.И. (1896-1963), журналист, писатель.

Явич Август, журналист.

Яновская Л.М., известный литературовед, текстолог, автор многочисленных трудов о М.А.Булгакове.

Список использованной литературы

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом. — М., 1992.
2. Ардов В.Е. Этюды к портретам - М.: Советский писатель, 1983. - 360 с.
3. Археологический ежегодник. — М., 1995.
4. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания — М.: Художественная литература, 1990. — 223 с.
5. Булгаков М.А. Письма. Жизнеописание в документах. — М.: Со временник, 1989. — 576 с.
6. Булгаков М. Дневник. Письма. 1914-1940. — М.: Современный писатель, 1997. — 640 с
7. Булгаковы Михаил и Елена. Дневник Мастера и Маргариты. — М.: Вагриус, 2001. — 560 с.
8. М.А.Булгаков — драматург и художественная культура его времени: Сборник статей и материалов. — М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. — 496 с.
9. Михаил Булгаков. Записки юного врача. — К.: Либідь, 1995. — 304 с.
10. Булгаковский сборник IV. Материалы по истории русской литературы XX века. — Таллин: TPU KIRJASTUS, 2001. — 216 с.
11. Василенко С.Н. Многообразие дарования. — Литературная Россия. 1981.15.V.
12. Виленкин В.Я. Воспоминания с комментариями. — М.: Искусство, 1982. — 502 с.
13. Виленкин В.Я. “Презираю земные блага, но не честь!” — М.: Московские новости. 1986. 28.XII.
14. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике

1917-1953 гг. — М.: МФД, 1999. — 872 с.
15. Воспоминания о Михаиле Булгакове. Сборник — М.: Советский писатель, 1988. — 528 с
16. Габрилович Е. Вещичка. — М.: Искусство кино. 1969. — № 2.
17. Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. — М.: Коллекция "Совершенно секретно", 2002. - 288 с.
18. “Голос Родины”. 1991. — №21.
19. “Горьковец” 15.02.1934
20. Давыдов З., Купченко Вл. "Буду рад вас видеть в Коктебеле..." — К.: Радуга. — №4.
21. Дневник Елены Булгаковой. — М.: Изд-во "Книжная палата", 1990. — 400 с.
22. Земская Е.А. М.А.Булгаков в последний год жизни. /По материалам семейного архива. — М.: Наше наследие. 1991. — №3.
23. Земская Е.А. Новые материалы к биографии М.Булгакова: революция и интеллигенция. (Из семейного архива). — Paris.: Revue des etudes slaves. 1993.— LXV/2.
24. Земская Е.А. Николка Турбин и братья Булгаковы. — М.: Театр. 1991. — № 5.
25. Ермолинский С.А. О времени, о Булгакове и о себе — М.:Аграф, 2002. — 448 с.
26. Каверин В.А. Елена Сергеевна Булгакова. — Л.: Октябрь. 1984. — № 9.
27. Каверин В.А. Письменный стол — М.: Советский писатель, 1985. — 272 с.
28. Карум И.Л. — Подмосковье. 1998.13.06.
29. Карум И.Л. На Андреевском 13... — Стиль и Дом. 2000. №3.
30. Катаев В.П. Алмазный мой венец: Повести. — М.: АО Издательство "Аст-Пресс", 1994. — 400 с.

31. Катаев В.П. Встречи с Булгаковым. — Советская культура. 1980. 19.IX.
32. Кисельгоф Т.Н. — М.: Москва. 1987. — №8.
33. Конский Г.Г. — М.: Советская культура. 1971. 13.XI.
34. Лакшин В.Я Вторая встреча — М.: Советский писатель, 1984. — 368 с.
35. Лакшин В.Я. Булгакиада — К.: Радянська Україна. 1991. — 64 с.
36. Лаппа Т.Н. Он помнил обо мне... — М.: Студенческий меридиан. 1991. — №5, №6.
37. Ливанов А.К. Притча о встречном.
38. Лотмановский сборник. Вып.1. — М.: Издательство "ИЦ-Гарант", 1995. — 734 с.
39. Луговская Т.А. Как знаю, как помню, как умею: Воспоминания, письма, дневники. — М.: Аграф, 2001. — 384 с.
40. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — М.: Книга, 1989, — 480 с.
41. Марков П.А. О театре т.4.
42. Марков П.А. Книга воспоминаний.
43. Международный научно-художественный журнал "Collegium" /Выпуск посвящен Михаилу Булгакову. — Киев: 1995. — № 1-2. — 312 с.
44. Миндлин Э.Л. Молодой Михаил Булгаков. — М.: Наш современник. 1967. — № 2.
45. Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. — М.: Советский писатель,1968. — 496 с
46. Михаил Булгаков: "Этот мир мой...". Сборник статей. Том 1. /Российский институт истории искусств. Санкт-Петербургское Булгаковское литературно-театральное общество. — СПб.: Деан; Ферт, 1993. — 190 с.

47. Некрасов В.П. Дом Турбиных. — К.: Кий, 1998. — 256 с.
48. Немирович-Данченко В.И. Избранные письма. В 2-х т. Т. 2. 1910-1943. — М.: Искусство. 1979. — 742 с.
49. Облик слова. Сборник статей. /РАН. Институт русского языка. — М.: 1997. — 384 с.
50. Овчинников И.С. Воспоминания старого журналиста. — Литературная Россия. 1986.16.V.
51. Паршин Л. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. — М.: Издательство "Книжная палата", 1991. — 207 с.
52. Паустовский К.П. Далекие годы. — К.: “Дніпро”, 1987.
53. Пилявская С.С. — М.: Московские новости. 1986. 28. XII.
54. Пилявская С.С. Грустная книга. — М.: Вагриус, 2001. — 352 с.
55. Ракицкий Н.П. Встречи с М.А.Булгаковым. — М.: Дружба народов. 1990. — №3.
56. Рогозовская Т.А. Музей М.А.Булгакова в Киеве. Не путеводитель. — К.: Либра, 2000. — 136 с.
57. Рогозовская Т.А. Отец Афанасий Иванович Булгаков. Интернет-версия статьи.
58. Родословия Михаила Булгакова /Автор-составитель Б.Мягков. — М.: Издательство "Апарт", 2001. — 96 с.
59. Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. — М.: Олма-Пресс, 2000. — 446 с.
60. Свиридов Г.В. Музыка как судьба. — М.: Молодая гвардия, 2002. — 798 с.
61. Скорвялина Т. Они выхаживали М.А.Булгакова. — Медицинская газета. 1989. 1.III.

62. Скороходов Г.А. Разговоры с Раневской. — М.: Издательство АСТ. Олимп. 2002. — 416 с.
63. Смелянский А.М. Уходящая натура. — М.: Изд. дом "Искусство", 2002. — 448 с.
64. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. 1928-март 1929. — М.: Государственное издательство политической литературы. 1949. — 382 с.
65. Станиславский С.К. Сочинения. Т. 8. — М.
66. Творчество Михаила Булгакова. Исследования и материалы. Книга 2. — Санкт-Петербург: Наука, 1994. — 384 с.
67. Труды Киевской Духовной Академии. — К. 1907. — кн.5.
68. Тыняновский сборник. Вып.10 Шестые-Седьмые-Восьмые Тыняновские чтения. — М. 1998. — 914 с.
69. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — 2-е изд. доп. — М.: Книга. 1988. — 672 с.
70. Чуковский К.И. Дневник 1930-1969. — М.: Современный писатель, 1997. — 560 с.
71. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1963-1966. т.3. — М.: Согласие, 1997. — 544 с.
72. Шварц Анатолий. Жизнь и смерть Михаила Булгакова. Документальное повествование. — Tenafly. Эрмитаж, 1988. — 216 с.
73. Шапошникова. Н.В. Булгаков и пречистенцы. — М.: Строительство и архитектура Москвы. 1989. — №9. 1990. — № 2, 4, 5, 11.
74. Шенталинский В.А. Донос на Сократа. — М.: Формика-С, 2001.— 461 с.
75. Шереметьева Е.М. Из театральной жизни Ленинграда. — Л.: Звезда. 1976. — №12.
76. Эрлих А.И. Нас учила жизнь. Литературные воспоминания. — М.: Советский писатель, 1960. — 200 с.

77. Ямпольский Борис Избранные моменты жизни /проза последних лет/ — Санкт-Петербург, "Акрополь", 1998.
78. Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. — Holon: Издательство "Мория", 1997. — 457 с.
79. Яновская Л.М. На снимках Михаил Булгаков. — Советское фото. 1985. — №7.
80. Юрий Кривоносов. Авторы Булгаковианы. — Советское фото. 1991. — №5.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь знаменитых людей
в фотографиях и воспоминаниях
том 1

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Составитель

Губианури Людмила Викторовна

Редактор Ю.А.Воронцов
Дизайн и компьютерная верстка А.Б.Дегтярь
Технический редактор Е.В.Разоренова

Подписано к печати 7.05.2004. Формат 60х70/32. Печать офсетная.
Бум. офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Тираж 1000 экз.

Издатель тиража
ЧП "ЮМА-ПРЕС"
02218, Киев, ул С.Стальского, 23
E-mail: yma-press@rambler.ru

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи: серія ДК № 229 від 31.10.2000 р.